

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА
(Самарский университет)

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXII Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 9–10 декабря 2016 г.)

Материалы и доклады

Самара
2017

УДК 94
ББК 63.3
П37

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (отв. редактор);
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. М.М. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Н.Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В.А. Тюрин (отв. секретарь)

П37 **Платоновские чтения:** материалы и доклады XXII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 9–10 декабря 2016 г.) / Отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. 236 с.

ISBN 978-5-98996-188-7

В сборнике представлены статьи участников XXII Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском университете 9–10 декабря 2016 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, международных связей, истории взаимоотношений власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли, истории культуры и этносов России.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-98996-188-7

© Авторы, 2017
© Самарский национальный
исследовательский университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

XXII Всероссийские Платоновские чтения – 2016 г. 8

Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

Виденкина К.А. М.М. Щербатов об избрании на престол Бориса Годунова	13
Кашаев Д.А. Служба Ивана Заруцкого Лжедмитрию II в Тушино	15
Родионова Ю.Р. Русская воинская система XVII века по сведениям Якова Рейтенфельса	17
Крылова А.В. Трансформация поведения российской женщины в эпоху Петра Великого	19
Кириякова Е.С. Петр I и Франц Лефорт	22
Заплетин В.В. Миф о стрельцах в «открытом письме» В. Зорина	25
Кулакова Е.В. Культурная эволюция столичного высшего общества в годы правления Анны Иоанновны	28
Пискотина В.А. Решение вопроса варяжско-русского взаимодействия в материалах I, II и III Археологических съездов	30
Макарова А.В. Торгово-промышленные объединения Среднего Поволжья на рубеже XIX–XX веков	33
Гаврилина И.А. Немецкий просветитель Ф.М. Клингер на русской службе (1780–1830 гг.)	36
Яловега В.И. Сигизмунд Сераковский и план автономизации Западного края Российской империи	38
Любишина А.И. Питание населения Поволжья в период голода 1921–1922 гг. (на примере Пензенской и Самарской губерниях)	41
Горбунов А.Г. Экономика Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны	43
Марфина Е.И. Проблемы трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Куйбышева)	45
Гущин А.А. Проблема расселения ветхого и аварийного жилья в г. Пензе в 1950-х – начале 1980-х гг.	48

Секция II. Власть и общество в истории России

Бочарова А.В. НЭПманы и не НЭПманы в НЭПмановской Самаре	50
Писарева О.К. Самарская губернская власть и случайные находки древностей в последней четверти XIX века	53
Чепурнова Е.И. Благоустройство улицы Дворянской в конце XIX – начале XX вв.	55

Трубицын И.О. Корпоративная организация дворянства: вчера и сегодня. К постановке проблемы	57
Колбашкин Е.П. Борьба «верхов» в первые месяцы правления императора Александра III	59
Микеленис А.А. Характер и организация сибирского земства на основе томского проекта и думского законопредложения	62
Семькина А.С. Социопсихологические аспекты формирования «народной» милиции 1917 г. в Самаре	63
Ильясова Л.Р. В.Г. Короленко – корреспондент в Нижнем Новгороде	66
Скачкова У.О. Антропология повседневных практик женщин Самарской губернии в 1920-е гг.	68
Рубан О.С. Формирование «классового подхода» как основы советской уголовной политики в 1918–1922 гг.	70
Колганова К.Г. Правовой статус городских советов Самарской (Куйбышевской) области с 1945 по 1964 гг.	72
Горшенин А.В. Становление системы управления отраслью городского электротранспорта в РСФСР	74
Елисеев А.И. А.А. Росовский – председатель исполкома городского совета: постановка проблемы	78
Самсонова И.С. Развитие интернациональной работы и ее значение в СССР в 1965–1985 гг. на примере г. Тольятти Куйбышевской области	80
Григорьев В.А. Возникновение и деятельность первых либеральных политических организаций в СССР в конце 1980-х гг.	82

Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций

Нагорнова М.А. «Проблемный» польский вопрос в XIX веке: начало и специфика	86
Имукова П.А. Национальная традиция чаепития в отражении русской литературы XIX века	88
Егорова Ю.О. «Эго-образы» в военных корреспонденциях времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	91
Парахин А.С. Образ и восприятие союзников российским обществом в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.)	93
Макогон О.А. Концепция развития исторического процесса в трудах П.Н. Милюкова	95
Шашкова А.А. Человек во всемирно-историческом процессе: концепция Н.А. Бердяева	97
Рябова В.Ю. Русские эмигранты «первой волны»: мифы и реальность	99

Кирилин К.А. Деятельность Петра Алексеевича Кропоткина после возвращения в Россию в 1917 году	102
Клюева Д.С. Роль периодической печати в формировании общественного мнения по вопросу закрытия церквей в 1928–1937 гг.	104
Вайнунская А.И. Круг чтения ребенка в блокадном Ленинграде (на основе источников личного происхождения)	106
Мельникова К.А. А.И. Борозняк как исследователь исторической памяти германского общества о преступлениях национал-социализма	109
Кульков А.Е. «Варяжский вопрос» в советской исторической науке как особый этап развития проблемы	111
Швед С.Е. Роль Е.А. Косминского в подготовке учебника по истории средних веков для высшей школы	113
Кравченко Е.В. Изменение парадигмы современного знания о средневековье: новые подходы в отечественной медиевистике	116
Ткаченко В.В. Владимир и Рогнеда в историографии и искусстве второй половины XVIII в.	118
Пурьгин А.Е. Образ Л.Н. Толстого в изобразительном искусстве императорской России	121

Секция IV. Русская культура, история этносов и повседневность

Колпакова О.В. Уровень профессиональной подготовки духовенства Пензенской епархии в конце XVIII – первой половине XIX в.	124
Моргунов Я.В. Детство и учеба в уездной Самаре: по материалам семьи Второвых	126
Афанасова Т.М. Самарский период биографии ученого, педагога и журналиста XIX века В.Г. Варенцова	129
Хретинина О.А. Проведение обозрений училищ в повседневности школ дореформенной России	132
Панкратова О.И. Вклад духовенства в просвещение и изучение Самарского края в первой половине и середине XIX века	135
Мирончева Е.А. Социокультурная деятельность женских монастырей России на примере Симбирской епархии конца XIX – начала XX вв.	138
Забараускас А.С. Помощь населению уездов Степного Заволжья в голодные 1911–1912 годы	140
Мкртчян Л.Г. Армянская диаспора Самарского края в 1918–1920 гг.	143
Романова В.Б. Дома моды русских эмигрантов в Париже в 1920–1930-х гг.	145
Синица С.В. Рецепция античности в русской культуре: мифологические образы в поэзии С.Я. Парнок	148
Захаров К.В. Репертуарная политика театров г. Волгограда в новых исторических условиях последнего десятилетия XX в.	149

Устинова А.В. Вожди «Скотного двора» Д. Оруэлла: поиск советской идентичности	151
Абрашкин С.Н. Восприятие телевидения населением Куйбышевской области (конец 1950-х — начало 1960-х гг.)	154
Посашкова К.Н. К вопросу о развитии научно-исследовательской работы в период становления Тольяттинского политехнического института	156
Гребень Д.Е. Изменения в официальной точке зрения тувинских властей на буддизм в контексте национально-культурного возрождения	158

Секция V. Международные отношения: история и современность

Мещеряков Н.Г. Влияние софистики на общественную жизнь Афин	161
Стрижакова Е.Е. Внешняя политика императрицы У	163
Айзенштадт Е.О. Церковная политика Генриха II. Германия XI в.	165
Федоров В.О. Общественные дискуссии и идеологическая борьба по вопросам внешней политики США (1820-1840-е гг.)	168
Бахута Н.В. Косово начала XX века глазами сербов и албанцев	170
Степанова А.А. Чарльз Стюарт Парнелл и Парламентская партия 1884–1886 гг. Первый Билль о гомруле	171
Парфирьев Д.С. Относительное единство: украинские политики Австро-Венгрии в первые месяцы Первой мировой войны	173
Наймарк Ю.С. Предпосылки раздела Палестины в межвоенный период (1918–1939)	175
Докучаева С.В. Советская культурная дипломатия в странах Латинской Америки в 50-е гг. XX века: к постановке проблемы	178
Корнеева А.В. Реакция населения ГДР на возведение Берлинской стены (по материалам министерства госбезопасности ГДР)	180
Тимофеев В.Н. Факторы вступления США в локальный конфликт в Южном Вьетнаме	182
Чернова К.И. Партия «Черные пантеры»: идеологические поиски движения	185
Яковлев Д.С. Внешняя политика США в Афганистане во время президентства Джорджа Буша мл.	187
Лаферова А.В. Проект «Нептун»: опыт сохранения Белых скал Дувра и береговой линии Великобритании	188
Золотаренко Ю.О. Международные последствия референдума о независимости Шотландии	190
Волобуева И.В. Политический ислам и современность	193

Стендовые доклады

Евграшин Д.А. Дипломатия Наваррского двора Генриха Бурбона	195
Буренкова Л.Е. Исследования самарских авторов о роли мордвы в заселении Поволжья	197
Полубоярова Е.В. Литература как исторический источник: влияние литературы на действительность в России XIX века	200
Гречишникова К.И. Этико-философские истоки общественных взглядов Н.Г. Чернышевского	202
Шинкевич П.П. Главное управление землеустройства и земледелия в период столыпинских переселений в Сибирь	204
Цыганова Я.М. Образ Среднего Поволжья в книгах для народного чтения	206
Арапова Ю.В. Руководители городских Дум Поволжья в дневниках и воспоминаниях	208
Кузнецова М.И. Две Веры. Революционная биография женщины в историко-антропологическом аспекте	211
Ремезов П.М. И.А. Ильин о Февральских событиях 1917 г. в России	213
Алексеев Е.В. «Заграничная» повседневность советского рабочего в 1920-е – 1930-е гг. Между Самарой и миром	214
Сотников М.Г. Восстановление военно-физической подготовки в системе народного образования Краснооктябрьского района г. Сталинграда в 1943–1944 учебном году	217
Боженко А.А. «Подлинная история»: Битлз как зеркало советской интеллигенции	219
Ильминская М.С. Новые подходы в изучении французской средневековой городской семьи XII–XIV вв. в современной отечественной историографии	221
Мельников А.Ю. Феномен неофашизма в освещении советской историографии: публикации 1970-х – первой половины 1980-х гг.	223
Бесчаснова С.О. Деятельность Общества «СССР-Италия» в г. Тольятти по архивным материалам Тольяттинского отделения Общества «СССР-Италия» в период 60-80 годов XX века	225
Емельянова Т.Б. Немцы Среднего Поволжья в кратком обзоре до-революционной историографии (вторая половина XIX в. – начало XX в.)	228
Батрашев С.С. Влияние религии на становление хип-хоп культуры	230
Козин К.Е. Музыкальная жизнь города Куйбышева в годы Великой Отечественной Войны (историография проблемы)	233

XXII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2016 Г.

9–10 декабря 2016 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева на базе кафедры российской истории состоялась очередная ежегодная конференция студентов и молодых ученых – XXII Всероссийские Платоновские чтения.

Платоновские чтения являются одним из самых известных и популярных межвузовских исторических форумов научной молодежи современной России. Работа конференции привлекает молодых исследователей из многих регионов европейской части страны, Урала и Сибири, а нередко и зарубежья. По Положению о Чтениях в них имеют право принимать участие аспиранты, научные сотрудники, преподаватели и студенты в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания. В основе работы конференции заложено конкурсный характер.

Традиционно, начиная с первых, состоявшихся в 1996 г. Чтений, при организации очередной конференции члены Оргкомитета решают две базовые задачи:

- содействовать развитию научного творчества молодежи,
- пропагандировать российское национальное историческое наследие.

За более чем двадцатилетнюю историю проведения Платоновских чтений, они показали свою высокую эффективность для развития отечественной науки, особую значимость для вузовской молодежи. В среднем в работе каждой из ежегодных конференций принимало участие до 150–200 студентов, соискателей и аспирантов; выступало с докладами от 50 до 70 и более человек. Тексты всех представленных на конференцию и прошедших конкурсную экспертизу докладов были опубликованы.

Платоновские чтения пользуются заслуженным признанием в среде студенчества и молодых ученых. Их важнейшей особенностью является постоянство, регулярность, единство требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение Чтений стало научной традицией. Во многих городах Российской Федерации – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Волгограде, Пензе, Тольятти и других сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Начиная с 1996 г., организатором и главным исполнителем Платоновских чтений являлся Самарский государственный университет (в настоящее время – Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева). В течение ряда лет методическую и научную помощь в проведении конференции оказывал Санкт-Петербургский Институт истории РАН.

XXII Всероссийские Платоновские чтения 2016 г. были проведены при финансовой и научно-методической поддержке ректората Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

Проект «Платоновские чтения» является неотъемлемой частью всей системы научной и учебной работы кафедры российской истории исторического факультета Самарского национального исследовательского университета, ежегодных научных конференций молодых ученых и студентов. Платоновские чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Поволжья, но и всей Российской Федерации.

Традиционным на протяжении многих лет является состав Оргкомитета конференции во главе с профессором П.С. Кабытовым. В 2016 г. в него вошли первый проректор Самарского университета профессор А.Б. Прокофьев, директор социально-гуманитарного института, кандидат философских наук В.А. Кузнецов, профессора М.М. Леонов, Ю.Н. Смирнов, Н.Н. Кабытова, Э.Л. Дубман, М.И. Леонов, ответственный секретарь Чтений доцент В.А. Тюрин, лаборант Е.И. Чепурнова. Активное участие в организации конференции приняли студенты исторического факультета университета.

Как и для предшествующих конференций, начиная с 2011 г., заседания участников XXII Платоновских чтений проводились в рамках 5 секций.

Работа конференции проходила в 3 этапа:

- церемония открытия конференции – 9 декабря 2016 г.,
- заседания секций – 9 декабря 2016 г.,
- пленарное заседание – 10 декабря 2016 г.

На церемонии открытия конференции с приветственным словом выступил директор социального гуманитарного института, проректор по социально-гуманитарному направлению Самарского университета В.А. Кузнецов. Профессора О.Б. Леонтьева и Э.Л. Дубман познакомили участников конференции с результатами научных исследований коллектива кафедры российской истории, провели презентацию книг, изданных ее сотрудниками в последние годы.

Затем работа Платоновских чтений была продолжена на секционных заседаниях. На всех 5-х секциях прозвучало 72 доклада (4 аспирантов, 2 – соискателей, 66 – магистров и бакалавров).

Докладчики представляли 13 университетов и научных учреждений из 9 вузовских центров России: Москву (Московский государственный университет – 8 чел.), Санкт-Петербург (Санкт-Петербургский государственный университет – 2 чел.), Ростов (Южный федеральный университет – 1 чел.), Самару (Самарский национальный исследовательский университет – 44 чел., Самарский государственный социально-педагогический университет – 2 чел., Самарский филиал Московского государственного педагогического университета – 1 чел., Самарский государственный институт культуры – 4 чел., Самарскую областную универсальную научную библиотеку – 1 чел.), Пензу (Пензенский государственный университет – 3 чел.), Челябинск (Южно-Уральский государственный университет – 1 чел.), Иркутск

(Иркутский государственный университет – 1 чел.), Волгоград (Волгоградский государственный социально-педагогический университет – 2 чел.), Тольятти (Тольяттинский государственный университет – 3 чел.).

Также было предложено для внимания присутствующих 19 стендовых докладов.

Всего на заседаниях Чтений присутствовало более 120 чел.

На первой секции – «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России» выступавшие 15 докладчиков (2 аспиранта, 13 магистрантов и бакалавров) представляли Московский государственный (2), Южный федеральный (1), Самарский национальный исследовательский (8) и Пензенский государственный университеты (2); Самарский государственный социально-педагогический университет (1), Волгоградский государственный социально-педагогический университет (1). Первое место на секции присуждено магистранту Московского государственного университета И.А. Гаврилиной за доклад «Немецкий просветитель Ф.М. Клингер на русской службе (1780-1830)». Второе место за доклад «Миф о стрельцах в открытом письме В. Зорина» получил магистрант Самарского национального исследовательского университета В.В. Заплетин, третье место – магистрант Самарского национального исследовательского университета Е.В. Кулакова за доклад «Культурная эволюция столичного высшего общества в годы правления Анны Иоанновны».

Вторая секция «Власть и общество в истории России» (всего 14 докладчиков) – объединила аспирантов (1), соискателей (1), магистрантов и бакалавров (12). Из них 9 человек представляли Самарский национальный исследовательский университет, 1 – Московский государственный университет, 1 – Санкт-Петербургский государственный университет, 1 – Иркутский государственный университет, 1 – Тольяттинский государственный университет и 1 – Самарскую областную универсальную библиотеку.

Первое место за доклад «Корпоративная организация дворянства: вчера и сегодня. К постановке проблемы» присуждено магистранту Самарского национального исследовательского университета И.О. Трубицыну; второе место за доклад «Антропология повседневных практик женщин Самарской губернии в 1920-е гг.» – студентке Самарского национального исследовательского университета У.О. Скачковой; третье место за доклад «Характер и организация Сибирского земства на основе Томского проекта и Думского законопредложения» – студентке Иркутского государственного университета А.А. Микеленис.

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций» прозвучали 12 докладов (11 магистрантов и бакалавров, 1 соискатель). Из них Самарский национальный исследовательский университет представляли 9 докладчиков, Московский государственный университет – 1, Тольяттинской государ-

ственный университет – 1, Самарский государственный социально-педагогический университет – 1.

Первое место присуждено за доклад «Владимир и Рогнеда в историографии и искусстве второй половины XVIII века» соискателю Московского государственного университета В.В. Ткаченко; второе место за доклад «Круг чтения детей блокадного Ленинграда (на основе источников личного происхождения)» – студентке Самарского национального исследовательского университета А.И. Вайнюнковой; третье место за доклад «Варяжский вопрос» в советской исторической науке как особый этап развития проблемы» – магистранту Самарского национального исследовательского университета А.Е. Кулькову.

На секции «Русская культура, история этносов и повседневность» прозвучало 16 докладов магистрантов и бакалавров. Из них 6 человек представляли Самарский национальный исследовательский университет, 1 – Московский государственный университет, 1 – Санкт-Петербургский государственный университет, 1 – Тольяттинский государственный университет, 2 – Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 1 – Пензенский государственный университет, 4 – Самарский государственный институт культуры.

Первое место за доклад «Армянская диаспора Самарского края в 1918-1920 гг.» присуждено магистранту Самарского национального исследовательского университета Л.Г. Мкртчян, второе место за доклад «Репертуарная политика театров г. Волгограда в новых исторических условиях последнего десятилетия XX в.» – студенту Волгоградского государственного социально-педагогического университета К.В. Захарову; третье место за доклад «Изменения в официальной точке зрения тувинских властей на буддизм в контексте национально-культурного возрождения» – магистранту Московского государственного университета Д.В. Гребень.

Пятая секция «Международные отношения: история и современность» (всего 15 докладов – 14 магистрантов и бакалавров, 1 аспирант), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 11 докладов, из них национальный исследовательский университет – 10, Самарский филиал Московского государственного педагогического университета – 1. Представители других городов – 4 доклада, в том числе: Московский государственный университет – 3, Южно – Уральский государственный университет – 1.

Первое место на секции за доклад «Чарльз Стюарт Парнелл и Парламентская партия 1884-1886 гг. Первый Билль о гомруле» было присуждено магистранту Московского государственного университета А.А. Степановой; второе место за доклад «Относительное единство: украинские политики Австро-Венгрии в первые месяцы Первой мировой войны» присуждено магистранту Московского государственного университета Д.С. Парфирьеву, третье место – магистранту Самарского национального исследовательского

ского университета Н.Г. Мещерякову за доклад «Влияние софистики на общественную жизнь Афин».

10 декабря 2016 г. состоялось пленарное заседание XXII Платоновских чтений. К участникам конференции обратился зам. директора социально-гуманитарного института, член Оргкомитета профессор М.М. Леонов, отметивший необходимость дальнейшего совершенствования организации Чтений, расширения их географии, повышения уровня докладов.

Вторая часть пленарного заседания была посвящена конкурсным выступлениям соискателей, занявших первые места на своих секциях. Доклады соискателей вызвали многочисленные вопросы присутствующих, были заслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессоров звание Лауреата XXII Всероссийских Платоновских чтений было присуждено магистранту Самарского национального исследовательского университета Л.Г. Мкртчян за доклад «Армянская диаспора Самарского края в 1918-1920 гг.».

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В завершающей части пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости проведения всероссийских форумов научной молодежи. Участники заседания предложили оказать всемерное содействие закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня, повысить ее статус до международного с приглашением зарубежных участников.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин

СЕКЦИЯ I.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

К.А. Виденкина

Южный федеральный университет

М.М. ЩЕРБАТОВ ОБ ИЗБРАНИИ НА ПРЕСТОЛ БОРИСА ГОДУНОВА

Одним из выдающихся историков, центральной темой исследования которого стал период Смутного времени в России, по праву можно назвать С.Ф. Платонова. Именно он предложил деление Смуты на три периода: первый – династический, второй – социальной борьбы и третий – национальный.

Тема Смуты в России имеет значительную историографию, одним из историков, закладывающим ее основы, был выдающийся деятель общественно-политической жизни России и русской культуры второй половины XVIII века, князь Михаил Михайлович Щербатов. В VII томе «Истории российской от древнейших времен» М.М. Щербатов дает характеристику Смуты, рассматривает ее этапы и выдвигает свою версию восшествия Бориса Годунова на престол.

Князь М.М. Щербатов, как и С.Ф. Платонов, считал, что началом правления Бориса Годунова можно назвать более ранний срок, причисляя к данному периоду регентство при Федоре Ивановиче. В «Истории российской от древнейших времен» ход рассуждений князя сводится к тому, что Борис Годунов продвигался к власти, обеспечив связь с правящей династией через заключение брака своей сестры Ирины с царем Федором Ивановичем. М.М. Щербатов был историком, развивавшим в русской историографии традицию, согласно которой в гибели царевича Дмитрия виноват был Борис Годунов. Кроме того, как утверждал М.М. Щербатов, Борис был также причастен к смерти Федора Ивановича. Продолжение и развитие данной темы встречается также и в его «Краткой повести о бывших в России самозванцах» [1, с.4].

Свое избрание царем Борис стремился оправдывать, по мнению М.М. Щербатова, тем, что его избрал именно народ. М.М. Щербатов утверждал, что Ирина Годунова принимала активное участие в политической игре своего брата, направленной на передачу престола Годунову. «Является, что тогда же объявля патриарху и боярам, что она от права за себя и за брата своего, которого тогда же патриарх и народ просил себе в цари на российской престол, отрекается и оставляет свободу боярам и всему народу российскому избрать себе в государя, кого достойнейшего найдут», – писал он [2, с. 4-5].

М.М. Щербатов в своих работах указывал на поддержку Бориса Годунова патриархом Иовом. В своей «Истории...» он отводил последнему немаловажную роль. По мнению князя, именно патриарх Иов способствовал формированию положительного мнения о Борисе Годунове у народа.

Ввиду отказа от престола царицы Ирины от своего лица и от лица брата встала необходимость решения судьбы страны при помощи народного собрания. М.М. Щербатов крайне негативно относится к подлинности и справедливости такого способа избрания на престол, он сомневается в неподкупности тех, кто должен участвовать в избрании. Выступления в поддержку Бориса Годунова М.М. Щербатов считал неискренними и заранее спланированными. Это, на его взгляд, подтверждается подавлением сторонниками Годунова попытки противостояния этому избранию со стороны князей Шуйских.

Таким образом, князь-историк считал незаконным избрание Бориса Годунова на царство, поясняя это тем, что многие сторонники претендента на царский престол вели себя слишком эмоционально. Это наводило его на мысль о неискренности поддержки на соборе Бориса. Кроме того, он подчеркивал, что в ходе выборов имело место нарушение процедуры голосования и, как было выше упомянуто, происходило подавление всякой оппозиции, недовольной кандидатурой Бориса Годунова.

Вывод о том, что процесс избрания Бориса Годунова не был законным, в последующем историками был подвергнут сомнению. Проанализировав ход выборов, В.О. Ключевский установил отсутствие нарушений в процессе избрания Бориса на престол. С.Ф. Платонов, который подтверждал вывод о законности этого избрания, поддерживал, однако, точку зрения М.М. Щербатова на то, что формирование мнения собора о Борисе Годунове как о единственном достойном претенденте на престол в большей степени было результатом внутренней борьбы на соборе [3, с. 216].

За последнее время В.Д. Назаров сделал анализ двух документов об избрании Бориса на престол – Соборного определения и Утвержденной грамоты [4, с. 285]. Следовательно, с точки зрения общества того времени избрание его представлялось законным и возможным. В.Д. Назаров также не поддержал мнение М.М. Щербатова о незаконности избрания Годунова на земском соборе 1598 г.

Таким образом, несмотря на то, что многие аспекты Смутного времени в работах М.М. Щербатова со временем были более глубоко изучены и подтверждены, а некоторые опровергнуты положение о незаконности избрания Бориса Годунова, которое поддержал Карамзин, его вклад в изучение этого вопроса несомненен. Большую роль в дальнейших исследованиях сыграл сам факт интереса князя М.М. Щербатова к этому важному вопросу в истории страны накануне Смуты.

Библиографический список

1. Щербатов М.М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1793.
2. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. VII. Ч.1. СПб., 1790.
3. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в московском государстве в XVI-XVII (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1910.
4. Назаров В.Д. Историческая память и политические практики в России (конец XVI – начало XVII века) // Материалы научной конференции. М., 2016.

Д.А. Кашаев

Самарский национальный исследовательский университет

СЛУЖБА ИВАНА ЗАРУЦКОГО ЛЖЕДМИТРИЮ II В ТУШИНО

Эпоха Смутного времени всегда привлекала к себе внимание как профессиональных историков, так и любителей. Однако при неиссякаемом интересе исследователей к событиям этого времени, многие из них до сих пор остаются недостаточно изучены. Это время дало нашей истории многих ярких исторических деятелей. Одни из них, например Кузьма Минин или Дмитрий Пожарский, не раз становились предметом исторических исследований, другие же до последнего времени оставались за рамками научного изучения. Ярким представителем второй группы деятелей той эпохи является Иван Мартынович Заруцкий. Несмотря на свою яркую биографию, он почти никогда не становился объектом пристального изучения специалистов. Он сыграл значительную роль в событиях Смутного времени сначала как сторонник Лжедмитрия II и один из руководителей движения самозванца, а затем как воевода первого земского ополчения наряду с Прокофием Ляпуновым и Дмитрием Трубецким и, наконец, как предводитель Астраханского восстания против избранного в 1613 году Московского царя. В данной работе хотелось бы остановиться именно на тушинском периоде жизни атамана Заруцкого, а именно рассмотреть его статус в Тушинском лагере второго самозванца. Хронологические рамки работы охватывают период существования подмосковного лагеря Вора, т.е. 1608-1610 годы.

Как правило, упоминая имя Ивана Заруцкого при изучении истории Тушинского лагеря многие исследователи называют его боярином и атаманом донцов, главой Казачьего приказа. Так какое же место он занимал в иерархии сторонников самозванца? С одной стороны, он действительно опирался на донских казаков и сам был, видимо из их среды. Но был ли он их атаманом в Тушино, учитывая его назначение главой Казачьего прика-

за? Можно предположить, что вхождение Заруцкого в приказную администрацию лагеря Вора означало выход его за рамки казачьей организации. Получив статус боярина, он переставал быть казаком по статусу и превращался из атамана (т.е. выбранного из казачьей среды признанного ей руководителем) в назначенного руководителя. При этом, несколько казачьих отрядов подчинялось гетману самозванца Роману Ружинскому, другие сражались под командованием полковника Яна Сапеги. А.Л. Станиславский, рассматривая организацию казаков в лагере Вора, подчеркивает, что единого казачьего войска в стане самозванца не было, а присутствовало известное их самоуправление на уровне станиц [2, с. 30]. Этот факт, а также достаточно четкое разделение казаков на донских и запорожских может объяснить наличие нескольких групп казаков в Тушино и подчинение их разным полковникам воровского войска. Козляков, опираясь на польскую рукопись дневника Сапеги, считает, что Заруцкого именовали «паном» и «полковником у всех русских людей» [1, с. 86]. Это позволяет усомниться в обоснованности представления о Заруцком только как об атамане донцов, особенно учитывая замечание Станиславского о том, что став главой Казачьего приказа, он вышел за рамки казачьей организации.

Заруцкий ведал в лагере Вора охраной и разведкой, поскольку гетман Ружинский, как и «царик», имел сильное пристрастие к спиртному. Часть донских казаков, находящихся под началом Заруцкого, воевала вместе с Лисовским и Сапегой, участвовала в осаде Троице-Сергиева монастыря. Сам же Заруцкий, как член Воровской думы, все это время находился в Тушине.

Несмотря на то, что Заруцкий всегда опирался, как правило, именно на донских казаков, нельзя не отметить и кризисных моментов в их взаимоотношениях. Так, когда в конце 1609 года Лжедмитрий II бежал из Тушино в Калугу, некоторые донцы решили последовать за ним, однако глава Казачьего приказа – Заруцкий – решил оставаться в Тушино и пресекать попытки ухода части войск вслед за Вором. Донцы, следовавшие за самозванцем, были разбиты и частью были вынуждены разбежаться, частью – вернуться под командование Заруцкого.

К концу сентября 1608 года руководители движения Вора – князь Ружинский, Ян Сапега, Александр Лисовский и Иван Заруцкий – смогли разделить свои сферы влияния [3, с. 220]. Войско самозванца разделилось: часть сил вместе с Яном Сапегой отправилась к Троице-Сергиеву монастырю, князь Ружинский с Заруцким остались в основном лагере. После ухода части наемного войска под Троицу доля и влияние русских повстанцев в лагере самозванца значительно возросло. И.О. Тюменцев, анализируя соотношение разных группировок в войске Вора, пришел к выводу, что долгое время считавшееся верным убеждение в том, что руководящая роль в лагере самозванца принадлежала наемникам, нуждается в уточнениях. Польско-литовские наемники, пришедшие под знамена царика, играли в

движении важную, но не определяющую роль. Значительную часть войска составляли русские тушинцы, которые имели большое значение в движении Вора [3, с. 166-167].

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно с уверенностью утверждать, что Иван Заруцкий с самого основания Тушинского лагеря самозванца играл в нем довольно значительную роль: он был предводителем донцов, ведал основными сторонами управления лагерем, судя по всему, имел влияние и на остальных русских тушинцев. Со временем он даже стал боярином, главой одного из важных тушинских приказов и членом воровской думы. На протяжении всего существования лагеря Вора Заруцкий играл в нем достаточно важную роль.

Библиографический список

1. Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012.
2. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII века: Казачество на переломе истории. М., 1990.
3. Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Ю.Р. Родионова

Самарский национальный исследовательский университет

РУССКАЯ ВОИНСКАЯ СИСТЕМА XVII ВЕКА ПО СВЕДЕНИЯМ ЯКОВА РЕЙТЕНФЕЛЬСА

Московское государство в XVI и XVII веках привлекало иностранных путешественников своей необычностью, другой жизнью, не такой, к какой они привыкли. Москва была для них загадкой, и те, кому посчастливилось побывать там, спешили поделиться известиями со своими государями, с народом своей страны. В основном эти известия принадлежат послам, торговым агентам, но случалось попадать в Россию и простым путешественникам.

Яков Рейтенфельс — путешественник и дипломат, прожил около двух лет в Москве (с 1671 по 1673 гг.). В 1674 году Яков пребывал в Риме, где начал создавать проекты по распространению католичества в России. Попытки поддержки этих проектов привели его в Тоскану к Козимо III Медичи. В процессе создания книги о России цель ее написания затерялась «в захватывающем описании прошлого и настоящего России» [3, с. 5]. По словам Павла Пирлинга, описание Рейтенфельсом современной ему России «показывает в нем ум, любознательность и наблюдательность» [4, с. 419]. Его произведение «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии» состоит из четырех книг: «о происхождении мос-

ковитов и обзор царствований» [4, с. 241], «двор и нынешнее правление» [4, с. 288], «сословие подданных и нравы» [4, с. 329], «естественные богатства государства и его обширности» [4, с. 379].

Целью моей работы является выяснение взглядов иностранных писателей на российское войско XVII века.

В вопросе историографии моего исследования следует отметить малую изученность темы. Для ее рассмотрения мною были использованы такие труды, как: «Сказания иностранцев о московском государстве» В.О. Ключевского, в котором автор рассматривал сочинения о России различных путешественников XV, XVI и XVII веков и на их базе составлял картину Московского государства. «Военный энциклопедический лексикон» дает определения многочисленным историческим, географическим и военным понятиям, куда входит и краткая история появления и развития. Для выяснения личности самого Рейтенфельса воспользовалась произведением Ю.Н. Палагина «Зарубежные писатели XVI-XIX веков о Сергиевом Посаде».

Своему описанию русского войска Рейтенфельс выделил отдельную главу (Кн. 3, гл. 3) под названием «О войске и способе ведения войны». Яков выделяет три рода войск: пехота, конница и «двоякосражающиеся», т. е. обученные по немецкому образцу конной и пехотной боевой службе. Они справедливо считаются одними из лучших родов войск в Европе.

Далее Рейтенфельс сообщает, что «главный начальник всего войска имеет ближайшего себе помощника» [4, с. 335] — гулевого, т. к. он ведает выбором места и разбитием лагеря. Он даже приводит этимологическое проследование: «гулевой» от слова «Гуляй-город» (по-другому: подвижной город). В военном энциклопедическом лексиконе пишется, что «Гуляй» — ограждение, состоящее из телег, повозок и саней.

Рейтенфельс пишет о делении войска на 4 части, которые он называет: правое крыло, левое, сторожевой и разведочно-запасной. Функции раскрываются только у одной части: сторожевой. Он «охраняет остальные, выставляя со всех сторон многочисленных караульных» [4, с. 335]. Однако, Ключевский относит функцию резерва к сторожевому полку.

Что касается вооружения, то большинство конницы по Рейтенфельсу имеет в арсенале кривые короткие сабли, стрелы, копья, а из доспехов — железные кольчуги. Стрельцы-пехотинцы же используют сабли и колесчатые сампалы. Ключевский подтверждает, что с усилением роли пехоты в XVII веке возросло количество огнестрельного орудия: солдаты применяли мушкеты, рейтары — карабины и пистолы.

Давая общую оценку российскому воинству и выделяя пехоту лучшей среди остальных родов войск, Рейтенфельс приводит характеристику излюбленной военной тактики и способностей войска к различным сражениям. Другие иностранцы также оставляли положительные отзывы о пехоте: под руководством умелого вождя она проявляла наилучшие качества,

соблюдая приемы правильного боя. В это же время конница, состоящая из служилых людей со слугами, вызывала только дурные впечатления, ибо была труслива и «билась гораздо хуже пехоты» [2, с. 108].

Таким образом, подробно рассмотрев и проанализировав сочинение Якова Рейтенфельса о русском войске второй половины XVII века, можно сделать вывод, что за два года пребывания в России, автор попытался действительно разобраться в незнакомой для него сфере. Видно, что он старался избегать категоричных негативных оценок, что может быть связано как с исследованием незнакомой для него области, так и с тем, чтобы максимально заинтересовать этой страной тосканского герцога Козимо, которому и посвящалось это сочинение. За 2 года своего пребывания в России Рейтенфельсу довольно глубоко удалось исследовать сложную русскую воинскую систему.

Библиографический список

1. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. В 14 т. СПб., 1852-1858.
2. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пет-роград, 1918.
3. Палагин Ю. Н. Зарубежные писатели XVI-XIX веков о Сергиевом Посаде. Сергиев Посад, 2001.
4. Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме 3 о Московии. Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997.

А.В. Крылова

Самарский национальный исследовательский университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЭПОХУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В XVIII столетии женщина преимущественно домашняя, семейная, какой ее видели и люди XVII века и историки, и писатели, превращается в женщину светскую, активную участницу общественной и культурной жизни, впитавшую в себя новую европеизированную атмосферу, но сохранившую лучшее, что было присуще ее предшественнице из допетровской Руси.

Почему же женский вопрос так важен для изучения любой эпохи в истории? Как говорит Ю.М. Лотман «характер женщины... можно назвать самым чутким барометром общественной жизни» [6, с. 46]. Отталкиваясь от этого высказывания, скажем, что тем более интересны перемены в характере «прекрасного пола» в эпоху перемен, реформ царя Петра Алексеевича. В период, до реформ Петра, женщина, как и ее положение, ассоциировалась с затворничеством. Адам Олеарий, немецкий путешественник,

так высказывается об условиях женского пола, что «из подозрительности их редко выпускали из дома, редко так же разрешают ходить в церковь; впрочем среди простонародья все это соблюдалось не очень точно» [1, с. 39]. Совершенно правильно высказался Адам, для подавляющего большинства женщин, а это в основном крестьянки, России XVII в., всецело отдававших себя домашним делам, сельскохозяйственным работам, рукоделию и воспитанию детей, такие ограничения были просто невыносимы. На женскую половину крестьян никак не повлияли реформы Петра Великого.

Семенова высказывает очень интересную мысль о том, что «Петр I прекрасно понимал, что дело преобразования отечества двинется вперед гораздо быстрее, если удастся приобщить к новшествам женщин» [7, с. 140]. Женщина после своего заточения в теремах и светелках, вдохнув глоток свободного воздуха, стала достойной ученицей царя-реформатора. Она не только поддерживала замыслы Петра I в области культурных новаций, но и «образцово усваивала петровские уроки по выработке европейского поведения и норм светской жизни» [4, с. 135].

Царевна Софья Алексеевна, сестра Петра Великого, непосредственным образом, повлияла на его решение о реформировании женского мира. Линдси Хьюз, приводит цитату Мордовцева, который говорит: «она первая из русских женщин... вышла из терема и отворила двери этого терема для всех желающих русских женщин, как меньшой брат ее Петр прорубил потом окно в Европу» [5, с. 43]. Одним словом, царевна Софья представляет переход от женщин допетровской Руси к женщинам Руси современной, однако, замечает автор, что «в Софье еще было много старого наследия Руси, которое имело решающее значение в ее жизни и поступках» [5, с. 43].

Все эти факты смешались в одной эпохе и сложились в разноцветную мозаику жизни, созданную из миллиардов кусочков, событий. Пример тому приводит Хьюз: «положение женщин в России XVII в. указывает на многие парадоксы русского общества. С одной стороны, подобно монахиням, царевны были скрыты от общественного взора, с другой — на улицах можно было встретить нагих купальщиц и пьяных женщин» [5, с. 42]. Все это приводит к необходимости реформ женского быта.

Одной и самой главной реформой, как и для мужчин, так и для женщин, была реформа одежды. С января 1700 года, в течение 2 лет [8, с. 182], ряд распоряжений, чтобы женщины всех сословий носили платье немецкое. Однако по единодушному мнению всех исследователей, можно сказать, что все эта реформа не сразу прижилась и не сразу была воспринята. Так, например, Семенова пишет, что «прошло 13 лет после введения новых мод, и Петр снова обращается к населению с новым указом, воспрепятствовавшем продаже русского платья» [7, с. 139], что говорит о неторопливом, постепенном привыкании русских мужчин и женщин к новому быту, одежде.

Еще одним важным моментом, изменившим поведение и быт женщин, стало возникновение ассамблей, учрежденных Петром I. Изучая историографию, я выделила две точки зрения по данному мероприятию. Семенова сухо описывая вышеуказанные события, отмечает, что «участие женщин, танцы и шахматы имели целью не допустить превращения ассамблей в сугубо деловые собрания» [7, с. 205]. С другой стороны, Комиссаренко придают огромное значения для русской женщины указа об ассамблеях, говоря, что они «сделались... центром социальной и культурной «реабилитации» русских женщин... Жизнь женщин допетровской эпохи была изолирована от всех социальных процессов. Не имея контактов с внешним миром, женщина была лишена всяких гражданских прав. Ее личные качества — ум, воспитание, чувство собственного достоинства — не были востребованы обществом» [4, с. 135]. Я поддерживаю точку зрения второго автора, так как с учреждением ассамблей женщина вместо смиренной и молчаливой хозяйки дома стала являться царицей празднества.

Подводя итог выше сказанному, надо отметить, что проблема трансформирования женского поведения в различные эпохи и влияние представительниц женского пола на исторические события очень важна для изучения. Именно в эпоху Петровский преобразований мы видим революционное развитие и изменение всех сфер женского мира, именно поэтому мы рассматриваем данный период. Она являются неотъемлемой частью процесса истории, накладывая на него свой очаровательный отпечаток.

Библиографический список

1. Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию, и обратно. СПб., 1906.
2. Иконников В.С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Киев, 1874.
3. Карнович Е.П. Исторические рассказы и бытовые очерки. СПб., 1884.
4. Комиссаренко С.С. Культурные традиции русского общества. СПб., 2003.
5. Линдси Хьюз. Царевна Софья. СПб., 2001.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
7. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.
8. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собрание I (1649-1825). СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

ПЕТР I И ФРАНЦ ЛЕФОРТ

Петр I оставил огромный след в истории Российского государства, произвел глубокие изменения в экономике, духовной сфере; добился больших успехов во внешней политике. Чтобы разобраться в причинах преобразовательной деятельности Петра Алексеевича необходимо понять, каким он был в юности, изучить круг близких ему людей. В развитии взглядов будущего императора существенную роль сыграли европейцы, среди них выделялся фаворит Петра I – Ф.Я. Лефорт, которому посвящена данная работа. В ней будут рассмотрены отношения Петра I и Франца Лефорта в период с 1689 по 1699гг., то есть с момента личного знакомства и завязывания отношений до смерти иностранца. Целью работы является изучение взаимоотношений Петра I и Франца Лефорта и влияние последнего на становление взглядов, образа жизни и деятельности молодого царя.

О дружеских отношениях Петра и Лефорта свидетельствуют воспоминания современников [1]. В обширной историографии, посвященной эпохе преобразований Петра I, достаточно полно освещены взаимоотношения русского царя с близкими к нему европейцами. Большой объем информации предоставляют в своих трудах дореволюционные авторы: Н.Г. Устрялов [2], С.М. Соловьев [3], В.О. Ключевский [4], Н.И. Костомаров [5] и современные историки: Н.И. Павленко [6], В.П. Наумов [7].

Судьбоносная встреча Петра Алексеевича Романова и Франца Яковлевича Лефорта произошла в 1689 году. Когда молодой царь скрывался в Троице-Сергиеве монастыре, к нему на помощь пришли иностранные офицеры со своими полками. Причем Франц Лефорт прибыл раньше всех, он последовал за государем, как только узнал о грозившей ему опасности [2, с. 121]. С этого момента в жизни Ф. Лефорта произошли важные перемены, так как он получил кредит доверия у будущего императора. Ф. Лефорт был уроженцем Женевы, сыном обеспеченного торговца, но свой жизненный путь он решил связать с военной службой и волею судеб попал в Московию.

Франц Яковлевич являлся яркой, необычной личностью, которая могла расположить к себе абсолютно любого, к тому же «он имел повышенную и благородную душу, был врагом лести и тщеславия» [6, с. 56]. Он был старше Петра на 15 лет, его общительный и веселый характер импонировал царевичу. [5, с. 689]. Он стал близок Петру по интересам и увлечениям, но в тоже время был более опытен, что делало его замечательным советником. В беседах с молодым царем Ф.Я. Лефорт рассказывал о европейской жизни, людях, новшествах; отвечал на вопросы, удовлетворяя его любопытство. Франц Лефорт помог Петру полюбить Немецкую слободу, в которой можно было весело проводить время, искренне и непринужденно общать-

ся. «В слободе царь научился танцам, фехтованию, изящной верховой езде; дом Лефорта стал для Петра первым островком будущей европейской России» [7, с. 26].

Дом Франца Лефорта в Немецкой слободе стал центром разгульной жизни Петра, «тут началось дебошство, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дни, запершись в том доме, бывали пьяны и что многим случалось оттого и умирать» [1, с. 75]. Большинство современников говорят, что Франц Яковлевич любил спиртное и приобрел к этому делу юного Петра. Бывало и такое, что во время очередного пиршества эмоциональный царь мог разгневаться и начать драку, тогда на помощь приходил друг Франц; только он умел в эти минуты успокоить и развлечь своего товарища [5, с. 690].

Во многом благодаря иностранному другу юный царь приобрел страсть ко многим занятиям, так, И.Г. Корб отмечал, что «царь <...> предпочитает всем развлечениям и наслаждениям военное искусство, потешные огни, пушечную пальбу, кораблестроение, опасности мореплавания и тяжелые заботы любителей славы» [7, с. 94]. Франц Лефорт был генералом и адмиралом, он разрешал с царем дела, связанные с флотом; сопровождал его в поездке в Архангельск, в Воронеж; участвовал сначала в его потешных боях, а затем в Азовских походах.

Как и Ф. Лефорт, Петр обожает путешествовать, «его отличала потребность в перемене мест и впечатлений» [4, с. 29]. Известно, что сам женевец постоянно ездил из страны в страну и искал приключений, лучшей жизни. Мало того, именно Франц Яковлевич посодействовал идее Великого посольства, а также благодаря его совету, Петр разрешает свободный въезд и выезд иностранцев [3, с. 64].

Серьезно повлиял Ф. Лефорт и на любовную составляющую жизни Петра. Ф. Лефорт был частым гостем Монсов, он ввел в этот дом и юного царя, которому в ту пору едва исполнилось 18 лет [7, с. 354]. Существует мнение, что у них был одинаковый вкус на слабый пол, поэтому Франц Лефорт так легко угодил Петру Алексеевичу. Познакомившись с ней, он впервые столкнулся столь близко с женщиной европейского воспитания и был совершенно очарован ею.

Влияние иностранного друга повлияло и на поведение Петра в обществе, Петр начал бриться в цирюльне у Ганса Крузе, держал себя просто, предпочитал, чтобы его называли «герр Питер» (в письмах подписывался Piterus, Piter). [7, с. 188].

Ф.Я. Лефорт был авантюристом по своей натуре. Он имел немало вредных привычек, которые в конечном итоге способствовали его смерти. 11 марта 1699 г. состоялись похороны Франца Яковлевича, Петру I было очень горько терять лучшего друга, близкого советника. «Когда пришло время выносить гроб, любовь к покойнику царя явно обнаружилась: он залился слезами перед народом и напечатлел последний поцелуй на челе

покойника» [7, с. 309]. В конце процессии были изданы пушечные залпы и выстрелы ружей, а участники похорон получили золотые кольца с выгравированной датой смерти Франца Яковлевича. Все это недвусмысленно говорит о том, как дорог был этот человек русскому царю, как тяжела для него была эта потеря.

Отношения между Петром и Францем Лефортом можно сравнить отчасти с отеческими, так как женевец был не только другом, но и наставником юного царя, помощником. Возможно, Петру по специфике характера требовалась постоянная опора и поддержка, ведь после смерти Ф. Лефорта, фаворитом будущего императора становится А.Д. Меншиков, а Алексашка, нужно сказать, начал свою «карьеру» благодаря Францу Яковлевичу. Также Петру могла быть необходима помощь настоящего друга, потому как он рано потерял отца и нуждался в мужском воспитании.

Несомненно, влияние женевца было сильным, но он лишь развивал уже зародившиеся способности Петра, направлял его энергию в правильное русло. Петр перенял многие привычки Франца Яковлевича, что отразилось на его поведении в обществе, на его увлечениях и хобби. Он научился у иноземного офицера обхождению с дамами, стал благодаря нему одеваться по канонам европейской моды, увидел Европу и стал уважать ее больше прежнего. Также Петр обрел постоянную тягу к путешествиям (что было очень необычно для русских правителей); при помощи женевца Петр совершил Азовские походы, создал военно-морской флот. Петр Алексеевич мог изъясняться на нескольких иностранных языках, узнал много новой ценной информации, которая помогла ему определить будущее направление политики. В конце концов, Ф. Лефорт показал ему на своем примере, что значит настоящая дружба, бескорыстная преданность своему государю. Дружба Ф. Лефорта и Петра во многом сформировала личность царя, его взгляды и убеждения, что в дальнейшем сильно отразилось на судьбе нашей страны.

Даже спустя несколько лет Петр не забывает о Франце Яковлевиче, свидетельством тому является основание в 1706 году Лефортовского госпиталя.

Библиографический список

1. Гистория о царе Петре Алексеевиче. Сочинение князя Б.И. Куракина // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Под ред. Е.В. Анисимова. М., 1993.
2. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.2. СПб., 1858.
3. Соловьев С.М. Об истории новой России. М., 1993.
4. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.4. М., 1989.
5. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2009.
6. Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010.
7. Павленко Н.И. Лефорт. М., 2009.

МИФ О СТРЕЛЬЦАХ В «ОТКРЫТОМ ПИСЬМЕ» В.ЗОРИНА

Заметная социальная дифференциация стрелецкого войска в конце XVII в., обуславливающая поведение и установки, как отдельных стрельцов, так и их различных групп, нашла отображение в документах розыска стрелецкого восстания 1698 года [1, с.363-414; 2]. Одним из наиболее характерных документов восставших является «черная челобитная» десятника В. Зорина.

Составитель «черной челобитной Петру I» В. Зорина первом же допросе 18 июня покажет, что «черную челобитную» писали для того, чтобы прочесть «в народе в большом полку для того, чтоб было умирения, а кровопролития б не было» [2, с. 45], а чуть позже назовет и другую цель составления документа: «... а пришед к Москве, тое челобитную подать бы в.г. или великому государю царевичу и государыням девицам» [2, с. 49]. Напомним, в «черной челобитной» В. Зорин, перечисляя трудности службы, указывает, что ведают стрельцы, будто идут к Москве немцы и будет «всесовершенное благочестию испровержение», объявляет о готовности и решимости стрельцов, как и ранее, «во сто девяностом году», о благочестии непременно служить [2, с. 39-40]. По ходу допросов В.Зорин признает: «...тое де челобитную писал он, Васка, один во всех четырех полках, ни с кем не согласясь для того, с щем бы им было на Москве появитца. И когда бы полки сошлись к Москве, и тогда бы ту челобитную объявить в народе, и просить Франца Лефорта ко убиению за непотребные ево дела...А бояр чтоб побить, того у него и в мыслях не было, разве б то учинилось, когда те стрелецкие полки пришли к Москве» [2, с. 52]. В сентябре на очной ставке стрельца В. Игнатьева и В. Зорина будет установлено, что по дороге между Торопцом и Ржевою В. Зорин, В. Игнатьев, А. Сидоров, И. Волосатой договаривались о том, «чтоб им всеми четырьмя полки притить к Москве и стать на Девичье поле, бить челом царевне Софии Алексеевне, чтоб она вступилась в правительство, и есть ли она, царевна, их не примет и в правительство не вступит, и им было итить к Москве в дома свои, и с той челобитной, написав разные челобитные, послать во все слободы для возмущения к бунту» [2, с. 71]. Восставшие намеревались возмутить чернь, разорить немецкую слободу, побить бояр, виновных в разных «бедах» стрельцов, и, побив бояр, «жить было им в Москве. А в правительстве есть ли бы де царевна не вступила, обрать государя царевича. потому, что будто великого государя не стало» [2, с. 72]. Таким образом, «черной челобитной» предназначалась роль воззвания к бунту стрельцов и черни.

Отметим существенный факт: в недавнем прошлом В. Зорин был пятисотным стрелецкого полка. Об этом свидетельствует сотенный И. Клюкин

на допросе [2, с. 86]. У Зорина был личный интерес пойти на риск, поскольку при удачном стечении обстоятельств он мог попытаться по опыту прошлых «бунташных» лет не только вернуть утраченное, но и обеспечить себе «карьерное продвижение». Такого рода примеры были, и «голову стрельца кружили». Так, за верность и поддержку в смуте 1682 года пятисотный Никифор Силин был помечен Софьей в дьяки [5, с. 146]. Еще более убедительным было «хождение во власть» из стрелецких голов стольника А.С. Матвеева, К.П. Нарышкина, боярина кн. И.А. Хованского, сына стрелецкого сотника Григория Отрепьева [7, с. 28-32]. В стрелецкой службе многие стрельцы не без оснований видели возможность подняться в социальной иерархии. Вероятно, поэтому десятник В. Зорин примерял на себя роль идеолога бунта, затевая «черную челобитную Петру I».

Ссылаясь на более ранний анализ рассматриваемого документа [4], отметим синкретичность его формуляра: «начальный протокол» содержит косвенное намерение челобитья [2, с. 39], вместо оборота «челом бьем» используется «многоскорбне и великими слезами»; в наррации нет прошения (челобитья, просьбы); в аппрекации отсутствует характерный речевой оборот челобитных «смилуйтесь», «пожалуйте». Использование в конце слова «Аминь» позволяет предположить, что данный документ формально обращен к государю, но в большей степени к народу христианскому и содержит идеологический подтекст: борьбы за веру христианскую в противовес «благодетию испровержения». В «бунтовой челобитной» присутствуют характерные признаки формуляра письма: в «начальном протоколе» – инскрипция и интитуляция; в «основной части» приводится подробное изложение обстоятельств дела; в тексте документа нет *datum* (места и времени), в качестве заключения – благопожелания использовано «Аминь», нет удостоверительной части (субскрипции и сигнатуры). Если провести аналогию с трактовкой «открытого письма» Я.С. Лурье [6, с. 224], можно утверждать, «черная челобитная» имеет все основания быть отнесенной к разряду «открытых писем». В «основной части» документа присутствуют преамбула, публичное объявление-промульгация «о благодетии непременно служим». Текст «черной челобитной» адресован широкому кругу лиц «через голову» формально указанного адресата, который косвенно обличается, но отсутствует намерение и возможность автора оказать на него воздействие и вести с ним беседу.

Отметим, автор «черной челобитной» – «открытого письма», предначая документу роль манифеста восставших, отводит стрельцам ведущую роль, прибегая для доказательности к фальсификациям и мифотворчеству. Так, обращаясь к событиям 1682 года, Зорин искажает суть «общественного договора» и пытается утвердить, ссылаясь на Царские жалованные грамоты [2, с.43], за стрельцами роль хранителей веры и благодетия, подменяя истинный смысл прощения стрельцов царствующим домом. В Царских грамотах даруется стрельцам высокая милость и прощение «великих и

тяжких вин», пощада и «от смерти свобода», а также право «служити и прямити и всякого добра хотети, и нашего государского здоровья оберегать, и нашия государския богом дарованные чести опасаться всякою верностию по своему обещанию, как они обещались пред святым христовым евангелием, без всякие измены и шатости» [3, с.200]. Зорин же умышленно долг стрельцов «государския богом дарованные чести опасаться всякою верностию» подменяет самовольно присвоенным правом «благочестию непременно служить» [2, с. 39]. «Служение благочестию» В.Зорин трактует как охранение стрельцами истинной в народном понимании христианской веры и обязанность чинить препятствия иноземным немецким обычаям [2, с. 49], обосновывая особую роль стрелецкого воинства: «Служили мы, холопы твои, и прежде нас прародители, и деды, и отцы наши, вам, великим государем, во всякий обакновенной христианской вере и обещались до кончины жизни нашей благочестие храните, яко же содержит святая апостольская церковь» [2, с. 39]. Мифологизируя на тему «стрельцы- хранители благочестия», В. Зорин подменяет смысл царского наказа стрельцам: быть в «государском повелении», «обыклом повиновении и послушании со всяким усердным покорением и чистым намерением» [3, с. 200].

В заключение отметим, в «открытом письме» В. Зорина нашло отражение закономерное стремление части стрельцов к политическому оформлению протестного выступления с использованием классических элементов политико-идеологического противостояния: «открытых писем»; фальсификаций и мифотворчества.

Библиографический список

1. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М.,1969.
2. Восстание московских стрельцов 1698 г. (Материалы следственного дела). Сборник докум. / [сост. А.Н. Казакевич, под ред. В.И. Буганова]. М.,1980.
3. Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976.
4. Заплетин В.В. Следственный процесс над московскими стрельцами в 1698 году: проблема анализа стрелецкой «челобитной» В.А. Зорина// Платоновские чтения: материалы и доклады XXI Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 4-5 декабря 2015 г.) / отв. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2015.
5. История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова // Летописи русской литературы и древности, издаваемые К. Тихонравовым. Т.5. М.,1863.
6. Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / [под.ред. Д.С. Лихачева]. М., 1993.
7. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004.

КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СТОЛИЧНОГО ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

Российский двор второй четверти XVIII в. становится не только средоточием, но и проводником новых культурных направлений из Европы.

При Анне Иоанновне происходит значительное расширение аудитории одного из таких направлений среди различных сословных групп русского общества – чтение книг. До основания Академии Наук книжной торговлей преимущественно занимались сами переплетчики, а после главным центром распространения книг в России становится академическая книжная лавка. Почти сразу при книжной лавке Академии Наук для знатных лиц образуется система отпуска книг в кредит или обязательной отсылки без требования. Представляется, что для наиболее широкого распространения среди населения империи. Поэтому ни одно издание газеты «Санкт-Петербургские ведомости» не обходилось без новых жалоб и многократных напоминаний Академии Наук читателям, которые «долгов за взятые книги не платят» [4, с. 632], о чем вновь и доводилось до сведения публики с повторением требования внести деньги.

Дворцовую библиотеку И.В. Курукин называет «хаотичной, но все же типичной для не слишком просвещенной эпохи» [3, с. 227]. Ведь в первой трети XVIII в. чтение книг не было распространенным времяпрепровождением, но необходимо отметить, что книги постепенно вписываются в жизнь человека.

Одновременно происходит еще один кардинальный разворот русского общества к Европе и ее культурным традициям – это развитие в России таких направлений как театр и музыка, что, как пишет Е.П. Карнович свидетельствует о формировании нового общества и «изящного вкуса той поры» [2, с. 252].

Театральные представления начинаются в начале 1731 г., когда императрица выписывает в Россию итальянскую труппу комедии дель арте, которая состоит не только из актеров, но и певцов и музыкантов. Анна Иоанновна не только лично присутствовала на первом представлении, но и «поднялась и, к публике оборотившись, биением в ладони призвала всех ею [постановкой] наслаждаться» [6, с. 33-34].

1735 г. становится знаковым годом для театральной жизни Российской империи. Во-первых, в Россию приезжает самая многочисленная труппа – «Итальянская компания», в составе которой работали фактически несколько трупп – комедийные, интермедийные, оперные и балетные артисты, существовавшая со сменами состава до середины 1760-х годов. Во-вторых, был выпущен сборник пьес в количестве 39 шт., из них: комедий итальянско-

ких – 30, интермедий на музыке – 8, трагедий – 1. В целом комедии 30-х гг. XVIII в. делятся на 2 группы по содержанию: пьесы с волшебством и обыкновенные любовные приключения, с различными шутовскими и мошенническими проделками.

До открытия в 1736 г. специального здания театра для показов использовались различные залы императорского двора. Внутри для зрителей были поставлены скамейки, и на императорской службе даже состоял особый сержант «для стирания с них пыли» [2, с. 254]. Во время представления в театре работало до 50 человек [5, с. 167].

Хозяйственной частью театральной жизни России занималась камерцальмейстерская контора, а именно, поручик, а потом капитан, С. Рамбург, ведь именно на его имя выдавались практически все денежные выплаты на содержание придворного театра. Например, в июне 1736 г. «выдать ... подпоручику Степану Рамбурху для комедиантских уборов на расход 500 руб.» [1, с. 105]. Но деньги выдавались не только на хозяйственные издержки, но и на содержание детей, обучающихся при театре. Например, от 24 мая 1738 г. – «выдать Подпоручику Рамбурку 200 р., назначенные для мелочных покупок, ... и к содержанию малолетних мужеска и женска полу детей, которыя обучаются Итальянским интермедическим танцам, двенадцати человекам» [1, с. 116].

Артисты, приезжавшие выступать в Россию, получали от императрицы Анны Иоанновны пожизненное содержание как продовольственное, так и денежное. Также при дворе частым явлением были единовременные денежные выплаты – по случаю личных праздников артистов. Например, от 27 июня 1737 г. «выдать Итальянской компании комедиантке Розете на крестины 200 руб.» [1, с. 109].

Несомненно, придворные постановки нуждались в музыкальном аккомпанементе. И здесь интересно недатированное, но вероятно первой половины 1730-х гг., письмо Анны Иоанновны, адресованное Феофану Прокоповичу: «Делаю я комедию, в которую надобны будут три человека, чтоб умели петь, а ныне у меня певчих хороших нет, а надеюсь, что у вас хлопцов нарочитых выбрать можно. Того ради...прикажете из своих певчих, самых хороших голосов, выбрать троих и...чтоб их привези ко двору немедленно...» [7, с. 569]. Поэтому во второй половине 1730-х гг., «комнатные» расходы императрицы постоянно фиксируют оплату музыкальных учителей и учреждение школ [1, с. 114]. И к 1740 г. происходит увеличение до 31 человека придворных музыкантов с 12 человек в 1737 году [2, с. 253]. В России установилась традиция для знатных людей иметь свои оркестры. Такие «музыкальные команды» наличествуют у цесаревны Елизаветы Петровны и вице-канцлера графа М.Г. Головкина.

Таким образом, именно десятилетнее правление Анны Иоанновны приносит такие феномены западной европейской культуры, как театр, оперу и балет, расширяет потенциальную аудиторию читателей через обучение

детей музыкальному мастерству и приглашение в Россию многочисленных театральных и оперных трупп. Во второй половине XVIII в. это становится традицией, а культурную жизнь современной России невозможно представить без театрального, оперного, балетного искусств и книги.

Библиографический список

1. Записка о комнатных расходах // Общий архив Министерства императорского двора. Т. 2.
2. Карнович Е.П. Очерки русского придворного быта в XVIII столетии // Исторический вестник. 1881. Т. 5. № 6.
3. Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014.
4. Михневич В.О. Старина XVIII столетия (по газетам и журналам того времени) // Исторический вестник. 1884. Т. 7.
5. Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб. 2007.
6. Феррацци М. Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны. 1731 – 1738. М., 2008.
7. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

В.А. Пискотина

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ВАРЯЖСКО-РУССКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МАТЕРИАЛАХ I, II И III АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ

История российских Археологических съездов (далее АС) началась в 1869 году. Инициатива их создания принадлежит графу А.С. Уварову и графине П.С. Уваровой. Супруги Уваровы являются яркими представителями научной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв., внесшими значительный вклад в развитие общественной жизни России данного периода. А в археологической науке они известны также как люди, посвятившие себя развитию отечественной археологии. Эпоха работы археологических съездов явилась важной вехой в становлении отечественной археологии. Сам факт создания такой научной площадки для обмена опытом и представления достигнутых научных результатов, регулярность созыва и эффективность работы каждого съезда – в значительной степени форсировали, ускорили процесс методологического оформления, а, следовательно, и научного продвижения молодой научной отрасли в «лице» археологии на рубеже веков. На Археологических съездах решались многие вопросы. Среди них – и различные аспекты восточнославянской и древнерусской истории и археологии. В рамках данной работы актуальным представляется

рассмотреть, как решался вопрос о варяжско-русском взаимодействии в рамках деятельности первых трех Археологических съездов.

Первый Археологический съезд проходил в Москве. На заседаниях пытались решить вопросы, касающиеся сходства славянских курганов с курганами Дании и Скандинавии. Ответ на него был дан на 3-м заседании в заметке М.Ф. Кусцинского, доказывающего тезис о широком распространении таких курганов на территории, близкой к Балтийскому морю, в частности, в Ковенской губернии [2, с. 101]. К сожалению, не все поднимаемые вопросы были в полной мере рассмотрены на АС 1869 года. Интерес вызвала проблема происхождения термина «Русь». Д.А. Хвольсон представил доклад, где проанализировал арабские источники, начиная со второй половины IX в. и заканчивая X в., и пришел к выводу, что арабы, описывая руссов, понимали под этим термином то норманнов, то славян [3, с. 133]. Его оппонентом стал М.П. Погодин, утверждавший, что «имя Русь привнесено норманнами; сообщено ими Киеву... и из Киева распространилось во все стороны» [3, с. 140]. Замыкающим данный спор был А. Гатцук, который согласился с мнением М.П. Погодина в «Заметке по поводу чтения г. Хвольсона об употреблении арабами имени Русь». Таким образом, I АС поставил вопрос о возможности соотношения славянских погребальных сооружений со скандинавскими. А также стал иллюстратором остроты аспекта, зародившегося еще в середине XVIII в. в контексте споров представителей норманизма и антинорманизма. Несмотря на возникающие трудности, связанные с организационными моментами, поиском помещения для проведения съезда и размещением выставки, также важным итогом работы АС явилось решение о проведении съездов в будущем [8, с. 108].

Это событие не заставило себя долго ждать. И II АС собрался в Санкт-Петербурге уже зимой 1871 года. Его особенностью было привлечение членов зарубежных Археологических обществ и ученых [4, с. XXIII]. Важен и тот факт, что организация II АС была приурочена к 25-летию со дня основания РАО (7 декабря). На заседании 10 декабря А.Я. Геркави привел данные мусульманского исследователя Массуди об объяснении этнонима «Русь»: «Русаль называют также Аль-Русия, что значит толпа (аль-джалм)». Далее А.Я. Геркави представил свои рассуждения об именовании главного русского племени, также опираясь на данные Массуди. У Массуди содержится указание на этноним «Кудакан или Кудзакан», что, по мнению, А.Я. Геркави, вполне может свидетельствовать о деформации этого названия в Куиабана (киевляне) и возможности его дальнейшей переделки переписчиком [5, с. 27].

Следующий аспект был актуализирован Д.И. Иловайским в его выступлении на заседании 11 декабря — о призвании князей. Следует подчеркнуть, что Д.И. Иловайский отрицал достоверность летописного сказания о призвании, основываясь на данных арабских и византийских источников. Этот тезис вызвал «продолжительные прения» [5, с. 28]. Противосто-

ял Д.И. Иловайскому Н.И. Костомаров. В.И. Ламанский, А.Ф. Бычков, П.Я. Аристов, Я.К. Грот высказались по поводу происхождения «русских имен от славянских корней» [5, с. 28]. Д.Ф. Щеглов обратил внимание на скандинавские сказания, а также высказался о происхождении руссов от финского племени, полагая, что руссы управлялись «какой-нибудь скандинавской династией» [6, с. 53].

Подводя итог работы данного съезда в отношении «варяжской проблемы», следует процитировать П.С. Уварову: «поднимается множество других вопросов, но ни один из них не вызвал той страстности, с которой отнеслись к вопросу «О призвании князей», предложенному Д.И. Иловайским» [8, с. 111].

III археологический съезда начал свою работу в 1874 году в Киеве. А.С. Уваров еще в 1872 году решил объехать известные славянские памятники с целью знакомства с местными учеными и сбора коллекций для организуемой выставки [8, с. 111]. Показательным критерием роста популярности съездов является увеличение числа участников: на первом съезде – 130 человек, на третьем – 204.

Варяжско-русская проблема была затронута Д.Я. Самоквасовым в работе «Северянские курганы и их значение для истории». Исследователь вновь обратился к вопросу о соотношении их курганов с норманскими. В контексте характеристики черниговских курганов Д.Я. Самоквасов высказался о, так называемых, варягах-руси, отрицая их принадлежность к указанным курганам. Автор предположил, что в X веке в Черниговской земле смешались две народности: славяне и варяги-русь, отметив также спорность этого вопроса в науке [7, с. 211]. А.С. Уваров, продолжая поднятую тематику, поставил вопрос о признаках, характеризующих норманские погребения, среди них указал: находки коня, бронзовые пряжки в виде чашек, особый обруч из тонкого серебра вокруг головы и т. д. [7, с. 213]. Далее в полемике Д.Я. Самоквасов затронул проблему Шлецеровской «теории быта русских славян до времени Рюрика», в которой А.Л. Шлецер, основываясь на летописных данных, настаивал на необходимости отсчета русской истории с момента княжения Рюрика. Его точку зрения поддержал Н.М. Карамзин. Подводя итог дискуссии, Д.Я. Самоквасов сделал вывод, что дальнейшие раскопки откроют еще больший материал для доказательства факта сходства погребальных обрядов у северных восточнославянских племен и норманнов [7, с. 224].

Не трудно заметить, что изучаемая проблема имела важное значение для научного сообщества второй половины XIX века. Начав с расстановки отдельных акцентов на I АС, ученые постепенно расширяли круг проблем по «варяжско-русскому» вопросу. Высказывания ученых вызывали бурные обсуждения, уже на этом этапе ученые делали далеко идущие выводы, определяя, по сути, направления дальнейшего развития восточнославянской-древнерусской истории и археологии.

Библиографический список

1. Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.: автореферат...канд. истор. наук. Ижевск, 2006.
2. Горожанский Н. О мерах для сохранения памятников в Волынской губернии // Труды Первого Археологического Съезда в Москве (1869). Т.1. 1871.
3. Хвольсон Д.А. О происхождении слова Русь // Труды Первого Археологического Съезда в Москве (1869). Т.1. 1871.
4. Труды Второго Археологического Съезда в Петербурге. Вып. 2, Санкт-Петербург, 1881.
5. Протоколы заседаний съезда. Заседание 10 декабря, вечером (отд. V) // Труды Второго Археологического Съезда в Петербурге. Вып. 2, Санкт-Петербург, 1881.
6. Протоколы заседаний съезда. Заседание 17 декабря, утром (Отд. IV) // Труды Второго Археологического Съезда в Петербурге. Вып. 2, Санкт-Петербург, 1881.
7. Северянские курганы и их значение для истории. Реферат Д.Я. Самоковасова // Труды Третьего Археологического Съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т.1. Киев, 1878.
8. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2005.

А.В. Макарова

Самарский национальный исследовательский университет

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Проблема социально-экономической и политической консолидации российского предпринимательства на рубеже веков остается одной из малоизученных в отечественной науке, однако отмечается важность и актуальность темы оформления торгово-промышленных объединений в конце XIX – начале XX вв. Представительные организации предпринимателей (биржевые общества и комитеты, торгово-промышленные и отраслевые съезды и т.д.) были «связующими звеньями» в экономике и посредниками в политической сфере между государством и обществом.

Поволжское предпринимательство делилось на сельскохозяйственное, торговое и промышленное. Преобладающим являлось аграрное, что обуславливалось хозяйственной специализацией губернии. В сельскохозяйственном производстве было максимальное число занятых, второе место по численности занимало торговое предпринимательство, а третье – промышленное [1, с. 16].

Источниками для исследования торгово-промышленных объединений являются положения о съездах и биржевых обществах, материалы торгово-промышленных и отраслевых съездов, их выборных органов (комитетов, бюро, советов), отчеты поволжских биржевых комитетов, отражающие основные условия формирования и деятельности региональных предпринимательских организаций. Другая группа источников представлена справочными изданиями, содержащими статистические итоги экономического развития региона и страны в целом с 1892 по 1914 гг.

Основные торгово-промышленные учреждения выделены А.О. Ерманским еще в дореволюционный период. На основе анализа европейского, прежде всего, германского опыта, он разделил все торгово-промышленные организации на три категории согласно объекту взаимодействия. К первой категории относились организации (картели, тресты и синдикаты), которые объектом своего взаимодействия имели потребителя. Вторая категория, которую составляли Биржевые комитеты, Советы съездов, Совецательные конторы, Торгово-промышленные палаты и др., имела объектом взаимодействия государство, включая все органы законодательной и исполнительной власти. Наконец, третья категория (Союзы работодателей) имела объектом своего взаимодействия рабочий класс.

«Торговый дом» – это крупная торговая фирма, занимающаяся масштабными торговыми сделками по широкой номенклатуре товаров, использующая как собственный, так и привлеченный капитал; зачастую торговые дома осуществляют наряду с торговыми и другие экономические операции, тесно взаимодействуют с производителями товаров [2, с. 359]. В Самаре в 1913 году осуществляли свои функции 61 торговый дом и товарищество [3, с. 232].

По данному периоду можно сделать вывод, что среди занятий совместных предприятий преобладала торговля. Производство, в котором первенство принадлежало мукомольному делу, не имело значительного веса в деятельности торговых домов. Иностраный капитал тоже участвовал в развитии региона, например, американская компания, специализирующаяся на производстве зерноуборочной техники – «Международная компания жатвенных машин» (в Самаре велась сборка тракторов этой компании) [4, с. 175] или региональное отделение «Мануфактурной компании Зингер» [5, с. 282-284].

Поскольку тип экономики региона был преимущественно аграрный, ориентированный на переработку сельскохозяйственного сырья, то это обстоятельство вывело в авангард общественно-экономической деятельности соответствующий тип предпринимателя. Это были биржевики, крупные мукомолы, работающие на рынок, рыбопромышленники и судовладельцы. Именно эти категории предпринимателей первыми осознали необходимость и потребность в создании в регионе собственных отраслевых организаций. В Самарской губернии данная функция была сосредоточена, глав-

ным образом, в руках биржевого общества и биржевого комитета, деятельность которых стала возможной с открытия самарской биржи.

Несмотря на незавершенность процесса формирования предпринимательских организаций, экономическая власть в рассматриваемый исторический период объективно и закономерно перераспределялась в пользу институтов предпринимательства. В то же время, в современных условиях происходит некоторая идеализация институтов и организаций предпринимательства, сложившихся на рубеже веков. В ряде исследований делается вывод о том, что в начале XX в. в России постепенно складывался новый действенный механизм управления экономикой, соединявший мощь государства и промышленную, финансовую силу частного капитала [6, с. 182]. Однако следует взвешенно анализировать место и роль торгово-промышленных объединений в решении различных вопросов.

Отраслевые съезды и биржевые комитеты рассматривали широкий круг проблем, включающий перспективы развития экспорта муки, модернизации мукомольного производства, транспортировки массовых грузов по Волге, установление правил и запретных сроков вылова рыбы, совершенствования условий ее переработки и хранения, строительства подъездных путей и мостов, оборудование гаваней и зимних стоянок для судов и т.д. весь этот комплекс вопросов был передан государством в ведение организаций предпринимателей, что способствовало повышению их статуса в сравнении с другими общественными объединениями. Однако существовали противоречия, которые так и не смогли преодолеть поволжские предприниматели, например, между крупным и мелким бизнесом.

Библиографический список

1. Гранкина С.В. Торгово-промышленное предпринимательство Самарской губернии в конце XIX – начале XX века / Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Самара, 2006.
2. Синельник А.К. Градостроительная история Самарского края. Самара: ООО НВФ «СМС», Самарская государственная архитектурно-строительная академия, 2000.
3. Макитрин К.М. Самарское купечество в конце XIX – начале XX веков: социально-демографическая характеристика. Дисс. ... канд. истор. наук. Самара, 2005.
4. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 2000.
5. Назаров А.М. Участие иностранного капитала в развитии тяжелой промышленности Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX века // Вектор науки ТГУ. № 3(13). 2010.
6. Шапкин И.Н. Представительные организации российских предпринимателей 1861-1914 гг. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 1. Волгоград, 1999.

НЕМЕЦКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ Ф.М. КЛИНГЕР НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ (1780-1830 ГГ.)

В 1780 году в Россию прибыл представитель немецкого Просвещения, поэт и драматург периода «Бури и натиска», ближайший друга И.В. Гете — Фридрих Максимилиан Клингер (1752-1831). Интерес к его фигуре, объясняется, во-первых, тем, что деятельность писателя в России, до сих пор слабоизученная, представляет обширный материал для исследований в сфере отечественного образования. Во-вторых, судьба немецкого драматурга замечательно отразила перемены в характере российской власти в указанный период.

Носитель просветительской идеологии с ее идеалами эмансипации личности от политического и духовного гнета, поступив на русскую службу, оказался в совершенно иной реалии. Свою жизнь в Екатерининской России он характеризовал в письмах немецким друзьям как «мытарства» и вечную борьбу «со случаем и судьбой» [1, с. 13]. С введением в 1790 году особо жесткой цензуры, давление власти усилилось: письма не доходили, приходилось прибегать к «эзопову языку», искать неофициальные каналы для их передачи, а также маскировать и свои произведения, где поэт критиковал власть и религию.

Интересно, что на рубеже веков Клингер оказался в непосредственной близости к тем перипетиям, которые происходили при дворе. В новый век он вступил в звании генерал майора и в должности инспектора классов Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса, директором которого был П. Зубов. По долгу службы два деятеля много общались, именно в гостях у Клингера Зубов провел вечер перед убийством Павла и именно из его дома отправился в полночь в Михайловский замок [2, с. 378].

Оценок произошедшего Клингер не оставил, однако к этому времени относится запись о том, что он стал свидетелем «живых комментариев» к работам Тацита и счел его краски еще «недостаточно мрачными» [3, § 482].

Несмотря на эти обстоятельства, писатель не вернулся на родину. Причины этого мы видим в следующем: во-первых, Россия стала для него «убежищем», где он сделал прекрасную карьеру и мог сочетать свою литературную деятельность с полным материальным обеспечением. Во-вторых, поэт начал обрастать новыми связями: женился на русской женщине, завел знакомства со многими представителями русского образованного общества, стал желанным гостем в Павловске и Гатчине. В-третьих, с наступлением нового века Клингера захватила атмосфера «прекрасного начала» Александровских дней, он увидел в «молодом цветущем наследнике» сильную лич-

ность, которая вела Россию к процветанию, и которой он сам хотел служить [3, § 28].

По рекомендации Ф.С. Лагарпа, драматург оказался в числе выдающихся людей эпохи, привлеченных Александром I к реформированию отечественного образования [4, с. 490-491]. В целом, понаблюдав за Клингером в разных качествах, мы можем с уверенностью говорить, что он проявил себя как активный деятель в сфере военного и светского образования.

Почти все проекты Комиссии об училищах, а затем и Главного Правления Училищ были написаны при его участии, а некоторые и им единолично [5, с. 5-7]. Свой вклад Клингер внес и в разработку университетских Уставов 1803-1804 годов, выступив, по свидетельству Г.Ф. Паррота, как защитник «отвоєванных» последним принципов «автономии» [6, с. 158].

Драматург составил Устав Пажеского корпуса, который стал образцом для всех военно-учебных заведений первой четверти XIX века, и почти на протяжении 20 лет возглавлял два столичных корпуса – Кадетский и Пажеский.

Помимо этого, он был близким другом императрицы Марии Федоровны и ее правой рукой в вопросах Смольного и Екатерининского училищ [7, с. 384].

Однако мы пришли к выводу, что на этих должностях Клингер проявил себя больше как исполнительный чиновник, чем как проводник идей Просвещения. Это позволяет говорить о том, что он не был достойным «оппонентом» царизму, каким его рисует советская историография [8]. Немецкий «штюрмер», со всеми его «опасными принципами», восхищением Французской революцией и идеями Руссо, исправно служил режиму.

При этом интересны свидетельства современников о том, что часто в доме Клингера «беседы переходили в опасные политические суждения» [9, с. 638]. Замечательно также то, что именно из его военных корпусов вышли «люди 14 декабря». И хотя сам директор не мог в силу своей отдаленности от воспитанников заронить в них «семена свободомыслия», показательно, что при нем существовали такие условия, в которых эти семена, оберегаемые некоторыми преподавателями, могли взрасти и дать свои плоды.

«...Либерал до утопичности, – что не мешало ему состоять на службе у больших деспотов» – писал о драматурге Чарторыйжский. [10, с. 289-291]. Однако было бы неправомерно записывать Клингера в безынициативные чиновники, желающие выслужиться перед властью.

Его просветительские стремления и инициатива нашли выражение в деятельности на посту попечителя Дерптского университета (1803-1817), в становление которого драматург внес огромный вклад [6, с. 253], восприняв эту должность как проявление личного доверия боготворимого им императора.

Между тем, в 1817 году по причине ряда обстоятельств, главными из которых был поворот правительства к реакции и внутриуниверситетские

проблемы, разочарованный Клингер вынужден был уйти в отставку с поста попечителя, а в 1820 году с должностей по военным заведениям. В это время намерения вернуться на родину вновь возобновились, а в письмах последних лет жизни сквозит горькое разочарование [1, с. 230].

Таким образом, биография писателя позволяет рассмотреть, как специфика эпохи обусловила повороты индивидуальной судьбы. Кроме того, жизненный путь драматурга отразил проблему иностранца в России, конфликт идей эпохи Просвещения и российской реалии, противоречие свободной воли и служебной необходимости.

Библиографический список

1. Briefbuch zu Friedrich Maximilian Klinger. Sein Leben und Werke. Bd. II / Hrsg. Rieger M. Darmstadt, 1896.
2. Записки Августа Коцебу // Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908.
3. F.M. Klinger. Betrachtungen und Gedanken. Berlin, 1958.
4. Император Александр I и Ф.-С. Лагарп: Письма. Документы / сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго. М., 2014.
5. Сборник материалов для истории просвещения в России. Т.2. СПб., 1897.
6. Bienemann F. Der Dorpater Professor G. F. Parrot und Kaiser Alexander I. Reval, 1902.
7. Заметки императрицы Марии Федоровны // Русская старина. СПб., 1882. № 5.
8. Смолян О. Клингер в России // Ученые записки. Кафедра русского литературы Ленинградского гос. пед. института им. А.И. Герцена. Л., 1958. Т. 23. Ч. 2. С. 31-77.
9. Rieger M. F.M. Klinger: Sein Leben und Werke. Bd. 2. Klinger in seiner Reife. Darmstadt, 1880.
10. Мемуары князя А. Чарторыжского и его переписка с имп. Александром I. Т. 2. М., 1912.

В.И. Яловега

Московский государственный университет

СИГИЗМУНД СЕРАКОВСКИЙ И ПЛАН АВТОНОМИЗАЦИИ ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Недавний 150-летний юбилей начала Польского Январского восстания 1863-1864 годов привлек, а точнее сказать, возродил давно угасший интерес отечественной историографии к данному событию. Тем не менее, современная историческая наука оказывает неоправданно малое внимание восстанию, хотя не все его аспекты изучены достаточно полно.

В этой связи вызывает большой интерес фигура Сигизмунда Сераковского, биография которого может служить наглядной иллюстрацией драматического развития польского вопроса в Российской империи. Однако, несмотря на интерес советской историографии к его персоне [1] [2], многие аспекты деятельности Сераковского остаются до сей поры мало известными. Так, например, малоизвестна сегодня аналитическая записка «Вопрос польский», написанная Сераковским для своего военного министра Д. А. Милютина в 1862 году, накануне начала восстания. В ней он пытается представить собственный вариант решения польской проблемы. Опубликована она была в историческом журнале «Русская старина» в первом номере за 1884 год.

Прежде всего Сераковским отмечается неэффективность проводившейся Петербургом политики в отношении Царства Польского: несмотря 30-летний «военный терроризм» в Царстве Польском и Западных губерниях, эти области до сих пор остаются чужды Империи, будучи «насиленно прикованы к ней» [3, с. 51]. В целом автор критикуется концепция «подчинения» Россией Польши [3, с. 52], в противовес якобы существовавшей в Речи Посполитой концепции «федерации», когда «федерация автономий и автономия федераций ни в чем и никогда не нарушала» [3, с. 55]. И для того, чтобы крепче связать между собой эти части империи автор предлагает российскому правительству учесть тот опыт и пойти на достаточно серьезные меры: предоставить автономию так называемому Западному краю, который, по его словам, «составляет звено, связывающее Москву с Варшавой; в этом крае встречаются две цивилизации, две народности... Киев и Вильно могут слушать гораздо более прочными связями союза Москвы с Варшавой, чем теперь крепости и цитадели (*имеются ввиду Новогеоргиевская крепость и Александровская цитадель*)» [3, с. 55].

В подтверждении своей мысли о необходимости автономии автор демонстрирует пример Швейцарии, в которой равные права имеют три населяющие страну народности, и, одновременно, две ветви христианства — католичество и протестантство в своих различных формах. Сераковский предлагает применить те же условия и для Западного края. В языковом вопросе он предлагает предоставить право на губернских и уездных съездах или собраниях говорить на польском или русском (малороссийском) языке. Все лица, служащие по судебной части, должны владеть польским и русским языками, а также малороссийским. В начальной школе следует преподавать тот язык, на котором говорит большинство слушателей (например, «на Волыни, Подолии, Украине» — на малороссийском, но одновременно «можно учить грамоте русской и польской»). В средних учебных заведениях, где сейчас, по мнению Сераковского, большинство учеников — поляки, обучение предлагается вести на польском языке (но если большинство — малороссийское, как в Киеве, то в этом случае по-малороссийски). В высших заведениях, например, Киевском университете, профессо-

ра могут читать по-русски, по-польски, по-малороссийски, на «окончательных экзаменах» студенты отвечают «на каком хотят наречии» [3, с. 57]. Также автор записки считает, что все уроженцы западного края без всяких ограничений имеют право «занимать, по своим способностям, административные, судебные и ученые должности в своем крае» [3, с. 58]. С этой целью вводится и равноправие в области религии – каждый имеет право принадлежать к православию или римо-католицизму, которым «равно покровительствует» правительство (о греко-католицизме у Сераковского речи не идет), вероисповедание детей от смешанных браков добровольно решается родителями [3, с. 58].

Этих мер, полагает Сераковский, будет достаточно, чтобы «мыслящая часть людей в западном крае заодно действовала с правительством» [3, с. 59]. Для того, чтобы реализовать эти преобразования, Сераковский предлагает дать автономии этому региону. И вообще расширить самоуправление по всей по всей империи: «Центральное правительство заправляет только делами, относящимися ко всей империи, заграничными сношениями, войском, флотом и финансами. Дела, относящиеся исключительно к известной провинции, решаются на месте» [3, с. 60].

Но, несомненно, главную опасностью автор называет сохранение существовавшего статуса-кво, при котором «месяц военного положения отодвигает на целые годы возможность действительного умиротворения» [3, с. 60].

Таким образом, мы видим, что решения, предлагаемы Сераковским, были сходны с теми, которые Александром II были предложены для своей северной автономии – Финляндии, и тем самым, не могли считаться резко революционными. Тем не менее, проект Сераковского был положен на полку, разгоревшееся восстание навсегда похоронило его, а ставшие независимыми через 130 лет после наших событий Украина и Литва сегодня занимают откровенную русофобскую политику, создавая напряжение на наших западных границах. В то же время независимая Финляндия еще с послевоенных лет проводила в целом доброжелательную как к СССР, так и к современной России политику, что косвенно подтверждает эффективность давнего плана Сераковского и в наше время.

Библиографический список

1. Смирнов А.Ф. Сигизмунд Сераковский. М., 1959.
2. Дьяков В.А. Сигизмунд Сераковский. М., 1959.
3. Сераковский С. Вопрос польский // Русская старина. 1884. №1. С. 48-60.

ПИТАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1921–1922 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ И САМАРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Голод 1921–1922 гг. являлся одним из самых опустошительных в мировой истории. Он охватил в 1921 г. 25 хлебопроизводящих губерний Поволжья, Дона, Северного Кавказа и Украины. Многовековой опыт научил крестьянин бороться с превратностями природы, запасая продукты впрок в количестве, достаточном, чтобы пережить несколько неурожайных лет. Обычно недород приводил к сильному голоду, но редко к катастрофе. Но теперь страна познала величайший голод, унесший жизни миллионов людей. Везде царил разруха, росло всеобщее недовольство. Крестьянские хозяйства не могли противостоять засухе и неурожаю. Голод сопровождался вспышками опасных для жизни эпидемий: тифа, малярии и др. Население в это время сократилось на 8 млн. человек. Число нищих, бродяг увеличилось, сильно возросла детская беспризорность [1, с. 113–114].

В 1920-е гг. экономика как страны в целом, так Поволжья в частности, находилась в состоянии глубокого, затяжного кризиса. Последствия Первой мировой и Гражданской войн отразились на сельском хозяйстве: сократились посевные площади, уменьшилось поголовье скота и т.д. Одним из самых трудноразрешимых был продовольственный вопрос. Политика продразверстки эпохи «военного коммунизма», в ходе которой происходило изъятие излишков у крестьян, привела к еще большему истощению и разорению сельского хозяйства, так как в ходе конфискаций изъятию подвергался и необходимый для питания крестьянской семьи хлеб, и семена для будущего посева, и запасы для прокорма скота [2, с. 60].

Продовольственное положение Самарской и Пензенской губерний в 1920 – начале 1921 г. характеризовалось нехваткой хлеба и других основных продуктов, а также постоянными перебоями в снабжении ими.

Население остро ощущало недостаток в продуктах, главным образом, белкового происхождения и жирах, компенсируемый углеводистой пищей. Среди городского населения необходимые в день 100 г белка могла себе позволить семья портного из 4-х человек с доходом в 18 500 руб. Самую низкую норму потребления белка – 29,3 г – показала семья сапожника из 3-х человек с доходом в 5 500 руб. [3, с. 44].

Пища крестьянства была однообразна и скудна, да и ее часто доставало. Вполне привычным явлением в жизни крестьянства были дни, когда пищи попросту не было. По воспоминаниям современников, в пищу применяли различные травы, корни. Как только сходил снег, копали съедобные корни свиного, аниса, кислицы и др. Так же ели лебеду, конский шавель, листья деревьев, желуди. В хлеб добавляли всевозможные «приме-

си» [4, с. 759-765]. В газете Красное знамя Пензенской губернии в 1921 г. писали «Хлеб вовсе не похож на хлеб: какой-то смешанный навоз с отбросами овса...сине-черного цвета...» [5]. Добавление в пищу суррогатов говорило о переходе за черту физиологического минимума, который давал начало голоду. Потребление соломы, древесной коры, картофельной кожуры, а также земли и торфа было преобладающим в питании в этот период.

Творческая интеллигенция так же страдала в период голода. В газете Трудовая правда писали: «...артисты сидят без заработка и без пищи» [6, с. 2]. Их заветным желанием является сейчас получить театры «на концессию», чтобы иметь возможность подработать халтурой в течение голодных месяцев. Другая часть артистов стремится уехать в более хлебные места, что многие уже и сделали [7].

Но продовольственная ситуация в городах была относительно сносной по сравнению с сельскими районами. Питание рабочих, служащих было на порядок лучше питания сельского жителя, но по физиологическим нормам она была в 2 – 3 раза минимума, необходимого дня нормальной жизни.

Улучшение ситуации в Поволжье проходило медленно. К октябрю 1922 г. питание начало приближаться к нормальной величине, и с зимы 1922 – 1923 гг. закончился период хлебного голодания. Обследование семей Самарской губернии в феврале 1923 г. показало улучшение питания горожан, выраженное в увеличении норм потребления хлеба как ржаного, так и пшеничного. Дневной рацион горожанина расширился, и заметное место в нем стали занимать белковые вещества [3, с. 61].

Таким образом, голод 1921 – 1922 гг. с худшей стороны повлиял на рацион как сельских, так и городских жителей. В не засушливые годы Поволжье не только прокармливало свое население, но и давало хлеб в излишек. Теперь же власть вынуждена была помогать голодающим, а население было вынуждено выживать.

Библиографический список

1. Соколов А.К. Курс советской истории, 1917 – 1940. Кн.1. М.: Высш. шк., 1999. 272 с.
2. Аншакова Ю.Ю. «Увиденное мною в Самаре я не забуду никогда»: голод начала 1920-х годов и помощь голодающим в Самарской губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т.14. № 3–1. С. 59–71.
3. Гатаулина И.А. Питание городского и сельского населения Средневолжского региона в 1920-е годы // Омский научный вестник. 2008. № 5 (72). С. 44-51.
4. Лебедева Л.В. Питание в повседневной жизни крестьян российской глубинки периода нэпа // В мире научных открытий. 2011. № 7.2. С. 759–765.
5. Красное знамя. 1921. №3.
6. Коммуна. 1921. 7 июля. № 764.
7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Фонд 36. Описание 1. Дело 393. Листы 164.

ЭКОНОМИКА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Территория Ульяновской области до июля 1941 г. представляла собой типичный регион Среднего Поволжья, где в экономике превалировало сельское хозяйство [1, с. 82]. В регионе планировалось строительство нескольких заводов авиапромышленности и мощной гидростанции способствующей развитию речного транспорта на Волге и Каме, а также увеличению энергетической базы региона. Итогом всего этого являлось увеличение экономической привлекательности Поволжья в целом. Но данные мероприятия планировались на третью пятилетку, прерванную войной. Ульяновск был городом со слабо развитой промышленностью из-за устаревшей энергетической базы. Единственным крупным предприятием был Государственный завод № 3 известный, как патронный завод, на котором трудилось около трех тысяч человек. Завод был эвакуирован в Симбирск в 1918 г. К 1941 г. завод изготовил 4 млрд. патронов в основном для винтовки Мосина и пистолета ТТ [2, с. 58].

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) кардинально преобразила экономику Ульяновского региона, превратив его в место размещения эвакуированных из западных, захваченных врагом или оказавшихся под угрозой захвата им, районов Советского Союза промышленных производств и государственных учреждений.

В начальный период войны в руках врага оказались огромные территории. Около 94% авиационных заводов, более 80% заводов Наркомата вооружений оказались с лета 1941 г. в зоне боевых действий и прифронтовых районах. Промышленный потенциал СССР за несколько месяцев войны был уменьшен на половину. Помочь в такой сложной ситуации смогли решительные действия правительства: эвакуация промышленных и людских ресурсов на восток, развитие военно-промышленной базы восточной части РСФСР, которое началось еще до начала военных действий, а также постройка совершенно новых предприятий. Началась широкомасштабная эвакуация с западных регионов страны, в том числе и в Поволжье.

Территория региона стала площадкой для размещения эвакуированных госучреждений союзного значения и предприятий различных отраслей промышленности. Предприятия прибывали из различных городов страны, таких как: Москва, Харьков, Киев, Витебск, Ахтырка, Ворошиловград. Большинство предприятий эвакуировалось в Ульяновск согласно принятому ЦК ВКП(б) и СНК СССР 16 августа 1941 г. «Военно-хозяйственному плану на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» [3, с. 8]. Крупнейшими из них

были: Автомобильный завод имени Сталина, Электромеханический завод «Электропускатель» имени И. В. Сталина, Швейная фабрика имени М. Горького, Трикотажная фабрика имени КИМ (Коммунистического Интернационала Молодежи). На начало 1944 г. в Ульяновской области действовали 4513 предприятий и организаций, из них 578 были зарегистрированы как «крупные и мелкие» промышленные предприятия. В результате изменений в структуре региональной экономики на территории области появились новые высокотехнологические отрасли промышленности, ранее никогда здесь не размещавшиеся – точное приборостроение, электротехника, двигателестроение и другие, ставшие в послевоенное время основой экономического потенциала региона.

Самым большим предприятием Ульяновского региона в военные годы и в послевоенное время становится автозавод имени Сталина. Для размещения предприятия был выбран Ульяновск [4, с. 9] и несколько других городов, такие как Шадринск, Троицк, Челябинск. Его размещение требовало освоение нового городского пространства – Засвияжья. Промышленное строительство и эвакуация привело к росту населения Ульяновска, а также существенно повлияла на социальную структуру населения города и его окрестностей за счет профессиональных рабочих и инженерно-технических кадров. Население увеличилось приблизительно в два раза: со 110 тыс. человек на 1 января 1941 г. до 200 тыс. на 1 января 1943 г. без учета находящихся в городе военнослужащих [3, с.4]. Все это повлекло за собой необходимость административно-территориального размежевания городского пространства и выделения трех автономных внутригородских районов: Володарского (в настоящее время Заволжский) и Сталинского (в настоящее время Засвияжский и Железнодорожный районы). Рост города и огромные территории Куйбышевской области – вот основные факторы, повлиявшие на создание Ульяновской области. Ведь в годы войны промышленность, как и армия, нуждаются в незамедлительных приказах, указах и постановлениях, то разумным решением было разукрупнение Куйбышевской области и создание 19 января 1943 г. отдельного субъекта РСФСР – Ульяновской области.

Что же производили эвакуированные в Ульяновск предприятия? Предприятие ЗИС (УАЗ) в Ульяновске в годы войны выпускало автомашины «ЗИС-5В» (более 7000 шт. за военные годы), двигатели Л-3/2, газогенераторные установки для автомашин и 20 мм. авиационные снаряды. Завод «Электропускатель» из Харькова («Контактор») — с 1942 г. выпускал детали для «Катюш» и различное электрооборудование, а завод №280 («Утес») изготавливал запчасти для танков и самолетов. Эвакуированные предприятия легкой промышленности изготавливали чулочно-носочные изделия, свитера, нижнее белье, пряжу и вату. Основной продукцией завода №8 имени Ворошилова в 1942-44 гг. были парашюты для световых бомб, использовавшиеся в ВВС и ВМФ.

Подводя итоги работы промышленности в Ульяновске по всему периоду Великой Отечественной войны, можно сказать, что Ульяновский регион внес значительный вклад в победу над врагом, поставляя нужную для фронта продукцию, произведенную на местных предприятиях, о которых еще пару лет назад можно было только мечтать.

Промышленная база, которая сформировалась во время Великой Отечественной войны в Ульяновской области, стала основой для развития ее экономики в послевоенную эпоху. Отраслевой баланс, сложившийся в те годы, структурно оставался практически неизменным до 1970-х гг., когда на территории области вновь развернулось масштабное строительство в связи со столетием со дня рождения В. И. Ленина.

Библиографический список

1. Забалухина Н.В., Пашкин А.Г. Симбирский-Ульяновский край в новейшей истории России 1917-1991 гг. Люди. События. Факты. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012.
2. Зонтов И.М., Смирнов А.И. Ровесник Октября: Ульяновский машиностроительный завод им. Володарского. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1987.
3. Ефимов Д.Ю., Лосева В.И. Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны. Ульяновск: Симбирская книга, 1995.
4. История Ульяновского автомобильного завода. М.: Профиздат, 1988.

Е.И. Марфина

Самарский государственный социально-педагогический университет

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ Г. КУЙБЫШЕВА)

В условиях военного времени государство требовало отдачи всех сил советских граждан в производственной сфере для достижения скорейшей победы на фронте. Центральные и местные органы власти размещали на страницах печати патриотические статьи для поднятия боевого духа народа, ссылались на высказывания В.И. Ленина и И.В. Сталина, напоминали о событиях гражданской войны, «когда над Советской Республикой нависла опасность порабощения германским империализмом, и требовалось укрепление трудовой дисциплины, как одно из важнейших и необходимых условий преодоления грозящей опасности» [7, с. 7].

Необходимо подчеркнуть, что наряду с позитивными оценками трудовой дисциплины советских граждан в 1941–1945 гг., доминировавшими в отечественной историографии, в настоящее время предлагаются и другие точки зрения, в частности, по проблеме трудовой мотивации [4, 5, 6].

Опираясь на документы ЦГАСО и местной периодической печати военных лет, мы определили часто встречающиеся нарушения трудовой дисциплины: это тунеядство, халатность, кражи и пьянство на рабочем месте. Самым распространенным правонарушением было тунеядство. Простой прогул грозил неминуемым наказанием – привлечением к уголовной ответственности (назначение отработки с удержанием из заработной платы 15–25 % в пользу государства, отправка в исправительно-трудовые колонии, а при рецидиве – расстрел). В 1942 г. помощника шкипера баржи № 217, которая везла на фронт красноармейское обмундирование, уличили в краже. При обыске у него обнаружили 5 пар кожаных красноармейских ботинок и брюк, 2 пары белья, 2 вещевых мешка, 2 кожаных поясных ремня и 10 м. бельевого материала. Учитывая, что в 1937 г. его уже судили за растрату, линейный суд водного транспорта Средневожского бассейна приговорил помощника шкипера к высшей мере наказания – расстрелу [8, с. 4]. По-видимому, это был не единичный случай. Так, 11 ноября 1942 г. «Волжская Коммуна» сообщила, что рабочий оборонного завода, ранее 4 раза судимый за прогулы, и продолжавший их совершать в военное время, был приговорен к расстрелу [3, с. 4].

Администрация предприятий строго следила за трудовой дисциплиной. При выявлении на производстве тунеядца, незамедлительно собиралась документация для передачи дела в суд, иначе уголовная ответственность грозила руководству. В ноябре 1942 г. в народном суде 14 участка Сталинского района г. Куйбышева слушалось дело двух табельщиц одного из военных предприятий. Более двух месяцев они не сообщили о работнице завода, которая не являлась на работу, но получала все это время продовольственные карточки. Возбужденное уголовное дело закончилось для табельщиц тюремным заключением (2 года каждой). На самом деле, несчастные женщины выгораживали не «трудового дезертира», как это вменялось им в вину, а беременную женщину, многодетную мать, которая по состоянию здоровья не могла работать и нуждалась в продовольственных карточках, чтобы кормить детей [2, с. 4]. Этот пример свидетельствует о том, что в суровых условиях войны люди находили в себе мужество оставаться людьми.

Распространенным видом трудовых правонарушений являлась халатность. Например, в июне 1942 г. для базы «Химсбыта» прибыла баржа № 2064, груженная кислотой, но директор оптово-розничной базы не позаботился о выборе удобного места для разгрузки, о постройке мостков. Вместо этого он два дня пьянствовал, отмечая «именины». Баржа простояла 2 недели, вследствие чего предприятие уплатило 16992 руб. штрафа, а директора посадили в тюрьму на 3 года [10, л. 17].

Хотелось бы отметить, что нередки были случаи дисциплинарных проступков, встречающиеся и в мирное время, а именно пьянство, кражи с рабочего места ценных вещей, злоупотребление служебным положением.

В 1943 г. в докладе секретаря райкома Горелова, в выступлениях заместителя председателя военного трибунала Средневолжского бассейна Зеликсона и военного прокурора Еремеева, указывалось, что большинство случаев прогулов и дезертирства произошло после введения военного положения на железнодорожном и водном транспорте. Работники не выдерживали возросшей нагрузки и боялись ответственности. Что касается остальных предприятий, то статистика военных лет свидетельствует о том, что дисциплинарные проступки чаще совершали молодые люди, проработавшие меньше 3-х месяцев. Руководство пришло к выводу, что в г. Куйбышеве была слабо организована массово-воспитательная работа в производственных коллективах [9, л. 34]. Для повышения уровня трудовой дисциплины руководителей предприятий обязали больше заботиться о жилищно-бытовых условиях труда и продовольственном обеспечении рабочих. Это должно было способствовать уменьшению трудовых правонарушений на предприятиях города [1, с. 4]. Но, несмотря на принятые меры, проблема трудовой дисциплины на оборонных предприятиях города стояла весьма остро вплоть до конца Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Волжская Коммуна. 1942. 4 декабря.
2. Волжская коммуна. 1942. 25 ноября.
3. Волжская коммуна. 1942. 11 ноября.
4. Кабирова А.Ш. Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. Т. 4. С. 169–180.
5. Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2008.
6. Сомов В.А. Репрессии как метод трудовой мобилизации в условиях Великой Отечественной войны (по материалам Волго-Вятского региона) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (17). С. 8–18.
7. Сталинец. 1942. 16 июля.
8. Сталинец. 1942. 28 мая.
9. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф-Р. 3266. Оп.1. Д. 57.
10. ЦГАСО. Ф-Р. 3266. Оп.1. Д.133.

ПРОБЛЕМА РАССЕЛЕНИЯ ВЕТХОГО И АВАРИЙНОГО ЖИЛЬЯ В Г. ПЕНЗЕ В 1950-Х – НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.

Жилищная проблема для нашей страны является актуальной уже более полувека. Быстрые темпы урбанизации, связанные с индустриализацией страны, к середине XX века резко обострили жилищный вопрос. В Пензенской области, как и по всей стране, быстро увеличивалось городское население, особенно в областном центре: численность населения со 160 тыс. человек в 1939 г. увеличилась до 255 тыс. человек в 1959 г. [1, с. 61]. К 1986 г. население г. Пенза составило 532 тыс. человек [2, с. 11].

Быстрый рост населения города вынуждал застраивать и благоустраивать значительные площади. Кроме того, требовали решения проблемы, связанные с ремонтом и модернизацией имеющихся коммуникаций, инфраструктуры.

Одновременно с необходимостью обеспечить прибывающее в город население необходимо было улучшать жилищные условия уже проживающих в городе. Значительная часть имеющегося жилого фонда требовала капитального ремонта. В послевоенные годы, значительное число население г. Пензы проживало в ветхих, аварийных домах, бараках и подвалах. Проверка отдела промышленности обкома ВКП(б) в августе 1952 г. показала, что жилой фонд местных советов имел значительный износ. Кроме того, росло число аварийных домов и сокращалась жилая площадь [3, л. 64]. В 1953 г. по области количество аварийных домов увеличилось на 88 домов с жилой площадью 10,8 тыс. м² [4, л. 15].

При этом, для решения жилищного вопроса выделялось недостаточно финансов. В 1950-х гг. ассигнования на проведение капитального ремонта не покрывали потребность поддержания жилого фонда [5, л. 6]. К концу 1950-х гг. жилой фонд в г. Пензе находился в крайне неудовлетворительном состоянии. Только в жилищном фонде горисполкома было 182 аварийных дома (12,5 тыс. м²), 3 ветхих барака, в которых на площади 501 м² проживало 32 семьи и 72 подвальных помещения, где на площади 1475 м² проживало 319 семей [6, л. 23].

Во второй половине 1950-х гг. начинается переход к строительству многоэтажных домов по типовым проектам, формировалась материально — техническая база индустриального жилищного строительства. Несмотря на активное жилищное строительство в 1960-х — 1970-х гг., проблема расселения ветхого и аварийного жилого фонда не ослабевает. Под расселение выделялась лишь небольшая часть нового жилья. По СССР в 1965 г. около 40 млн. м² жилой площади находились в ветхих домах, бараках, подвалах и

других непригодных для проживания помещениях, из которых 14 млн. м² имели износ свыше 60% [7, л. 213].

Большая часть аварийного жилого фонда находилась в ведении местных Советов, что не способствовало решению вопроса с расселением. К 1973 г. в г. Пензе в составе жилого фонда Советов было 493 аварийных дома и барака жилой площадью 46,8 тыс. м² и 540 подвальных квартир, в которых проживала 2361 семья. В ведомстве предприятий и организаций было 35 аварийных домов и бараков, жилой площадью около 18 тыс. м². Всего в аварийном жилом фонде проживало более 3,3 тыс. семей [8, л. 111].

В начале 1980-х гг. проблема сохраняла свою актуальность. Многие семьи еще жили в бараках, ветхих и аварийных домах. Дома, построенные в 1950-х гг. постепенно морально и физически устаревали. В Пензенской области в 1985 г. оставалось еще значительное число ветхих и аварийных домов. Так, в обобщественном жилом фонде в ветхих домах проживало 23368 человек на площади 300,7 тыс. м², в аварийных на площади 68,8 тыс. м² проживало 5296 человек [9, л. 13].

Таким образом, несмотря на активное жилищное и коммунальное строительство в СССР, решить жилищную проблему так и не удалось. В г. Пензе значительное количество семей все еще нуждались в улучшении жилищных условий, многие продолжали жить в ветхом и аварийном жилом фонде.

Библиографический список

1. Население России за 100 лет (1897-1997): Стат.сб. / Госкомстат России. М., 1998
2. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. Ежегодник / ЦСУ РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1986.
3. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 3123.
4. ГАПО Ф. 2207. Оп. 1. Д. 61.
5. ГАПО Ф. 2207. Оп. 1. Д. 89.
6. ГАПО Ф. 2038. Оп. 1. Д. 3849.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 101. Д. 300.
8. ГАПО Ф. 37. Оп. 1. Д. 1719.
9. ГАПО Ф. 921. Оп. 12. Д. 303.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

А.В. Бочарова

Самарский национальный исследовательский университет

НЭПМАНЫ И НЕ НЭПМАНЫ В НЭПМАНОВСКОЙ САМАРЕ

Город Самара в 1920-1930-е годы представлял собой феномен социокультурного пространства НЭПа в миниатюре. Поворот к этой политике Коммунистическая партия осуществила весной 1921 года, провозгласив новую экономическую политику [4, с. 31]. Слово, впервые использованное В.И. Лениным в феврале 1922 года, зажило самостоятельной жизнью, породило многочисленные производные: «нэповский», «нэпманский», «нэпманы»... [8, с. 5]. Важнейшее отличие нэпа от предыдущей экономической политики Советского государства заключалось в использовании товарно-денежных отношений и торговли в интересах строительства социализма [4, с. 7].

Явление НЭПа поразило общество, уже забывшее про шик, блеск и моду. Этот переворот вызвал множество дискуссий и порицаний. Нэпманов – частных предпринимателей той поры, зарождающееся советское общество не принимало. «Но нет, мне не нравится эта НЭП, когда тон задает жирный, ползучий» [14, с. 78-79].

В сатире и карикатуре нэпманов часто высмеивали: «По аллеям с важным видом в сопровождении разодетых, раскормленных, на диво выхоленных жен ходили сахарные, шоколадные и мануфактурные короли» [16, с. 32-33]. «Он в шубе, шегольски распахнутой – так распахнутой, чтобы визитка была видна свеженькая, крахмально-белая грудь и запонки сияющие... Рядом его спутница, обманикюренная, обпудренная, обкрашенная, водородная блондинка, – в шубке котиковой ... [9, с. 63].

Писались и такие четверостишья:

Важно катится в «авто»

В горностаевом манто.

Кто она? – Да что, ты слеп?

Это ж, это ж – Леди Нэп! [7, с.7].

Возвращение к прошлым привычкам раскрасило однообразную повседневную жизнь городских обывателей. В первую очередь это касается покупки одежды. В магазины стали попадать вещи из семейных сундуков, ломбардов, куда нередко приносили и старые фамильные драгоценности и сшитые на заказ платья. Очень популярным становится образ кинозвезд,

считавшимися эталонами красоты и грации. Среди них Белла Белецкая, Анель Судакевич, Ольга Бакланова и многие другие [1, с. 19].

В нэпмановской среде был чрезвычайно популярен театр. Кроме того, влияние НЭПа отразилось на возобновлении летнего отдыха на дачах. Сфера азартных игр и казино возвращается в города. В 1920-е получают свое распространение и танцы. В жизнь городских обывателей возрождаются скачки с тотализатором, выходят из подполья игорные заведения и проституция [6].

Новая экономическая политика в 1920-е годы охватила всю страну. Не только в столице, но и в провинциальных городах происходило возвращение в капиталистическое прошлое. «Жизнь в Самаре была тихой и в достаточной мере приятной» — вспоминает академик М.Н. Тихомиров [15, с. 19].

Влияние НЭПа в Самаре сказалось на частной торговле. В период с 1921 по 1930-е годы в Самаре было открыто множество фирм. В 1921 году на улице Садовой 255 Вайнусом основывается галантерейная и парфюмерная торговля [17, л. 2], в 1925 году магазин обувной торговли «Коммерсант» Грачева [17, л. 2], магазин трикотажной торговли Санфинова А.С. [13, д. 69. л. 1]. Знаменитая «прогулочная» улица Панская (Ленинградская) также заполняется торговыми рядами. Возникает «галантерейная торговля Неймарк З.Н.» (1926-1927) [13, д. 280. л. 6], торговля булочными изделиями В.П. Левина-Брохина (дом №44) [13, д. 134. л. 2], магазин готового платья Шейшаевич-Фридман (1927-1928) [13, д. 267. л. 2] и т.д.

Для развлечения горожан в Самаре действовало около пяти театров: «Городской театр Губпрофсовета» [11, л. 9], «Театр совета союзов» [11, л. 5.] и театр «Драма-комедия» [11, л. 59] в 1922 году, театр «Маска» [11, л. 59] и театр «Карла Маркса» в 1923 году. Нашло место и небольшим площадкам: с 1922 года по зимам функционировали «маленькие» театры — миниатюр, гротесков, балетных и концертных номеров [11, л. 18]. В мае 1920 года открывается рабочий клуб имени А.Н. Островского, где показывались спектакли [3, с. 241], создается «Советский цирк» [11, л. 32]. Большую просветительскую работу вели музеи, которых в Самаре достаточно количество. В 1919 году начал работать первый в России «музей города» [3, с. 236].

В городе часто проходили выставки и вернисажи авангарда. По количеству таких мероприятий Самара в то время занимала одно из первых мест [5, с. 94]. Большой популярностью в городе пользовались производственные экскурсии. Маршрутов было множество: телеграф, элеватор, главная железнодорожная мастерская, фабрика «Красная звезда» и многое другое, в том числе, даже в трудовая колония» [12, л. 76]. Кроме маршрутов по городу, проводились и экскурсии за его пределы.

В период нэпа просыпается интерес к литературе: «в 20-е — 30-е года создавались новые библиотеки, клубы, избы-читальни. В октябре 1925 года

в Самарском крае действовало 397 библиотек, постоянными читателями которых было 67 тысяч человек, 51 клуб, 289 изб – читален, которые посещали до 200 тысяч человек» [10, с. 104]. Пользовались популярностью и литературно-художественные чтения. За 1923-1924 годы их посетило более 10 тысяч человек [2, с. 257].

Таким образом, следует отметить, что Самара НЭПмановская походила в социокультурном плане на многослойный пирог, в котором существовали различные дискурсы: советский, сформировавшийся в первые годы советской власти и специфический эклектичный нэпмановский, означавший контаминацию дореволюционной, заграничной и советской повседневности.

Библиографический список

1. Васильев А.А. Этюды о моде и стиле. М., 2009.
2. Вся Самара. Адресно-справочная книга. Самара, 1925.
3. Годы и события. Хроника / Под редакцией Т.И. Ефимова.
4. Дмитриенко В.Д. Торговая политика Советского государства после перехода к НЭПу 1921-1924. М., 1971.
5. История Самарского Поволжья с древнейших времен и до наших дней. XX век (1918-1998). М., 2000.
6. Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20-30-х годов // Вопросы истории.
7. Мухомор. 1922. №5.
8. Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974.
9. Орлов И.Б. Пахомов С.А. Ряженые капиталисты на нэповском празднике жизни. М., 2007.
10. Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней: В 3 кн. Самара, 1997.
11. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 9464. Оп. 1. Д. 10.
12. СОГАСПИ. Ф. 9464. Оп. 2. Д. 2.
13. СОГАСПИ. Ф. 9468. Оп. 1.
14. Статистический ежегодник за 1927 год. Самарская губерния. Самара, 1927.
15. Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919-1923). Самара, 1994.
16. Шейнин Л. Записки следователя. М., 1965.
17. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-395. Оп. 2. Д. 2151.

САМАРСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ВЛАСТЬ И СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ДРЕВНОСТЕЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Губернаторы, помимо выполнения основных своих обязанностей, решали и другие не менее важные вопросы, возникающие на подведомственной им территории. Одним из таких был вопрос выявления и сохранения археологических древностей, который становится для археологической науки особо значимым в середине XIX в.

Во второй половине XIX века происходит становление российской археологической науки, и, соответственно, размежевание понятий кладоискательства и научных исследований. С этого времени государство начинает принимать активное участие в охранительных мероприятиях по отношению к археологическим памятникам. С 1859 г. местные органы власти должны были извещать Императорскую Археологическую комиссию (ИАК) об открытиях предметов древности на территории губерний и пересылать находки на ее рассмотрение [1, стб. 70]. По инициативе ИАК в 1866, 1867, 1882, 1884 и 1886 гг. были изданы циркуляры МВД, запрещающие кладоискательство и устанавливающие порядок действий по охране древностей при их обнаружении [2, с. 1; 3, с. 11]. Циркуляры положили начало организации охраны памятников древности в Российской империи.

Самарский губернатор вел переписку об обнаружении древних захоронений, кладов и отдельных артефактов на территории Самарской губернии с археологическими обществами, уездными исправниками, частными лицами. При изучении материалов фонда Канцелярии Самарского губернатора (ЦГАСО. Ф. 3) и «Отчетов ИАК» в совокупности было выявлено 25 свидетельств случайного обнаружения археологических памятников и артефактов на территории Самарской губернии за период с 1877 по 1900 гг.

В 22 случаях найденные предметы были доставлены на рассмотрение в Археологическую комиссию. Последняя определяла дальнейшую судьбу находок, выкупая их у находчиков. Вознаграждение за «неутайку клада» рассчитывалось исходя из материальной и исторической ценности предметов. Среди доставленных в Археологическую комиссию числятся: клады монет [4, л. 4; 5, л. 3; 6, л. 2; ОИАК за 1890, с. 124; ОИАК за 1891, с. 132; ОИАК за 1894, с. 40; 8, л. 6; 9, л. 3-3об.; ОИАК за 1897, с. 71; 10, л. 4-4об.], древние украшения (кольца) [ОИАК за 1882-1888, с. XXIV, LVII], предметы быта (котлы, ковши, сосуды, зеркала и т.д.) [ОИАК за 1893, с. 39; ОИАК за 1896, с. 224; ОИАК за 1899, с. 119-120], предметы культа (бронзовый змеевик, бурханы) [ОИАК за 1887, с. СС1; ОИАК за 1894, с. 40; 1896, с. 135], медный чекан [ОИАК за 1898, с. 77] и проч.

В письмах от уездных исправников к губернатору дается описание найденных предметов, их внешний вид, вес, указывается, при каких условиях, в какой местности и кем древности были найдены. Вместе с письмами случайно найденные артефакты доставлялись самарскому губернатору, от губернатора – в Археологическую комиссию или другое учреждение, например, в Горный институт в Санкт-Петербурге [11, лл. 1-18].

Посредством переписки выстраивается коммуникативная цепочка «находчик – местный управляющий – губернатор – научный институт».

В качестве примеров «охранения и исследования» древностей показательными являются дела «О найденном крестьянами села Благодаровки при раскопке курганов разных вещей и древесного угля» за 1889 г. [12, лл. 1-23] и «Об открытых в Новоузенском уезде в Синих Горах раскопки старинных памятников» [13, лл. 1-2об.], «О курганных древностях» [14, лл. 1-3] за 1892 г. В делах находим сведения об охране археологических памятников от разграбления и назначении ответственных лиц для исследования найденных объектов.

Можно заключить, что именно государство регламентировало построение коммуникативной цепочки от находчика клада до компетентного научного органа в целях развития отечественной науки. Губернатор выступал в качестве ключевого звена цепи, выстраивающейся во внешнем коммуникативном поле археологической науки (наука и власть). Он являлся главным посредником при доставке археологических ценностей из губернии в столичные научные учреждения.

Библиографический список

1. Положение об Императорской Археологической комиссии // Полное собрание законов Российской империи. Ч.1. 1861. № 34109. стб. 70 – 72.
2. Ахметова Е.А. История взаимоотношений кладоискателей с законом в XVIII – начале XX веков // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1(2). 2015. С. 1.
3. Медведева М.В. Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
4. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 93. Д. 16.
5. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 96. Д. 5.
6. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 99. Д. 5.
7. Отчеты Императорской Археологической комиссии за 1882 – 1901 гг. СПб., 1891–1903.
8. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 42. Д. 17. Лл. 1-7.
9. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 112. Д. 11. Лл. 1-20.
10. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 11. Лл. 1-5.
11. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 97. Д. 11. Лл. 1-18.
12. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 105. Д. 43. Лл. 1-23.
13. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 177. Д. 20. Лл. 1-2об.
14. ГБУСО ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 300. Лл. 1-3.

БЛАГОУСТРОЙСТВО УЛИЦЫ ДВОРЯНСКОЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В конце XIX – начале XX века улица Дворянская (совр. Куйбышева) являлась деловым и культурно-развлекательным центром Самары. Ежедневно тут собирался весь свет самарского общества, и неизбежно на дворянскую попадал каждый приезжий купец или чиновник. Дворянская была своеобразным «лицом» города. Поэтому, при всех трудностях благоустройства городского пространства, Дворянская приводилась в порядок в первую очередь.

В конце XIX века в Самаре появляется несколько скверов напрямую касающиеся объекта нашего исследования – улицы Дворянской. Одной из главных достопримечательностей Самары этого периода был памятник императору Александру II, торжественное открытие которого состоялось 30 августа 1889 года. Сам памятник обошелся городу в 63500 руб., еще порядка 13000 руб. было потрачено на установку монумента и облагораживания территории вокруг него (устройство сквера) [1, с. 223]. Работа над его устройством длилась чуть больше года с апреля 1887 г. по август 1888 г. Уже в перечне расходов виден размах данного предприятия, участие в нем приняли многие жители города от крестьянина Яковлева, выполнявшего земляные работы, до городского главы П.В. Алабина, продавшем городу для сквера 13 кустарников [5, оп.36, д.713, л.3]. Из Тамбова был заказан шиповник для посадки его в качестве изгороди [5, оп.36, д.713, л.29]. Кроме того, в сквере были высажены сирень, георгины, многолетний плющ. В 1889 году для удобства горожан, в сквере было установлено 8 скамеек, к которым в 1892 году прибавилось еще 8 «чугунных дивана» [5, оп.36, д.738].

Еще один сквер был устроен у исхода Дворянской. По сообщению «Самарской газеты» от 25 апреля 1898 года А.Ф. фон Вакано пожертвовал на устройство сквера вокруг Самарского городского театра и спуска к реке Волга свыше 10 тыс. рублей [4, с. 76]. К октябрю 1902 года работы по устройству сквера были полностью закончены. Силами «Товарищества Жигулевского пивоваренного завода» были построены деревянный павильон, названный Пушкинским, две площадки теннисного корта, превращавшиеся зимой в каток, установлен бюст Александру Сергеевичу Пушкину.

Если дело по разбивке и обустройству скверов в городе проходило довольно гладко и находило своих покровителей, то вопрос по освещению самарских улиц решался сложно. Первые 30 уличных фонарей в Самаре были установлены на улице Дворянской и зажглись в ночь на 3 декабря 1860 года[3].

Электрификация Самары началась в конце XIX века с частных электростанций, так одной из первых стала станция при Жигулевском пивоваренном заводе построенная в 1898 году. Станция фон Вакакно давала энергию для освещения Городского театра [5, оп.37, д.6] и Струковского сада [5, оп.37, д.8] до сдачи в эксплуатацию центральной городской электрической станции. Также, от частных электростанций в 1898 году электрическое освещение было проведено в магазины Белоусова и Покидышева и ресторан Ивановых [4, с. 71].

Обсуждение вопроса об устройстве в Самаре электрического началось в Городской Управе в июле 1894 года [5, оп.37, д.1, л.1]. Отмечалось, что больше всего абонентов эля электричества найдется на улицах с торговыми заведениями – Дворянской и Панской. Что касается непосредственно уличного освещения, то члены Управы были убеждены что «город пожелает осветить лучшие улицы – часть Дворянской и часть Панской» [5, оп.37, д.1, л.3]. Дворянская также была взята за образец при определении мощности освещения. Управа признала необходимым установить на этой улице лампы силой в 25 свечей и если это признается выгодным, установить такие же лампы и на другие улицы [5, оп.37, д.1, л.130].

Другой немаловажной проблемой устройства городского пространства в середине XIX века было мощение улиц. По замечанию исследователей мостовые были «больным местом» каждого поволжского города [2, с. 144]. Вездесущая поволжская пыль и быстрый износ булыжной мостовой, к концу XIX века потребовали кардинального решения этих проблем – Городская управа поднимает вопрос об устройстве асфальтовой мостовой на Дворянской улице, более того, «способ мощения этой улицы должен стать образцом для других частей города» [5, оп.37, д.10, л.14]. Однако, гласные городской думы, поняв, что городская казна не потянет расходов на асфальтовую мостовую, обращаются к домовладельцам Дворянской с просьбой подписать указание о том, что мостовая делается не по требованию города, а по их желанию, следовательно все расходы домовладельцы берут на себя, на что последние без колебаний согласились [5, оп.37, д.14, л.37].

Деловой центр Самары становится своего рода экспериментальной площадкой, где впервые внедрялись все нововведения, придающие городу качественно новый облик и открывающие новые возможности для горожан. Важно отметить, что сами домовладельцы Дворянской и другие самарцы вносили большой вклад в благоустройство улицы. Таким образом, деловой и культурно-развлекательный центр города совместными усилиями городской администрации и городского сообщества, принимает современный благоустроенный вид, и становится образцом для развития всего городского пространства Самары.

Библиографический список

1. Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1890 год. Самара, 1889. С. 223.
2. Гусева Н.Б. Городское самоуправление Самаро-Саратовского Поволжья в 1892–1917 гг. Дисс. на соис. уч. ст. кан. ист. н. Самара, 1996.
3. Ерофеев В. Самара благоустроенная // Валерий Ерофеев. Историческая Самара [Электронный ресурс] <http://xn—7sbbaauatxpyidedi7qgh.xn—p1ai/>
4. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2006.
5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153.

И.О. Трубицын

Самарский национальный исследовательский университет

КОРПОРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДВОРЯНСТВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Одной из актуальных проблем современной России является проблема становления полноценного гражданского общества. Как заметил Ш. Монтескье «Гражданское общество это союз индивидуальностей, коллектив». В дореволюционной России одной из форм «союза индивидуальностей» являлись корпорации. Как отметил Б.Н. Миронов наибольших успехов в развитии социальных институтов от общности к обществу (от *Gemeinschaft* к *Geseiischaft*) достигло дворянство, менее всего это получилось у крестьянства [1].

Воссоздание 10 мая 1990 г. Российского Дворянского Собрания (далее РДС) ставит перед исследователем ряд вопросов, и прежде всего, вопрос преемственности современной корпоративной организации дворянства(-далее КОД) от дореволюционной. Ответ на него поможет нам утверждать/не утверждать о стабильности (эффективности) КОД как социального института.

Исследование проведено на основе интервью с первым вице-предводителем Российского Дворянского Собрания, ответственным секретарем Совета Объединенного Дворянства, координатором общественных и межрегиональных связей Российского Дворянского Собрания Александром Юрьевичем Королевым-Перелешиним. Интервью состоялось 13 апреля 2016 года.

Учредительное собрание «Союза потомков российского дворянства – Российского Дворянского Собрания» состоялось 10 мая 1990 г. в Москве в бывшем Знаменском монастыре на Варварке.

Основателями РДС были 54 человека, а тех, кто потом взял на себя труд представить доказательства своего дворянства всего 16 [2, с.84]. Они пре-

следовали три глобальных цели: «Во-первых, дать возможность людям себя идентифицирующим с российским дворянством, с потомками российских дворянских родов встретиться с людьми близкими по духу и представить возможность общения. Во-вторых, восстановить институт российского дворянства, т. е. восстановить всю дореволюционную систему связанную с внесением представителей дворянства в соответствующие родословные книги, обеспечение доказательств дворянских семей. В-третьих, возродить нравственные и духовные основы Российской державы, формировать общественное сознание на основе традиционных российских духовных, культурных ценностей и исторической традиции России».

Одним из базовых принципов деятельности РДС является преемственность от дореволюционной корпоративной организации. «Если говорить о чисто формальной стороне, то она заключается в том, что люди вступают в РДС, максимально придерживаясь дореволюционных правил, единственно, конечно (исключение — И. Т.) в РДС существует две категории членства: действительные члены, т. е. дворяне и ассоциированные члены — потомки (потомки по женской линии) и представители российских дворянских родов, то есть, формально эти люди уже не дворяне, а потомки российских дворян. Второе, как и до революции, люди вступающие в корпоративную организацию дворянства (я не имею ввиду ассоциированных членов — А. К.-П.) строго документально и неопровержимо доказав свое происхождение вписываются в соответствующую часть родословных книг и эта родословная книга непосредственно продолжает преемственно книгу дореволюционную. РДС сохранило все дореволюционные институты КОД.

Важное значение в жизни дворянства (имеется в виду дореволюционного) так и их потомков занимает система ценностей и принципов деятельности КОД. По словам первого вице-предводителя А. Ю. Королева-Перелешина «в плане принципов, РДС стоит на тех же принципах, духовно-нравственных основах, на которых стояла дворянская организация до революции. РДС организация многонациональная, многоконфессиональная (более 70 отделений — губернских дворянских собраний. Самое крупное, естественно, в Москве (примерно 40 % членов [2, с.87]), но, тем не менее, главным нравственным арбитром для нас является Русская православная церковь. РДС, безусловно, является организацией легитимистов и традиционалистов, и признает Российский императорский дом, а его глава является источником чести для РДС, и какие-то ни было решения, в отношении российского дворянства в праве для нас принимать, только глава Российского императорского дома».

«Последние годы, особенно в Москве под эгидой РДС проводятся концерты, выступления профессиональных артистов. Это наш вклад в развитие и поддержание культуры» — отмечает Королев-Перелешин. Существует ассоциация художников РДС. Подобная деятельность ведется не только

в Москве, но и в регионах. Заботясь о подрастающем поколении РДС открыло морскую секцию на базе патриотических клубов и объединения офицеров флота России за рубежом [3]. Ежегодно под патронажем Дворянского собрания, в Государственном военно-историческом музее-заповеднике проводятся Багратионовские чтения [3].

Таким образом, современное Дворянское Собрание является продолжателем, как в культурно-общественном, так и в структурном плане основ заложенных предками современных дворян. На вопрос поставленный нами в начале статьи можно ответить положительно, так как созданная Екатериной II в 1785 г. корпоративная организация дворянства продолжает свою деятельность, хотя и в новом облике.

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: XVIII- начало XX в.: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
2. Щербачев О. В. Дворянство в России: тысячелетие и четверть века // Русская история. 2015. № 4.3. Дворянский вестник. 1998. № 10.

Е.П. Колбашкин

Санкт-Петербургский государственный университет

БОРЬБА «ВЕРХОВ» В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

К концу правления Александра II Россия находилась в остром политическом кризисе. Власть оказалась почти неспособной эффективно управлять страной в обстановке активизации народовольцами направленной против правящей элиты террористической деятельности. Ситуация еще более усложнилась после убийства императора 1 марта 1881 года.

Правление вступившего на престол Александра III во многом должно было определить дальнейшую судьбу Российской империи. Перед новым царем стояла важнейшая задача – выбор пути развития государства: продолжить в целом относительно либеральный внутривластный курс своего отца или же встать на консервативные позиции. Выбор императора во многом зависел от исхода борьбы правительственных «верхов» вокруг «конституционного» проекта министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова.

Проект Лорис-Меликова о привлечении населения к законосовещательной деятельности по сути своей «был очень далек от настоящей конституции» [6, с. 151]. Однако его исполнение, по мнению министра, являлось необходимым условием для реализации целого ряда мер, направленных на борьбу с распространением терроризма в стране и преодоление наметив-

шегоса раскола между властью и либерально настроенной частью российского общества.

Одобрение проекта Александром Павлом не означало, что так же благосклонно к нему отнесется новый государь. Однако он поступил ровно так же, как и планировал поступить его отец: распорядился созвать совещание министров для обсуждения предлагаемой М.Т. Лорис-Меликовым инициативы, которое было назначено на 8 марта 1881 года. Именно этот день и стал началом открытого соперничества двух правительственных группировок за влияние на молодого императора в вопросе выбора дальнейшего курса развития страны.

Высшие чиновники, выступавшие на заседании 8 марта, разделились на три группы: на тех, кто поддерживал предложение министра внутренних дел, тех, кто призывал от него отказаться, и тех, кто не высказал определенной позиции по обсуждаемому вопросу [5, с. 331-332]. Большинство (9 человек) было за сторонниками проекта, которые настаивали на своевременности данного предложения и необходимости его принятия для выведения страны из политического кризиса. Ввиду известной неприязни Александра III к конституционной форме правления было также отмечено, что проект подразумевает создание «учреждения только совещательного» [2, с. 37]. Среди противников инициативы Лорис-Меликова оказалось 4 человека. Они давали равным счетом противоположные оценки проекту: предложение министра внутренних дел абсолютно несвоевременно, оно будет способствовать лишь углублению кризиса, что в конечном итоге приведет к распаду государства. Более того, было заявлено, что «в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг» [2, с. 38]. Таким образом, уже на совещании министров 8 марта 1881 года оформились две основные соперничающие правительственные группировки.

Костяк первой из них, поддерживавшей проект (ее условно можно назвать либеральной), постепенно составили помимо М.Т. Лорис-Меликова также военный министр Д.А. Милютин и министр финансов А.А. Абаза. Выразителем интересов второй группировки (ее можно условно назвать консервативной) стал в первую очередь обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, пользовавшийся доверием императора и оказывавший на него серьезное влияние.

Около месяца борьба носила скрытый, «подковерный» характер, пока 12 апреля 1881 года М.Т. Лорис-Меликов не представил государю доклад о правительственной программе будущих реформ, в котором в список ранее уже предложенных мер по выводу страны из кризиса добавил еще одну: ««образовать однородное, согласное между собою правительство» [1, с. 494]. Таким образом, Александр III, все еще не склонившийся открыто ни на одну из сторон, был поставлен перед необходимостью сделать это.

Именно в результате данного доклада с целью «выйти, наконец, из настоящей неизвестности и замкнутости» [3, с. 309–310] 21 апреля вновь было созвано совещание министров, на этот раз в усеченном составе. На нем неожиданно выявилось, как казалось, то самое единство во мнении среди высших чиновников, о котором говорил М.Т. Лорис-Меликов: К.П. Победоносцев выступил с примирительной речью. Однако, как выяснилось в дальнейшем, «это был маневр, и только маневр» [5, с. 368]. Воодушевление представителей либеральной группировки оказалось преждевременным.

Вечером того же дня император отправил Победоносцеву записку, в которой признался, что совещание произвело на него «грустное впечатление» [4, с. 40], а сам он абсолютно не желает осуществления планов министра внутренних дел и его единомышленников. Победоносцев, осознав, что наступил решающий момент, написал Александру с 21 по 29 апреля четыре письма, с помощью которых не только смог убедить государя издать манифест о сохранении незыблемой самодержавной власти, но и сам составил его текст, определил место и дату его опубликования.

«Либеральные» министры узнали о готовящемся к изданию манифесте вечером 28 апреля, а уже 29 апреля он был опубликован. Лорис-Меликов, Милютин и Абаза прекрасно понимали, что данный манифест означает окончательный отказ от программы реформ, предложенной министром внутренних дел, в том числе и от привлечения представителей населения к законосовещательной деятельности как необходимого условия их реализации. Все трое министров подали Александру III прошения об отставке, каждое из которых он удовлетворил.

Таким образом, именно борьба «верхов» в первые месяцы правления Александра III и победа в ней консервативной группировки во главе с К.П. Победоносцевым стали отправной точкой смены курса развития страны. Ход противостояния отличался напряженностью и непредсказуемостью, а его итог продемонстрировал нежелание нового императора продолжать политику своего отца.

Библиографический список

1. Доклад М.Т. Лорис-Меликова Александру III о правительственной программе будущих реформ // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2010.
2. Перетц Е.А. Дневник Е.А. Перетца (1880–1883). М.–Л., 1927.
3. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881. М., 2010.
4. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Минск, 2003.
5. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.
6. Томсинов В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2013.

ХАРАКТЕР И ОРГАНИЗАЦИЯ СИБИРСКОГО ЗЕМСТВА НА ОСНОВЕ ТОМСКОГО ПРОЕКТА И ДУМСКОГО ЗАКОНОПРЕДЛОЖЕНИЯ

Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. и 1890 г. на Сибирь не распространялись вплоть до лета 1917 г. из-за неразвитости на ее территории элементов земства (отсутствие поместного дворянства, низкая плотность населения, наличие инородческого элемента). Лидеры областников, прежде всего Н. М. Ядринцев, боролись за введение земства как одну из важнейших реформ, направленных на осуществление «народных форм жизни» [1, с. 65]. Практическое и легальное обсуждение вопроса земского самоуправления в регионе стимулировал рескрипт Николая II иркутскому генерал-губернатору, графу П. И. Кутайсову от 3 апреля 1905 г. о необходимости введения земства на восточных окраинах империи (в Тобольской и Томской губерниях, в Иркутском генерал-губернаторстве).

Члены юридического общества при Томском университете во главе с Г.Н. Потаниным разработали «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири», который занял выдающееся место в ряду других общественных инициатив и предложений, распространяясь на всю Сибирь, а не только на указанные в рескрипте территории. Находясь под воздействием сибирской областной теории, составители предлагали создание наряду с губернским, уездным и волостным, еще и областного земского самоуправления – Сибирской областной думы. Она наделялась широкими полномочиями – распоряжение всеми землями региона, заведение путями сообщений, общественной безопасностью, народной медициной и образованием. Основным источником земских доходов должна была стать собственность самоуправлений на землю, недра и леса. Любопытно, что определенный круг вопросов, выделенный как сфера деятельности областной думы, противоречит принципам самодержавного государства [2, с. 327]. Сибирское земство в лице его руководящего органа наделялось авторами проектов компетенцией высших органов государственного управления, включая законодательную инициативу. Земство в проекте томичей/областников перерастало рамки обычных органов самоуправления и превращалось в орган сибирского политического представительства. Смещение земской и политической организации составляет слабость Томского проекта, но не стоит умалять его других полезных предложений: введение мелкой волостной единицы (особенности территории), отсутствие сословного и имущественного цензов.

Поскольку проекты 1905 г. подверглись корректировкам, надежды возлагались на Государственную Думу Третьего Созыва – в мае 1908 г. закончилась разработка законодательного предложения о введении в сибирских

губерниях и областях земского самоуправления. Кадетская фракция создает специальную подкомиссию по доработке законопроекта, которая в течение года подгоняла законопроект под земское положение 1890 г. в связи с местными особенностями Сибири. Избирателей разделили на две курии – крестьянскую и частновладельческую. Предлагалось ввести прямые и бесспорные выборы гласных от сельских обществ, снизить имущественный ценз по сравнению с Европейской Россией. Законопроект вносится на обсуждение Государственной Думы в январе 1912 г. и принимается, а 5 мая 1912 г. Государственный совет отклоняет законопредложение. Интересна аргументация: обращалось внимание на подготовку законопроекта без предварительного исследования региона, на низкую плотность населения. Отмечалось наличие большого количества переселенцев, отсутствие в регионе крупных земельных собственников, из-за чего привлечение крестьян к платежу земских сборов должно встретить трудности. Вместе с тем, Совет рекомендовал разработать проект о том, в каких именно местностях и на каких основаниях могло быть введено земское самоуправление.

Резюмируя итоги очередного раунда борьбы за земство, иркутская газета «Голос Сибири» в 1913 г. писала: «Частного поместного землевладения в Восточной Сибири нет, значит и земского самоуправления Государственный Совет восточносибирским губерниям не даст – не даст в тех урезанных формах, которые установлены положением 1890 г.» [3, с. 3].

Библиографический список

1. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.
2. Альтшуллер М.И. Земство в Сибири. Томск: Литография Сибирского товарищества печати, 1916.
3. По Сибири // Голос Сибири. 1913. № 3.

А.С. Семькина

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ «НАРОДНОЙ» МИЛИЦИИ 1917 Г. В САМАРЕ

Вопросы изучения настроений людей в революционную эпоху, их влияния на ход событий – разносторонни и актуальны. В историографии присутствует мнение о том, что в Февральской революции население немедленно приветствовало народную милицию как замену старорежимной полиции, пользовавшейся всеобщим презрением и недоверием. В Петрограде толпы людей громили и жгли полицейские участки, уничтожали докумен-

ты; полицейских гоняли по крышам, расстреливали на улицах, либо милиционерам приходилось отбивать жандармов у разъяренной толпы. Однако в провинции события часто разворачивались по другому сценарию. Поэтому вопросы взаимоотношений милиции, бывшей полиции и рядового населения, в частности, в городе Самаре, представляют научный интерес.

В Самаре также начались беспорядки, обострив общее недовольство властью, которая не справлялась с различными проявлениями девиантного поведения. По свидетельствам очевидцев, телеграмма о революции в Петрограде спровоцировала грандиозный пьяный погром, продолжавшийся с 1 до 3 марта и нанесший Самаре урон в более чем миллион рублей [2, с. 85]. В свою очередь, 1 марта был создан «Особый Временный городской комитет безопасности», который к 3 марта расширил состав и стал называться «Самарским губернским комитетом народной власти» [9, с. 40]. Принято считать, что его оперативность и открытость действий, проявление лояльности ко всем революционным силам, позволили предотвратить в городе погромы и эксцессы в отношении представителей карательных структур старого режима [1, с. 32-33]. 3 марта Комитет народной власти издает постановление о разоружении полиции, и в тот же день спонтанно возникает «вольная милиция» [3, л. 3, 12]. Согласно документу «Краткая история возникновения Самарской Милиции и отчет о деятельности на 21 апреля 1917 года», в этот первый день «записалось такое огромное количество милиционеров, что запись их пришлось прекратить и за недостатком оружия не все записавшиеся получили его». Факт раздачи оружия показателен, и вольная милиция оказалась достаточно некомпетентной, чтобы 14 марта образовалась вторая «постоянная» милиция. Обе «рожденные революцией» просуществовали параллельно до 21 марта, когда вольную милицию официально расформировали. Тем не менее, они успели стать конкурентами, причем к вольной милиции присоединились чины бывшей полиции: «страшно мешал прежний состав полиции, чины которой не только не помогали нам, но в большинстве случаев старались дискредитировать нас в глазах населения, к вольной милиции мы никакого отношения не имели» [3, л. 11 об.].

По утверждению Т.М. Шестопаловой в Самарской губернии в ряды милиции был зачислен практически весь прежний полицейский состав [8, с. 20], в марте из 450 чинов старой полиции на службе в милиции служило около 40 человек на неотвественных должностях [3, л. 12]. В Самаре бывшие полицейские сами довольно активно проявляли недовольство новой властью, часто даже при поддержке публики. Так, оказались нанесены тяжкие побои двум чинам Сысского Отделения милиции [3, л. 12], в городской тюрьме вспыхнул конфликт между заключенными и надзирателями по якобы готовящемуся побегу. Впрочем, в итоге вся вина оказалась свалена на надзирателя Мидцева, поскольку он «как жандарм, не может *по природе своей* относиться к своим служебным обязанностям, теперь при обновленном

строе, вполне искренно» (курсив мой. — А.С.). Естественной причиной такого недовольства был скачок преступности, поскольку в революционном порыве из заключения вышло немало уголовников [5, л. 16]. Бывший полицейский Петр Николаевич Лавров уже 12 марта на вопрос о новом устройстве России «начал поносить Оную, какое это правление мужицкое нагадить на оное и наплевать, теперь каждый вор спросит свои права» [7, л. 1].

Обе милиции в итоге оказались неэффективными. В городе порядок хотя бы во время массовых мероприятий сохранялся за счет привлечения военных [4, л. 2], но уже в пригородах ситуация выходила из-под контроля. Комитету народной власти 18 марта пришлось узаконить ношение оружия [3, л. 5 об.], а специальные разрешения на приобретение револьверов часто давались по причине необходимости поездок по губернии [6, л. 315, 394]. Кроме того, имелись случаи незаконных обысков и изъятия оружия у частных лиц, чему предполагалось противодействовать [6, л. 90].

В целом заметно, что хотя бывшие чины полиции пользовались недоверием, но в определенных случаях могли даже получить поддержку населения и открыто выражать свою позицию. Самара была далека от харизматических фигур Государственной Думы и ее скандалов, от серьезных тягот войны, поэтому в сравнении со столицей настроения в Самаре имели большее разнообразие, хаотичность, терпимость и определенную непоследовательность.

Библиографический список

1. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: Учебное пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002.
2. Марченя П.П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 84-95.
3. ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 21.
4. ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 32.
5. ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 67.
6. ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 1.
7. ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 3.
8. Шестопалова Т.М. Февральская революция: провинциальное измерение: по материалам губерний Среднего Поволжья: Автореферат канд. исторических наук. Саранск, 2011.
9. Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году: монография. Самара: ПГСГА, 2014.

В. Г. КОРОЛЕНКО – КОРРЕСПОНДЕНТ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

В. Г. Короленко – известный писатель, общественный деятель, журналист, говорил, что в Нижнем Новгороде прошло самое счастливое время (1885–1896) его жизни. Здесь он написал ряд своих важнейших художественных произведений, нашел свое призвание как публицист и общественной деятель. В данной статье рассматривается одна из граней многообразной деятельности Короленко в Нижнем Новгороде – как корреспондента местной печати, делается попытка определить его влияние на провинциальную прессу и местную общественную жизнь.

Приехав в Нижний Новгород на место жительства после восьмилетних сыльных скитаний, Короленко застал в крае удушливую атмосферу. Царствование Александра III, за которым в историографии закрепилось название “эпохи контрреформ”, ознаменовалось продворянским курсом правительства, его реакционными мерами. Подобная обстановка порождала множество негативных явлений в стране: дворяне ощущали безнаказанность, часто шли дальше установленных для них прав и привилегий. Особенно это сильно проявлялось в провинции, где общественные интересы во всех сферах жизни упали: общество проявляло равнодушие к земским и городским вопросам, заседания думы и земства происходили при полном отсутствии публики [4, с. 110]. Местная печать находилась в упадке, нежелательные для властей факты не получали в прессе освещения. Короленко решил вести «войну пером», чтобы «рассеять кошмарное молчание общества» [5, с. 136].

Казанская газета «Волжский вестник» стала для Короленко главной трибуной для публицистических выступлений. Его корреспонденции, заметки, статьи печатались также в «Саратовском дневнике», казанском «Волгаре», «Нижегородском листке», «Самарской газете», столичных изданиях. Короленко затрагивал самые разнообразные темы, освещал как очень мелкие, так и серьезные вопросы местной жизни. Он выступал с заметками, судебными отчетами, бытовыми корреспонденциями, рецензиями, обличительными статьями. Короленко, писал, например, о неправильной нумерации домов в Нижнем Новгороде [2]; засыпке оврагов навозом, об обществе конного бега, бесконтрольно расходовавшем общественные средства [3], о непорядках в городской земской управе, нарушении прав городской думы [5]. Какая бы тема ни была у заметки, в каждой слышится горячий призыв Короленко исправлять косности, общественные изъяды, соблюдать законность.

Короленко стал первой ласточкой, за которой последовало много других. Вокруг него собираются единомышленники-корреспонденты, в основ-

ном из бывших политических заключенных — А. И. Богданович, А. А. Дробыш-Дробышевский, С. Я. Елпатьевский, А. И. Иванчин-Писарев, которые осмелились выступить против засилья «дворянский эры», как назвал это время Короленко [6, с. 124]. В его окружение попадают и местные прогрессивные земские деятели, которые несли сведения, знакомившие корреспондентов с закулисными пружинами местной общественной жизни, тем самым предоставляя обличительный материал.

Главная борьба Короленко и его соратников на страницах печати развернулась против административного произвола, нарушений закона, крупных хищений дворянства. Вызвавшими особенно сильный резонанс в местной общественности стали кампании в печати, разоблачавшие махинации дворянского руководства в парходном обществе «Дружина» и в Александровском Дворянском банке. Вследствие появления в прессе статей, раскрывающих положение дел в банке, прокуратуре пришлось начать дело, были обнаружены миллионные хищения. В итоге несколько директоров было отдано под суд, а банк изъят из рук нижегородского дворянства и передан в казну. Короленко впоследствии, вспоминая об этом деле, отмечал, что за прямыми результатами последовали косвенные: с банком потерпели крушение наиболее хищные воротилы, изменилось соотношение сил — либеральная оппозиция сменила крепостников, учителя и «третий элемент» вздохнули свободнее [4, с. 113].

Таким образом, Короленко внес значительный вклад в развитие провинциальной публицистики — активным сотрудничеством с местными печатными органами, привлечением к ней новых сил, затрагиванием в своих статьях животрепещущих вопросов. Газета «Волжский вестник», по словам Горького, являлась в то время самой влиятельной газетой Поволжья благодаря постоянному сотрудничеству в ней Короленко [1, с. 145]. Короленко стал пионером в деле создания нижегородской публицистики, и «нужно было иметь его талант, его меткость и его чувство меры, чтобы превозмочь все трудности пионерства» [7, с. 270]. Он дал тон, показал, в какой форме возможно обсуждение многих нетронутых печатью общественных вопросов. В нижегородском крае земская оппозиция, ранее загнанная, подняла голову и повысила голос, скрытые беспорядки и дела получали гласность. Так, под влиянием Короленко местная общественно-политическая жизнь заметно оживилась, окрепли прогрессивные силы. Важно, что публицистические выступления писателя, направленные против тех или других частных явлений жизни, диктовались широкими общими задачами — борьба за законность и против изъятий общественно-государственной системы, пробуждение гражданского сознания в народе, и, в целом — нравственно-правовое воспитание общества.

Библиографический список

1. Горький М. Короленко // В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962.
2. Два слова о нумерации домов // Нижегородский листок. 1895. №194.
3. Из Нижнего (письмо в редакцию) // Волжский вестник. 1888. №199.
4. Короленко В.Г. Воспоминания о писателях. М., 1934.
5. Короленко В. Г. Черточка из автобиографии // Русские ведомости. Юбилейный сборник. СПб., 1913.
6. Странная экономия // Волжский вестник. 1886. №124.
7. Протопопов С. Заметки о В. Г. Короленко. Нижегородский сборник. СПб, 1906.

У.О. Скачкова

Самарский национальный исследовательский университет

АНТРОПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ЖЕНЩИН САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГГ.

В концепции о повседневности зарубежных социологов Питера Бергера и Томаса Лукмана, в их совместной работе «Социальное конструирование реальности», обозначено, что «повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [1, с. 38].

Человек, как тело, занимает определенное место в пространстве. «Соотношения индивидуально-телесного и социального устанавливаются в физическом, и в социальном пространстве. Тело перемещается в определенные виды капитала, как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле» [2, с. 38]. В этом смысле советская власть в первые годы своего существования берет под свой контроль «тело» женщины, вгоняя в определенные рамки их репродуктивную и частную жизнь. Женская часть населения вынуждена подчиняться правилам, но действовать согласно заданной схеме советского государства удавалось не всегда. Французский историк и антрополог Мишель де Серто отмечал, что испытывающий все большее принуждение, индивид отделяется от диктуемых рамок, но не будучи способным выйти за их пределы, ему остается только хитрить с ними [3, с. 57]. В этой связи обращение к анализу того, как женщина в Самарской губернии переживала свой гендерный статус, связанный в первую очередь, с репродуктивной функцией, позволяет реконструировать повседневные практики выживания «маленького человека» в переходные периоды «большой истории».

В ранние годы советской власти среди прочих вопросов, актуализированных новой жизнью, интерес и живое обсуждение вызывали практики

по прерыванию беременности и проституция, объявленные «пороком» общества и целью борьбы.

В 1920 году выходит постановление циркуляра Наркомюста о разрешении проведения операций по искусственному прерыванию беременности. В целом, аборт мыслился как явление временное. На делегатском собрании в Самарской губернии в 1925 г. было отмечено, что «война и голод поставили женщину в тяжелое экономическое положение, аборт был декретирован. С усилением экономической мощи страны он сойдет со сцены, так как государство сможет фактически освободить женщину» [4, л. 20(об)]. Но после разрешения аборт, количество данных операций резко возросло. Государство встает на позицию агитации против абортирования, подключая медицинское сообщество. В губернии были введены «дни лекций и бесед» о вреде аборт, и установлена тщательная слежка за получившими отказ в абортной операции, дабы избежать подпольных практик. Больницы и амбулатории были перегружены, а дестабилизации семьи приводила к росту нежелательных беременностей, единственным выходом из которых был аборт. Женщины не могли рассчитывать на качественную больничную госпитализацию – поэтому обращались к бабкам, повитухам. А в медицинской прессе эта ситуация объяснялась «неграмотностью, темнотой, некультурностью... женских масс», и уже при сформировавшемся дискурсе добавлялось, что все это «замедляет рост социализма» [5, с. 19].

Другим «злом, унаследованным от буржуазного капиталистического строя» [6, с. 2] была проституция. В ходе событий 1917 года деятельность продажных женщин перестала рассматриваться государством как профессия. Государство начинает бороться с данным видом деятельности различными путями: создаются проекты обязательного постановления по борьбе с проституцией, вводятся уголовные наказания за проституцию, создаются комиссии по борьбе с проституцией. Из доклада Новицкого с заседания комиссии, видно, что в 20-ые годы XX века проституция «развилась до колоссальных размеров» [7, л. 5]. В газете «Коммуна» была опубликована статья под названием «Проституция», где говорилось, что «женщины и девушки, занимающиеся проституцией делятся на профессионалок и таких, которые предаются этому пороку, как подсобному средству к жизни ... надо думать, что вопрос с проституцией будет ликвидирован в самом ближайшем времени, как только будет возможность уделить ему должное внимание» [6, с. 2].

Таким образом, следует отметить, что отношение советской власти к аборт и проституции не только отражает изменения женского повседневного быта, произошедшие в результате революции, но и показывает слом этических систем: от патриархальной нравственности к нравственности строителей коммунизма. И если до революции Н.А. Бердяев писал, что «с формами семьи связана была тирания, еще более страшная, чем тирания, связанная с формами государства», а «иерархически организованная

авторитарная семья исчезает и калечит человеческую личность» [8, с. 108], то после революции антропология повседневных практик женщин оказалась подвержена тирании советской идеологии более, чем тирании патриархальной семьи, калечащей личность.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевича. М., 1995.
2. Козлова Н. Социально-историческая антропология. М., 1999.
3. Мишель де Серто. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013.
4. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1846.
5. Краснова Ф. Культурная революция по линии охраны Материнства и младенчества // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. Самара. 1928. № 3. Декабрь.
6. Коммуна. 1921. 21 июля.
7. СОГАСПИ. Ф. 9388. Оп. 8. Д. 96.
8. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М., 2006.

О.С. Рубан

*Государственный социально-гуманитарный
университет (г. Коломна)*

ФОРМИРОВАНИЕ «КЛАССОВОГО ПОДХОДА» КАК ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В 1918–1922 ГГ.

Длительный промежуток времени в советской науке уголовная политика отождествлялась с реализацией уголовно-правовых норм, основывающихся на принципах неотвратимости наказания и всеобщего равенства граждан перед судом. Главная причина роста преступности виделась новому руководству в существовании буржуазных прослоек, ведущих активную антисоветскую деятельность. Поэтому, придя к власти, новое правительство взяло курс на ликвидацию изживающего себя класса эксплуататоров, что выразилось в реализации так называемой «карательной политики» государства. Под ней понималась совокупность деятельности государственных органов и общественных организаций, занимающихся поддержанием порядка и реализующих на практике методы борьбы с преступностью. Однако, несмотря на громкие лозунги советского правительства о необходимости создания социалистической судебной системы и ведения уголовного процесса на основе принципа всеобщего равенства перед судом, реальная ситуация приобрела форму открытого давления на буржуазию и «антисоветский элемент», все чаще подвергаемых такой мере наказания как лишение свободы [1, с.31].

Идеологические основы и принципы советского уголовного права были заложены еще в годы «военного коммунизма». В нормативно-правовых документах меры, направленные на борьбу с преступностью, именовались «карательной политикой» и представляли собой симбиоз как мер специально уголовного, так и социально-идеологического характера [2, с. 11]. Первым документом, определяющим методы борьбы с преступностью, стал приказ Ф.Э. Дзержинского «О карательной политике органов ЧК» от 8 января 1921 г. призывающий рассматривать подследственных крестьян и рабочих не как классовых врагов, а как лиц, совершивших проступки в силу неподготовленности к жизни в социальных условиях переходного периода [2, с. 11]. Действенным аналогом исправительного учреждения Дзержинский считал общественные организации трудящихся, которые должны были нести ответственность за правомерное поведение рабоче-крестьянской массы. На основе этого документа были сформулированы фундаментальные принципы советской «карательной» политики, ставшей основой законодательно-правовой базы и практической реализации борьбы с преступностью в первые годы существования советской власти. Вопреки принципам равенства граждан перед судом, эти нормы практически не призывали к уголовной ответственности рабочих и крестьян, но характеризовались высокой степенью жестокости и неотвратимости наказания для выходцев из буржуазной среды [3].

Сторонником так называемого «классового» подхода к определению преступности выступал П.И. Стучка. Определяя правовую среду как систему отношений, соответствующих интересам господствующих классов, он видел причину криминализации общества в непосредственном существовании классов, противоположных рабоче-крестьянской среде [4, с. 71]. Еще одним теоретиком советской правовой науки был М.Ю. Козловский. Являясь приверженцем «биологической теории» происхождения преступности, он утверждал, что никакая борьба с массой угнетателей не может быть эффективной [7, с. 238]. Единственным, что могло привести к нужным результатам, это скорейшее установление коммунистического режима, в поздней фазе которого буржуазия исчезнет [2, 22]. Применительно к буржуазии Козловский всячески отрицал действенность методов исправления и перевоспитания личности, утверждая, что «сентиментальные способы перевоспитания, практикуемые в заокеанских тюрьмах, вроде усиленного питания, продолжительных прогулок, массажа, купания, гимнастики и т.п. могут вызвать у нас в лучшем случае только улыбку» [2, с. 23]. Поддерживал эти взгляды и Н. В. Крыленко, который выступал за более радикальные методы, чем его предшественники, и призывал использовать в борьбе с «чужеродным элементом» самые жестокие меры наказания и террор [5, с. 114]. На основе перечисленных концепций советским руководством были сформулированы принципы уголовной политики и рекомендации по ведению уголовного процесса, важное место среди которых получил «классо-

вый» подход, подразумевающий приоритет социального происхождения преступника над тяжестью преступления [6, с. 18].

Таким образом, в начале 20-х гг. XX в. советским руководством были сформулированы принципы уголовной политики, в основе которых оказался идеологический («классовый») подход. Характерным для этого этапа развития правовой среды стало преобладание не классической идеи всеобщего равенства перед судом, а «карательная политика», подразумевающая отправление наказания и определение степени его тяжести в зависимости от социального происхождения подсудимого. На уголовную политику было возложено сразу две задачи. Во-первых, это создание правовой базы, способной «защитить» рабоче-крестьянскую массу от серьезных мер наказания; во-вторых – в кратчайшие сроки удалить контрреволюционные и буржуазные элементы из советского общества. В рамках решения второй проблемы правительство развернуло масштабную «карательную» программу, ставшую ярким примером нарушения норм нравственности.

Библиографический список

1. Здравомыслов Б.В., Гельфер М.А., Гришаев П.А. Советское уголовное право: Часть Общая. М., Юрид. литература, 1982.
2. Захарцев С.Н. Организационно-правовые основы борьбы с преступностью в 1921-1922 гг. СПб, Нестор, 2007.
3. Исторический архив. 1958. №1.
4. Клява Г.Я. П.И. Стучка и его теоретическое наследие в правовой науке // Советское государство и право. 1965. №7.
5. Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М., 1924.
6. ГАТО. Ф. Р-655. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
7. Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970.
8. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, российские и региональные тенденции. М., ВолтерсКлувер, 2005.

К.Г. Колганова

Самарский национальный исследовательский университет

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОРОДСКИХ СОВЕТОВ САМАРСКОЙ (КУЙБЫШЕВСКОЙ) ОБЛАСТИ С 1945 ПО 1964 ГГ.

В послевоенный период активизировалась деятельность по восстановлению работы Советов депутатов трудящихся. Законодательную базу деятельности местных Советов депутатов трудящихся составляли Конституция СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г. Статья 2 Конституции СССР провозглашала, что политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, последующая же статья утверждала тезис: «Вся власть

в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся».

Конституция 1936 г. наделяла Советы депутатов трудящихся следующими полномочиями:

1) руководство деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечение охраны государственного порядка, соблюдение законов и охрана прав граждан, руководство местным хозяйственным и культурным строительством, установление местного бюджета;

2) принятие решений и издание распоряжений в пределах прав, предоставленных им законами СССР и союзной республики.

Конституция РСФСР 1977 г. внесла изменения в регламентации полномочий, функций и компетенций местных представительных органов власти.

Более четко определен круг вопросов, входящих в компетенцию местных органов государственной власти и управления. Местные Советы народных депутатов наделены следующими полномочиями:

2) решение всех вопросов местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета, исполнение решений вышестоящих государственных органов, руководство деятельностью нижестоящих Советов народных депутатов, участие в обсуждении вопросов республиканского и общесоюзного значения, внесение по ним своих предложений;

3) руководство на местной территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством; утверждение планов экономического и социального развития и местного бюджета; осуществление руководства подчиненными им государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями, обеспечение соблюдения законов, охрана государственного и общественного порядка, прав граждан; содействие укреплению обороноспособности страны;

4) обеспечение комплексного экономического и социального развития на территории; осуществление контроля за соблюдением законодательства расположенными на территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения; координация и контроль их деятельности в области землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения [1].

Законодатель закреплял обязательность исполнения решений местных Советов для всех предприятий, учреждений и организаций, а также должностных лиц и граждан, находящихся на территории Совета.

Таким образом, Конституция 1936 г. задавала вектор дальнейшего законодательного развития в области функционирования местных органов власти, заложила основу представительной системы управления. Конституция

1977 г. конкретизировала круг полномочий и компетенций местных органов власти, отсутствовало закрепление руководство исполнительно-распорядительного органа, особое внимание уделяется роли КПСС.

После смерти Сталина в 1953 г. XX Съезд КПСС в 1956 г. сделал поворот к демократизации общественно-политической жизни в стране. ЦК КПСС 22 января 1957 г. принял постановление «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами» [2].

В постановлении определились задачи Советов: улучшение организационно-массовой работы и укрепление связи Советов с населением, вовлечение трудящихся в работу комиссий, массовых организаций. А в 1957-1960 гг. создаются новые положения о местных Советах. Ставилась задача усилить роль местных органов в социально-экономическом развитии регионов. В 1962-1963 гг. все местные Советы, так же как и партийные органы, были разделены по производственному принципу на промышленные и сельские. Такое положение нарушало один из основных принципов Советов — их единство. Но год спустя они вновь были объединены. Была предпринята попытка улучшения эффективности деятельности местных представительных органов власти, уменьшения влияния партийных органов на деятельность депутатского корпуса.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. Правовое регулирование деятельности Советов (конституционные основы, теория, практика). М., 1980.
2. Дудников А.А. Закон о выборах 1950 г.: общая характеристика и значение в правовом регулировании института местных Советов. Журнал Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. Выпуск № 1.

А.В. Горшенин

Самарская областная универсальная научная библиотека

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОТРАСЛЬЮ ГОРОДСКОГО ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА В РСФСР

После Октябрьской революции предприятия общественного транспорта, представленные преимущественно конками и трамвайными хозяйствами (которые находились в ведении городских управ или использовались предпринимателями), переходят под контроль государства.

Задачи по объединению деятельности еще не ликвидированных органов городского и земского самоуправления и руководству ими осуществлял созданный в декабре 1917 г. Комиссариат по местному самоуправлению, которому было передано из Комиссариата по внутренним делам главное управление по делам местного хозяйства [1].

После его ликвидации в 1918 г. хозяйство города передавалось в ведение отдела местного хозяйства при Наркомате внутренних дел РСФСР [2, с. 477]. Также местное городское хозяйство, в частности и коммунально-транспортная сфера, находилось в ведении областных органов и Советов депутатов [3, с. 16].

Складывалась ситуация, когда отделы коммунального хозяйства исполкомов имели двойное подчинение: по территориальному признаку – местному Совету, а в ведомственном отношении – отделу местного хозяйства НКВД РСФСР. Если в годы Военного коммунизма органы коммунального хозяйства были полностью подчинены центру, в первую очередь в вопросах финансирования, то с переходом к НЭПу и обретению финансовой самостоятельности, подчинение отделу местного хозяйства НКВД ослабевает. В результате децентрализации 1920-х гг. коммунальные отделы получают имущественную, хозяйственную и финансовую самостоятельность. Доминирующей стала подчиненность отделов местным советам, а значит и партийным комитетам. В частности, коммунальная финансовая деятельность регулировалась местными нормативными актами, а республиканское законодательство определяло общие принципы финансовой политики [4, с. 22]. В период политики Военного коммунизма органами, планирующими и регулирующими деятельность предприятий, являлись преимущественно главные отраслевые управления – главки. Характерно это было и для коммунальной отрасли. Главкизм характеризовался не только централизацией планирования, но и централизацией оперативных функций. Отсутствие хозяйственного расчета и твердой денежной единицы, обезличенность доходов и расходов предприятия означали отсутствие имущественной самостоятельности и ответственности предприятия [5, с. 215].

Требовалось создать компетентное ведомство, которое руководило бы этой отраслью. Для этого Декретом СНК РСФСР от 08.04. 1920 г. «О коммунальных отделах Исполнительных комитетов» [6, с. 23] образовывались специализированные коммунальные отделы. Они организовывались при губернских и городских Исполнительных комитетах. Общее руководство их деятельностью осуществлялось коммунальным отделом Наркомата внутренних дел РСФСР. С 1921 г. отдел был преобразован в Главное управление коммунального хозяйства Наркомата внутренних дел РСФСР (ГУКХ НКВД РСФСР) [7, с. 406]. ГУКХ руководил деятельностью местных органов по вопросам жилищного и дорожного дела, эксплуатации коммунальных предприятий и т.д. [2, с. 390].

В декабре 1930 г. НКВД союзных республик были упразднены. В связи с этим тогда же при СНК республик создаются главные управления коммунального хозяйства, в частности Главное управление коммунального хозяйства при СНК РСФСР. Выделение руководства коммунальным хозяйством в самостоятельную отрасль, а также тот факт, что теперь Главное управление находилось при Правительстве придавало ему большее

значение, облегчало координацию его работы с различными ведомствами [8, с. 125].

В городах при городских советах существовали различные секции, регулировавшие разнообразные сферы жизни, в частности сектор коммунального хозяйства, которой занимался, в том числе и вопросами общественного транспорта [9, с. 244].

Следующий этап был связан с принятием Постановления ВЦИК и СНК от 20 июля 1931 г. «Об образовании Народного комиссариата коммунального хозяйства» [10]. В целях скорейшей реконструкции коммунального хозяйства и для улучшения хозяйственно-технического руководства им, ВЦИК и СНК постановили реорганизовать Главное управление коммунального хозяйства при СНК РСФСР и управления коммунального хозяйства при СНК автономных республик в народные комиссариаты коммунального хозяйства РСФСР и соответствующих автономных республик.

При Наркоме коммунального хозяйства РСФСР в 1931 г. была создана коллегия, куда вошли В.М. Егоров, А.М. Орехов, Я.В. Полуян, Н.Ф. Попов, М.П. Чернышев, И.В. Решетков, М.Х. Поляков, Г.Б. Красин [11, л. 13].

Наркомат коммунального хозяйства РСФСР подчинялся ВЦИКу и СНК РСФСР. В ведении этого органа находилось управление и руководство всей отраслью коммунального хозяйства, в частности работой городского электротранспорта. Рабочий аппарат Наркомхоза состоял из 9 производственно-отраслевых управлений.

В июне 1939 г. структура Наркомата была перестроена по территориально-производственному принципу [2, с. 391]. В составе Наркомхоза РСФСР организуется главное управление городского электротранспорта, руководившее деятельностью местных коммунальных органов по строительству, реконструкции и эксплуатации электротранспорта. Управление оказывало местным органам коммунального хозяйства техническую помощь и осуществляло контроль за выполнением указанными органами и предприятиями планов строительства и эксплуатации [12].

В мае 1940 г. территориальный принцип аппарата был ликвидирован и учреждалась структура Наркомата в составе 10 производственно-отраслевых главных управлений, в числе которых появилось Главное управление трамваев и троллейбусов (Главтрамвай НККХ РСФСР) [2, с. 391].

На местах в субъектах РСФСР для управления предприятиями коммунальной отрасли и создавались специализированные отделы. Областные отделы коммунального хозяйства согласно ст. 92 Конституции РСФСР, являлись органами профильного наркомата и областного исполнительного комитета и, в соответствии со ст. 94 Конституции РСФСР, подчинялись в своей деятельности как областному совету депутатов трудящихся и его исполнительному комитету, так и соответствующему наркомату [13, с. 19-20].

В составе областного коммунального отдела создавался сектор городского электротранспорта, который ведал вопросами строительства и эксплуатации трамвая и троллейбуса [14, с. 11].

Таким образом, первые послереволюционные годы происходило становление управленческой структуры отрасли городского транспорта. Только в 1930-е гг. в целом завершается формирование четкой нормативно-правовой базы деятельности предприятий общественного транспорта путем создания Наркомата коммунального хозяйства РСФСР и подведомственных органов.

Библиографический список

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 10. 28 декабря. Ст. 153.
2. Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917-1967 гг.). Справочник (по материалам госархивов). М., 1971.
3. Конституция (Основной закон) РСФСР: Постановление 5-го Всероссийского съезда советов, принятое в заседании 10 июля 1918 г. Петроград: б.и., 1918.
4. Кириллова Е.А. Городское хозяйство в период становления НЭПа: 1921-1925 гг. (по материалам Петрограда – Ленинграда): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.
5. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
6. Положение СНК о коммунальных отделах исполнительных комитетов // Декреты Советской власти. Т. VIII. Апрель – май 1920 г. М., 1976.
7. Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. 2. Фонды ГАРФа по истории РСФСР / ред. С.В. Мироненко. М., 1996.
8. Коржихина Т.П. История и современная организация государственных учреждений СССР (1917-1972). М., 1974.
9. Об утверждении положения о городских советах // Конституции и конституционные акты РСФСР (1917-1937): сб. док. / Под общ. Ред. А.Я. Вышинского. М., 1940.
10. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1931. № 42. 14 августа. Ст. 323.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д.842.
12. Положение о Наркомате коммунального хозяйства РСФСР // Сборник постановлений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1940. № 2. 8 февраля. Ст. 2.
13. Конституция (Основной закон) РСФСР. 1937 г. с изм. и доп. М., 1941.
14. Сборник законодательных и инструктивных материалов по коммунальному хозяйству РСФСР / под общ. ред. Ф.В. Попова. М.-Л., 1944.

А.А. РОСОВСКИЙ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА ГОРОДСКОГО СОВЕТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В 1960-1980-е годы в городе Куйбышев были построены крупные промышленные объекты, развивалась транспортная инфраструктура, активно велось жилищное строительство и возводились центры социокультурного быта. Важнейшую роль в этих процессах сыграли представители местной власти, в том числе и Алексей Андреевич Росовский, который занимал пост председателя исполнительного комитета Куйбышевского городского Совета народных депутатов с 1964 по 1982 гг.

Изучение жизни и деятельности А.А. Росовского важно для понимания функционирования региональной политической элиты в эпоху «позднего» социализма, а также ее взаимодействия с центральными органами власти.

Целью данной работы является анализ литературы и источников, в которых нашли отражение различные направления жизни и деятельности Алексея Андреевича Росовского.

В советской историографии практически не изучалась конкретно жизнь и деятельность председателя горисполкома А. А. Росовского. Однако в работах данного периода зафиксированы некоторые аспекты функционирования регионального политического руководства, к которому принадлежал Росовский [1]. При этом, стоит отметить, что исследования советского периода были написаны в рамках марксистско-ленинской методологии, что обуславливало выбор тем и односторонний характер оценок и выводов.

В постсоветский период изменилась историографическая ситуация, что было связано с отказом от традиционной методологии и использованием современных методов исследования. В этот период появляются историко-биографические исследования. В качестве историко-биографической работы следует отметить книгу Г. В. Алексушина «Во главе Самары» [2]. В этой работе акцентируется внимание на деятельности Алексея Андреевича на посту председателя горисполкома. Алексушин отмечает заслуги Росовского в строительстве многих новых микрорайонов, а также в развитии городской транспортной инфраструктуры.

Краткие биографические данные об Алексее Андреевиче мы можем найти в работе А.Ю. Чухонкина [3], а также в «Энциклопедии Самарской области» [4].

В биографическом сборнике «Самарские судьбы» [5], в отличие от других подобных историко-биографических работ, сообщаются сведения о частной жизни Росовского в Куйбышеве, выявлены факты из его спортивной карьеры.

Следует отметить коллективную монографию «Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е годы. Очерки истории» [6]. В отличие от предшествующих работ, в данном исследовании рассматриваются компетенции представителей элиты, которые позволяли осуществить эффективное принятие решений по главным проблемам развития региона. Авторы акцентируют внимание на деятельности А.А. Росовского при проектировании и строительстве куйбышевского метрополитена.

Особого внимания заслуживают статьи самарского исследователя В.В. Ерофеева [7]. Автор приводит некоторые сведения из жизни Алексея Андреевича до вступления на должность председателя горисполкома, а также анализирует административную деятельность Росовского. Ерофеев в своих работах опирается на мемуары Росовского и фотодокументы.

Таким образом, в современной историографии появляется ряд работ, в которых содержатся историко-биографические сведения о Росовском. Однако, многие стороны жизни и деятельности Алексея Андреевича так и не нашли отражения в исторической литературе.

Для определения перспектив исследования жизни и деятельности А. А. Росовского необходимо проанализировать разнородный массив источников по данной тематике. Все источники можно разделить на четыре группы. Первую группу составляют различные законодательные, нормативные и распорядительные документы региональных органов власти Куйбышевской области.

Во вторую группу вошла делопроизводственная документация, хранящаяся в архивах Самарской области [8].

Третья группа источников представлена источниками личного происхождения. Прежде всего, это мемуары самого Росовского [9], а также его современников. В свои воспоминаниях Росовский не просто описывает вехи своей биографии, а представляет их в контексте истории Куйбышевской области.

Большой информативностью обладают материалы «устной истории». В источниках личного происхождения проявляется авторское видение тех или иных событий и явлений.

К четвертой группе источников относятся материалы периодической печати. По данным материалам мы можем проследить как политику местных органов власти, так и отношение общественности к различным событиям и явлениям.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что в современной исторической науке лишь кратко освещены основные вехи биографии А.А. Росовского. Источниковая база позволяет всесторонне изучить жизнь и деятельность председателя горисполкома – Росовского Алексея Андреевича.

Библиографический список

1. Очерки истории куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983.
2. Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999.
3. Чухонкин А.Ю. Руководители города Самары (Куйбышева) с 1918 года. Самара, 2008.
4. Энциклопедия Самарской области. Т.IV. Самара, 2011.
5. Добрусин В.А., Карасев В.Н. Биографическая энциклопедия «Самарские судьбы». Самара, 2010.
6. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е годы. Очерки истории: коллективная монография / Под ред. П. С. Кабытова. Самара, 2014.
7. Ерофеев В. В. Девяносто лет назад родился Алексей Андреевич Росовский // Волжская Коммуна. 2013. 4 апреля; Ерофеев В. В. Росовский Алексей Андреевич, руководитель г. Куйбышева, переживший 5 секретарей обкома КПСС // <http://samaratoday.ru/news/252247>
8. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656, 714; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО) Ф. Р-56.
9. Росовский А.А. О времени и о себе. Самара, 2006.

И.С. Самсонова

Тольяттинский государственный университет

РАЗВИТИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ РАБОТЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СССР В 1965-1985 ГГ. НА ПРИМЕРЕ Г. ТОЛЬЯТТИ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Новые вызовы начала XXI века и масштабные задачи в сфере международных отношений в условиях глобализации придают культурно-гуманитарным связям России возрастающую значимость. Стержневая задача политики России на данном направлении состоит в формировании и укреплении отношений взаимопонимания и доверия с зарубежными странами, развитии равноправного и взаимовыгодного партнерства с ними, наращивании участия страны в системе международного культурного сотрудничества, интеграции России в мировое культурное пространство. В 60-80-е гг. XX в. годы в СССР, по мнению специалистов, накоплен большой опыт по формированию международных отношений и воспитанию патриотизма советских граждан. Содержание работы направлено на изучение опыта построения интернациональной работы в г. Тольятти на примере деятельности Тольяттинского отделения Союза Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ТО ССОД) и учреждений культуры в период с 1965 по 1985 гг.

Тольяттинское отделение Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ТО ССОД) было учреждено как отделение общества «СССР-Италия» 12 апреля 1965 года по инициативе обще-

ственности города, после переименования г. Ставрополя в г. Тольятти, в честь коммуниста Пальмиро Тольятти [1, л. 1]. В данном исследовании деятельность Тольяттинского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами будет рассмотрена на примере работы Тольяттинских отделений обществ советско-итальянской дружбы и советско-чехословацкой дружбы. В рассматриваемый нами период (1965–1985 гг.) в г. Тольятти велась широкая интернациональная деятельность; наиболее показательными примерами работы Тольяттинского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ТО ССОД) являлась работа ТО «СССР-Италия» и ТО ОСЧД. Причем, если советско-итальянские отношения стали развиваться после строительства Волжского автомобильного завода и переименования г. Ставрополя в г. Тольятти, то деятельность ТО ОСЧД стала развиваться по рекомендации Генерального секретаря Л.И. Брежнева [2]. Учреждения культуры Автограда активно развивали формы и методы интернациональной работы, направленной на формирование мультикультурной городской среды Тольятти. Клубы и дома культуры, библиотеки вели активную работу, направленную на пропаганду традиций и обычаев граждан разных национальностей, проживающих на территории города, а также проводили мероприятия, направленные на объединение жителей всех национальностей [3, с. 175]. В 1974 году в кинотеатре «Сатурн» прошел первый фестиваль политической песни памяти Виктора Хары [4]. В городе Тольятти зародилась традиция проведения фестивалей политической песни, а впоследствии стала всесоюзной. По мнению современников, фестивали были «густо замешаны на идеях «пролетарского интернационализма», юношеского романтизма и энтузиазма, который сопутствовал первым годам становления завода и города» [5, с. 713].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в СССР интернациональная работа имела очень важное значение, а в ее организации участвовали как властные структуры, так и предприятия, организации, граждане. В рассматриваемый период (1960-е–1980-е гг.) в СССР регулярно появлялись новые отделения обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). За время работы тольяттинского отделения ССОД, особенно в период с 1965 по 1985 гг., был накоплен значительный опыт международных отношений, были разработаны формы и методы интернациональной работы, проверенные на практике. Учреждения культуры г. Тольятти в изучаемый период также активно развивали формы и методы интернациональной работы, которые были направлены на формирование мультикультурной городской среды. К более поздним формам интернациональной работы относится установление тесных взаимоотношений между городами-побратимами [6].

Среди форм интернациональной работы, используемых в исследуемый период, по нашему мнению, в настоящее время наиболее актуальными

могут выступать: демонстрация достижений страны, города в области науки и культуры; проведение мероприятий, направленных на воспитание толерантного отношения молодежи к народам дружественных стран; ознакомление иностранных специалистов с достижениями, жизнью и культурой России; встреча с молодежью различных стран; организация совместных мероприятий; поддержание традиций культурных связей между городами-побратимами.

Библиографический список

1. Тольяттинский городской архив (ТГА). Ф. Р-219. Оп. 1.
2. Самсонова И.С. К вопросу о становлении интернациональной работы в г. Тольятти в период с 1965 по 1985 гг. (на примере Тольяттинского отделения Союза Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ТО ССОД)) // Карельский научный журнал. Петрозаводск, 2016. № 2(15).
3. Город Тольятти: историко-экономический очерк. Куйбышев, 1975.
4. Сафронова Е. Привет из прошлого. ЗА СЕБЯ И ЗА ТОГО ПАРНЯ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vk.com/note20665358_9852587. Дата обращения: 12.11.2016.
5. Козловская Т.Н. Формы и методы интернациональной работы учреждений культуры в 60-70-е годы XX века (на примере г. Ставрополя-Тольятти, Куйбышевской области) // Современные тенденции в научной деятельности. VII Международная научно-практическая конференция. М., 2015.
6. Козловская Т.Н. Основные тенденции развития культуры г.о. Тольятти в период с 1990 по 2010 гг. [Электронный ресурс] // Концепт. Киров, 2014. Спецвыпуск № 07. Режим доступа: <http://ekoncept.ru/2014/14589.htm>. Дата обращения: 12.11.2016.

В.А. Григорьев

Самарский национальный исследовательский университет

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СССР В КОНЦЕ 1980-Х ГГ.

Первые организации возрождающегося либерального движения возникают на базе неформальных общественно-политических клубов и объединений в 1986-1987 гг. Эти группы складывались вокруг представителей творческой интеллигенции и диссидентов. Состояли они, как правило, не более чем из 10-20 постоянных участников [6, с. 151].

Данные объединения часто носили названия, взятые из политического лексикона того времени. Например, дискуссионный клуб «Перестройка», «Демократизация» (Москва), «Гласность» (Чита), «За новое мышление» (Тобольск), группа «Диалог» (Омск), «Солидарность» (Калининград), «Гражданская инициатива» (Тула) [9, с. 80-82]. Данные группы действовали на

базе предприятий, высших учебных заведений и периодических изданий. В них свободно обсуждался самый широкий круг вопросов социально-политического и экономического характера [7, с. 145].

Характерной чертой этих групп было отсутствие устава, института постоянного членства и, как следствие, организационная неустойчивость и непродолжительность их существования. Многие из них превратились в клубы по политическим интересам, основанные на общности политических взглядов участников [9, с. 22]. Вскоре объединения стали приобретать пропагандистский характер. Так, на заседаниях клуба «Перестройка» обсуждались пути альтернативного развития страны и ее переустройства согласно либерально-демократическим принципам [4, с. 88].

В мае 1988 г. состоялся учредительный съезд «Демократического Союза» (ДС) – первой оппозиционной КПСС либеральной организации. На момент создания в ДС входило несколько десятков человек, многие из которых были участниками диссидентского движения. В состав ДС вошли представители таких неформальных либеральных групп как «Доверие», «Перестройка-88». Первоначальная на базе ДС действовали несколько фракции: либеральная, социал-демократическая и еврокоммунистическая. Очень быстро ведущую роль в ДС приобрело радикально-либеральное крыло под руководством В. Новодворской. Уже летом 1988 г. создаются первичные организации ДС в крупнейших городах СССР [4, с. 227].

Участники движения ставили своей целью «ненасильственное изменение тоталитарного государственного строя СССР» на основе либерально-демократических принципов. В программе ДС постулировалась отмена 6-й статьи Конституции, ликвидация КГБ, а также политических органов в МВД и армии. В экономической сфере в приоритете был отказ от государственных механизмов регулирования и утверждение капиталистических отношений западного образца. ДС открыто заявлял о своей антисоветской и антигосударственной деятельности и был готов к сотрудничеству с националистическими группировками [1, с. 87].

Пропагандистским рупором «Демократического союза» стала незарегистрированная еженедельная газета «Свободное слово», выпуск которой был налажен в октябре 1988 г. Партийная печать ДС в 1988-1991 гг. стремительно увеличивала свой тираж и распространялась в большинстве крупных городов союзных республик. Участники движения первыми в своих печатных изданиях стали использовать прежние названия городов: Санкт-Петербург, Самара, Екатеринбург, Тверь и другие [4, с. 231].

Организационная рыхлость «Демократического союза», а также излишний радикализм его руководящего ядра способствовали расколу организации. В конце 1989 г. ее ряды покинула группа, которая вскоре объявила о создании новой либеральной партии – Либерально-демократической партии Советского Союза [3, с. 92].

Кризисная для организации ситуация сложилась в мае-августе 1991 г., когда руководство ДС находилось под арестом по обвинению в призывах к свержению государственного строя СССР [10, с. 216]. В период августовских событий 1991 г. ДС заявил о полной поддержке действий президента России Б. Ельцина по ликвидации КПСС. Впоследствии «Демократическим союзом» также был поддержан Беловежский сговор 8 декабря 1991 г. [5].

Несмотря на то, что в уставных документах ДС провозглашал себя политической партией, организация так и не прошла официальную регистрацию. На наш взгляд, «Демократический Союз» так и не перерос из общественно-политической организации в политическую партию.

В мае 1989 г. возникла «Радикальная ассоциация за мир и свободу» (РАМС). Главной целью организации являлась радикальная либерализация всех сфер общественной жизни: от введения нерегулируемых государством рыночных отношений до легализации наркотиков. Организация имела незначительную численность и занималась организацией немногочисленных демонстраций и пикетов [11, с. 12].

Первой молодежной организацией возрождающегося либерального политического движения стал «Российский союз молодых демократов» (РСМД). Его учредительная конференция состоялась в Ленинграде 20-21 мая 1989 г. Организация активно взаимодействовала с ДС и позиционировала себя как его молодежное отделение [4, с. 244].

В июле 1989 г. возник «Ленинградский народный фронт». В манифесте, принятом на ее учредительном съезде, провозглашалось верховенство права, неотъемлемость естественных прав и свобод человека [8, с. 1]. В августе 1989 г. возникает «Христианский демократический союз», который провозгласил себя партией, представляющей интересы христианских конфессий в СССР. Если идеология «ХДС» являлась заимствованием из западно-европейской политической традиции, то «Союз Конституционных Демократов», образованный в октябре 1989 г., обращается к отечественным традициям. «Союз» объявил об преемственности к дореволюционному конституционно-демократическому движению. На сходных с ДС идейных позициях стояла возникшая в ноябре 1989 г. «Демократическая партия» [2, с. 28], которая действовала на уровне общественно-политической организации и не сложилась в политическую партию.

Библиографический список

1. «Демократический Союз» // Политические партии России. Документы и материалы. Смоленск: СГПИ, 1993.
2. Астахова Е.В. Становление многопартийности в СССР: Некоторые аспекты. Харьков: Облполиграфиздат, 1991.
3. Барабанов М.В. Из истории становления и развития политических партий и многопартийности в России.
4. Громов А.В., Кузин О.С. Неформалы кто есть кто? М.: Мысль, 1990.

5. Декларация ДС, 1999 // Сайт: Демократический Союз. URL: <http://ds.ru/declaraz.htm/> (дата обращения: 19.12.2016).
6. Левичева В.Ф. Анатомия неформального движения // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4.
7. Левичева В.Ф. Новые общественно-политические организации, партии и движения // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8.
8. Манифест учредительного съезда ЛНФ // Северо-Запад. 1989. № 16.
9. Неформальная Россия. О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР. Опыт справочника. М.: Молодая гвардия, 1990.
10. Новодворская В.И. Над пропастью во лжи. М.: Олимп, 1998.
11. Что такое Радикальная партия? // Полис. Политические исследования. 1991. № 1.

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

М.А. Нагорнова

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

«ПРОБЛЕМНЫЙ» ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В XIX ВЕКЕ: НАЧАЛО И СПЕЦИФИКА

В истории России XIX — начала XX века польский вопрос традиционно выступал в качестве одного из основных и наиболее сложных для осмысления. Причина этого кроется в переплетении целого ряда достаточно различных проблем: начиная от исторической памяти, присущей польскому и русскому обществам и, вплоть до ключевых вопросов национального самосознания. На протяжении XIX-начала XX вв. менялись не только взгляды на польский вопрос, но и количество и характеристики групп, его образующих. В связи с последним моментом приобретает особенное значение контекстуальное изучение конкретных позиций по польскому вопросу, поскольку внешняя близость позиций зачастую оказывается обманчивой в силу изменчивости контекста или групп, которые данные позиции провозглашают и (или) поддерживают [5].

Ю.А. Узлов, современный историк, в сборнике, посвященном Году Польши в России, определяет польский вопрос как переломный период мировой истории, когда жизнь остро ставит вопрос о радикальных социальных и политических преобразованиях и страны стоят перед выбором своего дальнейшего развития [2, с. 32]. Характеризует же он его так же, как и большинство исследователей современности, как период в отношениях между Польшей и Россией в XVIII-XIX вв., когда решениями Венского конгресса большая часть Речи Посполитой вошла в состав Российской империи и составила административное образование — Царство Польское.

Соответственно, интеграция польских земель в новое геокультурное пространство, потребовало от русского общества осмысления происходящих событий. Исходя из данной идеи, важную роль при выяснении сущности польского вопроса играет анализ мнений по поводу его определения, особенно рассмотрение его начальных рамок и комплексной характеристики.

Так, после Польского восстания 1830-1831 гг. П.Я. Чаадаев, общественный деятель, составил записку «Несколько слов о польском вопросе». В ней в краткой форме выражалось, что польский вопрос, как вопрос международной политики, сложился в ходе разделов Речи Посполитой, т.е. в конце XVIII столетия [6, с. 512]. Но существовали и другие мнения. Журналист и историк М.Ф. де-Пуле относил польский вопрос к временам Петра Первого. А С.М. Соловьев вообще считал, что польский вопрос «родился вместе с Россией».

Дискуссию по польскому вопросу продолжили развивать западники и славянофилы. Как заметил позднее один из идеологов славянофильства А.А. Киреев: «Сложен и запутан, и труден [польский вопрос] лишь потому, что поляки отвергают нашу исходную точку для решения политических вопросов – этнографическую, всеми силами отстаивая свою историческо-легендарную, конечно, не выдерживающую ни малейшей критики» [4, с. 136].

Безусловно, помимо представленных точек, существует ряд других, определяющих начало польского вопроса. Но, подводя краткий итог, можно выявить общую для всех исследователей тенденцию, что польский вопрос, как форма противоборства России и Польши, положил свое начало в конце XVIII-начале XIX вв.

Остается выяснить, как исследователи определяют характеристику этого явления.

Очень интересной представляется точка зрения Л.Е. Горизонтова и Л.М. Аржаковой. Все вместе взятое – разделы Польши, Венский конгресс, образование Царства Польского, восстания 1830 и 1863 гг. – событийная канва, некий контур, в рамках которого в большей или меньшей степени проявлял себя польский вопрос [1, с. 89]. С их точки зрения для определения русско-польских отношений следует учитывать следующие факторы: изучение под углом зрения нациостроительства, описание национального противоборства в геополитических категориях, учет имперского контекста, использование этнопсихологического подхода, так как сама сфера бытования польского вопроса в Российской империи, в русском обществе была и шире и глубже. Она включала, в том числе, комплекс стереотипов в отношении Польши и поляков, который к началу XIX столетия становится достаточно устойчивым [3 с. 64].

Конечно, польский вопрос являлся одним из самых обсуждаемых в культурной и общественной среде России. Н.И. Тургенев, И.С. Аксаков, М.П. Погодин и др. имеют схожие взгляды на сущность и специфику польского вопроса. Но, в целом, можно сделать вывод, что в начале XIX в. польский вопрос обретает черты социально-политического и этнокультурного явления, преломляющегося в международных отношениях, отягощенных наследием исторической памяти не одного столетия.

Библиографический список

1. Аржакова Л.М. Польский вопрос и его преломление в Российской исторической полонистике XIX века: дисс. ... доктора исторических наук. Москва, 2015.
2. Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей: материалы Международной научно-практической конференции (17 октября 2015 г., Кубанский государственный университет, г. Краснодар). Краснодар, 2015.
3. Горизонтов Л. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России: Сб. ст. Москва, 2004. С. 62-76.
4. Кружалина А.А. Польский вопрос в дискуссиях российской общественности XIX века // Вестник БГУ. Серия «История», 2013. №1. С. 134-146.
5. Тесля А.А. «Польский вопрос» в русской общественной мысли 1-й половины XIX века // Румянцевский музей: [сайт]. [Б.м.], 2011. URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2223> (22.11.11)
6. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т.1. С. 512 – 515.

П.А. Имукова

Самарский национальный исследовательский университет

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ЧАЕПИТИЯ В ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Целью нашей работы является изучение традиций русского чаепития, которые мы рассмотрим на примере произведений русской литературы XIX в.

Традиция употреблять настой чайного листа, который мы сейчас называем просто *чай*, получает распространение в России в XIX в. Не вытесняя привычных русскому человеку взваров, травяных настоев, фруктовых вод, алкогольных наливок, настоек и т.п., чай становится одним из основных напитков для разных слоев русского общества. Чай сопровождает русского человека везде: за завтраком, на военном совете (сцена военного совета в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»). Чай пьют в уездах, столицах, деревнях, в домах и в трактирах, за обедом и за работой. При этом сорт чая имел значение в основном только для торговли. Рядовые потребители мало интересовались сортом и происхождением чайного листа. Так, например, родина поданного на стол чая упоминается только в одном из литературных произведений, рассмотренных нами. В романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» читаем:

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар [5, с. 41].

В России были хорошо знакомы с европейской (в основном английской) традицией чаепития. Однако вскоре в стране появляется собственная традиция, центральным предметом которой становится не заварочный чайник, а самовар. Конечно, представители дворянского сословия для чаепития помимо самовара использовали специальные чайные приборы и, порой, на английский манер, даже отводили в своих домах чайные комнаты. Примеры этому мы встречаем в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». В отличие от чайных традиций других стран, в России допускается использование различных добавок, таких как варенье, мед, сливки, алкогольные напитки. Так в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» мы читаем:

« — Прикажу я тебе ухи аль чего-нибудь, не чаем же ведь ты одним живешь, — крикнул Иван, по-видимому, ужасно довольный, что залучил Алешу. Сам он уж кончил обед и пил чай.

- Ухи давай, давай потом и чаю, я проголодался, — весело проговорил Алеша.

- А варенья вишневого? Здесь есть. Помнишь, как ты маленький у Поленова вишневое варенье любил?

- А ты это помнишь? Давай и варенья, я и теперь люблю.

Иван позвонил полового и приказал уху, чай и варенья» [3, с.154].

Для различных ситуаций существовали разные «способы» употребления чая. К примеру, дворянских домах существовало специальное отведенное для чая время. Так, например, главный герой повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» сообщает: «Так теперь они чай пьют. У нас рано чай пьют. Фома Фомич любит пить сейчас как проснется; оно, знаешь, и лучше...» [4, с.199].

Служилый люд и мещане предпочитают пить чай в различных заведениях. Особое место среди них занимают трактиры. Владимир Алексеевич Гиляровский посвящает описанию московских трактиров целую главу своей книги «Москва и москвичи», подробно описывая подобного рода заведения: «По другую сторону площади, в узком переулке за Лоскутной гостиницей существовал «низок» — трактир Когтева «Обжорка», где чаевничали разносчики и мелкие служащие да заседали два-три самых важных «облаката от Иверской» [1, с. 202].

В среде московского купечества, как отмечает В.А. Гиляровский, популярностью пользовались так называемые «вторничные обеды». Они представляли собой светские собрания, на которых было принято вкушать исконно русские блюда, пить вино и, конечно, чай, обсуждая новости и слухи. Можно сказать, что эти «обеды» были своеобразным аналогом дворянских салонов и клубов. Обеды давались преимущественно в трактирах, и присутствие на них считалось показателем социального престижа купца. «В другие дни недели купцы обедали у себя дома, в Замоскворечье и на

Таганке, где их ожидала супруга за самоваром и подавался обед, то постный, то скромный, но всегда жирный — произведение старой кухарки, не любившей вносить новшества в меню, раз установленное ею лично много лет назад», — отмечает В.А. Гиляровский [1, с. 98]. Данный эпизод книги позволяет считать, что чай в XIX в. являлся неотъемлемым атрибутом повседневной жизни купеческого сословия.

Чай в трактирах пили не только состоятельные представители городских сословий, но и небогатые горожане, зарабатывавшие на хлеб упорным трудом. «Извозчик в трактире и питается, и согревается. Другого отдыха, другой еды у него нет. Жизнь всухомятку. Чай да требуха с огурцами», — пишет В.А. Гиляровский [1, с. 191].

Чай сопровождает не только повседневную жизнь, но и работу. Пример этому мы находим все у того же Гиляровского: «У Лопашова, как и в других городских богатых трактирах, у крупнейших коммерсантов были свои излюбленные столики. Приходили с покупателями, главным образом, крупными провинциальными оптовиками, и первым делом заказывали чаю» [1, с. 194]. За чаем купцы принимали важные решения о сделках.

Нередко в дворянской и чиновничьей среде чаепитие сопровождалось азартной игрой. Такие сцены описаны, например, Н. В. Гоголем в повести «Шинель»: «... когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копейными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню ...» [2, с. 225].

Таким образом, рассмотрев литературные произведения русских писателей XIX века, мы приходим к выводу, что традиция пить настой чайного листа, который в России было принято называть словом *чай*, была настолько широко распространена в стране, что становится средством создания образов персонажей литературных произведений, приемом воссоздания правдоподобной действительности в художественных произведениях.

Библиографический список

1. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1983.
2. Гоголь Н.В. Избранные сочинения. М., 1987.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 2007.
4. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. М., 1998.
5. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. М., 1970. Т.5.

**«ЭГО-ОБРАЗЫ» В ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯХ ВРЕМЕН
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 ГГ.**

*Развенчайте народных героев —
и вы деморализуете целый народ
Патрик Бьюкенен*

Создание героического идеализированного эго-образа в общественном сознании, наблюдаемое при любом военном конфликте, продиктовано потребностью достижения определенного психологического состояния, главным компонентом которого является убеждение в собственном моральном превосходстве над противником. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. военные корреспонденты, допущенные на театр военных действий, успешно справлялись с этой задачей.

В дихотомии «свой — чужой» первое, как правило, является отправной точкой в восприятии второго, в экстремальных же условиях с особой яркостью начинает проявляться обратное влияние: чем могущественней, страшнее, грознее выглядит монстр «Они», тем сильнее потребность сплотиться, раствориться в каком-нибудь «Мы» [1, с. 18–20]. Так, все злодейства и немыслимые зверства турок, по словам корреспондентов, не пугали наших солдат, а, напротив, поднимали боевой дух, приводили их в «яростное остервенение» [3, с. 282]. В противоположность турку русский солдат на Балканах предстал настоящим героем — «великаном», «богатырем» [4, с. 316–317]. Он всегда бился до конца, смело бросался в атаку, не боялся умереть. Свидетельством тому служат многочисленные описания отдельных подвигов русских воинов: рассказы о том, как четверем солдатам удалось остановить наступление трехсот турок или о том, как, рискуя собственной жизнью, русские солдаты ночью приводили в негодность неприятельское оружие, нанося тем самым существенный удар по их силам [3, с. 567]. Подобные красочные эпизоды преследовали одну цель — внушить читателю уверенность в непобедимости российской армии.

Стоит отметить, что существенное влияние на конструирование морального облика русского воина оказала иностранная — прежде всего, турецкая пресса, которая часто изображала Россию как агрессора, рисовала картины жестоких убийств казаками мирных мусульманских жителей, сцены насилия, учиненного над женщинами и девушками [2, с. 15–16]. В опровержение подобного рода суждений российские корреспонденты приводят многочисленные примеры достойного и высокоморального поведения русских воинов. Так, например, описывая вид мечети в сожженной и разрушенной турецкой деревне, корреспондент Л.В. Шаховской отмечает, что

там не было абсолютно никаких признаков грабежа, мусульманская святая была нетронутой [5, с. 15]. Отмечает он и великодушие русских солдат, которого они не теряли несмотря даже на то, что турки сделали все со своей стороны, чтобы возбудить в нашем солдате чувство раздражения и злости: «В самую возбужденную минуту, в минуту взятия редута, редкий штык поднимался, чтобы приколоть раненого турка» [5, с. 134]. Несмотря на все зверства со стороны противника, русский солдат не опускался до его жестокости и варварства, а достойные военачальники призывали к тому, что неприятеля всегда нужно уважать [5, с. 68, 104].

Отдельно следует сказать о том, что образ русского солдата в Болгарии дополняли многочисленные заметки о русских женщинах, отправившихся на войну вслед за армией, чтобы оказывать ей посильную помощь. «Помимо нашего солдата, нетронутой, сильною, полною любви и самопожертвования вступила на эту кровавую ниву русская женщина» [4, с. 317], — пишет Вас. И. Немирович-Данченко. Огромное восхищение корреспондентов вызывает также самоотверженность и профессионализм врачей [3, с. 1].

Наконец, отметим, что каждая война имеет свое идеологическое оформление, официальную мотивацию. Несоответствие такой мотивации умонастроениям общества, непонятность народным массам вполне может стать одним из факторов поражения в войне. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. подобного расхождения мы не наблюдаем. Идея о том, что русские солдаты идут на Балканы выполнять святое дело, освободить братьев по вере от турецкого ига, весьма прочно закрепились в общественном сознании. Так, например, она находит отражение в словах, которые корреспондент Л.В. Шаховской вкладывает в уста одного из раненых солдат: «Слава тебе Господи, привелось пострадать за Царя и веру против супостата» [5, с. 67]. Наличие вполне определенных духовных и нравственных ценностей, ради которых солдаты готовы отдать свою жизнь, убежденность в справедливом характере войны, возвышенная характеристика русского воина, вера в собственные силы и способность отразить нападение врага при всех трудностях и временных неудачах сыграли не последнюю роль в исходе боевых действий.

Библиографический список

1. Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. М., 2007.
2. Кочуков С.А. Неизвестный корреспондент известной войны (военный корреспондент князь Л.В. Шаховской на балканском фронте Русско-турецкой войны 1877–1878 годов) // Известия Саратовского университета. Саратов, 2013. Т. 13. Вып. 1.
3. Крестовский В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). Письма в редакцию газеты «Правительственный вестник». Т. 1. СПб., 1879.
4. Немирович-Данченко Вас. И. Год войны. Т. 1. СПб, 1878.
5. Шаховской Л. В. С театра войны (1877–78). Два похода за Балканы. М., 1878.

ОБРАЗ И ВОСПРИЯТИЕ СОЮЗНИКОВ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1917 ГГ.)

«Образ союзника» занимал меньшее по сравнению с «образом врага», хотя и существенное место в структуре массового сознания в период первой мировой войны. Эта проблема может вызвать интерес у исследователя, так как в любой войне у разных участников могут быть общие цели, и они могут наладить продуктивное взаимовыгодное сотрудничество, но чтобы узнать такого союзника нужно иметь о нем определенные представления. В контексте этой проблемы рассматривается этнический стереотип — комплекс представлений одной этнической группы о другой, такие представления среди населения имеются как о противнике, так и о союзнике. Наиболее тщательного рассмотрения требуют такие союзники России как Англия, Франция и США.

Отношение к Франции в российском обществе было, наверное, самым лучшим по сравнению с другими союзниками, хотя она отнюдь не была надежным и благодарным за помощь союзником. Симпатию к этой стране вызывал тот факт, что на ее территории также велись боевые действия, от действий германских войск страдало гражданское население, тогда как Англия была отделена от Европы проливом [1, с.188]. Интересную информацию об этой стране оставил депутат Государственной думы I созыва от Пензенской губернии Н.Ф.Езерский, который писал о массе положительных качеств жителей Франции. По его мнению, это смелый и предприимчивый народ, они с большим желанием познают все новое и мужественно ведут себя в опасной ситуации. Он же упоминал, что французы люди веселые, подвижные, упорные. Депутат также обратил внимание на то, что во Франции большинство земель принадлежит крестьянам, что повышает трудовой энтузиазм. Во Франции обязательное обучение, что говорит о высокой грамотности французского народа. Но это не означает, что депутат Н.Ф. Езерский не видит во французах недостатков, он пишет о том, что во Франции отсутствует общинная собственность, что делает жителей этой страны индивидуалистами, эгоистичными, по сравнению с русскими людьми [2, с. 10-11].

В ходе первой мировой войны Россия исполняла союзнические обязательства перед Францией, начав наступление в Восточной Пруссии. Поддержка Франции была также в виде отправки экспедиционного армейского корпуса. Но во Франции российская поддержка была забыта. Союзники, в том числе и Франция, стремились извлечь экономические выгоды от союзничества с Россией [1, с. 189].

Во время революции в России в официальных французских кругах исчезло положительное восприятие России. Французская буржуазия говорила, что русские солдаты отказываются идти в бой [3, с. 249].

В начале XX века в правительственных кругах и в общественном мнении России было распространено убеждение, что главным соперником на международной арене и потенциальным врагом является Англия [1, с. 187-188]. В Англии, до первой мировой войны, либеральные ценности противоречили с британской имперской идеологией, российские представители видели новое явление в социальной психологии Англии — джингоизм. Сторонники этой идеи выступали за решительность английских властей в международных делах, за отсутствие уступок конкурентам. Посол России в Лондоне Стааль считал, что джингоизм приведет к крушению Соединенного королевства [4, с. 169]. Были организации, члены которых поддерживали союзнические связи с Англией, например, в Москве Общество сближения с Англией, которым руководил городской голова Челноков, который видел в этой стране положительный пример сильного городского самоуправления [5, с. 2 №106]. В конце ПМВ, в среде младших чинов, было распространено мнение, что Англия готова воевать «до последнего русского солдата» и то, что военно-политическое руководство России куплено Англией [1, с. 188].

К началу XX века усиливается тенденция обращать внимания на США, на достижения и опыт этой страны. Восприятие США в российской элите было в основном таким, а именно, заимствование у Америки опыта в социально-экономическом и политическом отношениях ненужно, кроме технических новинок. В среде российской интеллигенции образ и восприятие США имел отличия. В западных частях российской империи США воспринимались как государство, которое стоит считать эталоном прав и свобод человека [7, с. 242-243].

В России присутствовало мнение о том, что США использовали свое выгодное географическое положение и отсутствие прямого военного участия в боевых действиях, чтобы получать материальные выгоды. [1, с. 194] У некоторой части россиян возникало негодование по поводу того, что США всячески стараются избежать прямого участия в войне. Когда в русской печати появилась информация по поводу гибели американского круизного лайнера «Лузитания», в которой написано, что президент В.Вильсон не считает это поводом для вступления в войну. Это способствовало негативному восприятию США [5, с. 2 №106].

В отличие от ВМВ в годы первой мировой войны, боевые действия одновременно шли на территории Западной Европы и восточной, союзные державы не всегда положительно оценивали друг друга, но в сознании участников событий было понимание общей цели [8, с. 322-323].

В итоге можно сказать, что восприятие каждой союзной державы было разным. Франция воспринималась как союзник с общими интересами,

Англия как геополитический конкурент, а США как государство, ищущее только материальную выгоду, но схожий момент в том, что маленькая доля недоверия вначале войны сменилась абсолютным недоверием.

Библиографический список

1. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
2. Езерский Н.Ф. Наши союзники — французы. М., 1916.
3. Малиновский Р.Я. Солдаты России. М., 1988.
4. Сергеев Е.Ю. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX-начале XX века // Россия и Европа в XIX-XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.
5. Волжский день. 24 мая 1915. №106.
6. Сергеев Е.Ю. Образ США в представлениях россиян. (Начало XX века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000.
7. Волжский день 30 апреля 1915 №90.
8. Голубев А.В. «Царь Китаю не верит...». Союзники в представлении российского общества 1914-1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000.

О.А. Макогон

Южный федеральный университет

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ТРУДАХ П.Н. МИЛЮКОВА

Павел Николаевич Милюков (1859-1943 гг.) — крупнейший политический и общественный деятель предреволюционной России. Он был одним из основателей и лидеров либеральной партии «Народной свободы» (кадетов), редактором крупнейших отечественных и эмиграционных газет. После Февральской революции недолго состоял в должности министра иностранных дел России при Временном правительстве [4, с. 246]. Его также можно назвать идеологическим вождем эмиграции после Октябрьского переворота 1917 года. Но не следует забывать, что Павел Николаевич Милюков, в первую очередь, был виднейшим представителем исторической науки, внесший большой вклад в ее развитие.

Ученому-историку принадлежит оригинальная, во многом своеобразная концепция развития отечественной истории, вызывающая до сих пор неоднозначные оценки [1, с. 137]. В концепции ученого прослеживается отход от традиционного видения исторического процесса развития России, свойственный его учителям и многим коллегам. В большей степени это проявлялось в попытке решения двух сложных вопросов, которым П.Н. Милюков уделял наибольшее внимание: проблема «России и Запада» и

развитие в России общественного самосознания [1, с. 146]. Исследования и выводы, сделанные Павлом Николаевичем в изучении данных проблем, на протяжении длительного периода воспринимались как выражение и обоснование его политических идей. Поэтому вполне ясно, почему историки долго спорили о том, что больше преобладало в этой яркой личности — политик или историк?

Сегодня существует потребность в изучении П.Н. Милюкова в качестве ученого-историка с собственной системой взглядов и оценок исторических процессов, протекавших в России. Главная причина кроется в отсутствии всесторонней изученности исторических взглядов ученого, в особенности ряда важных проблем: развития России в контексте мировой истории и формирования в стране общественного самосознания, непосредственно связанных между собой. В исторической науке пока нет работ, в которых исследовались данные вопросы комплексно и в совокупности.

Изучение научной деятельности Павла Николаевича Милюкова и его исторического наследия привлекали других исследователей для рассмотрения и сравнения концепций развития российской истории на протяжении достаточно длительного времени. Как часто случается, у российского ученого были как положительные оценки, так и негативные, в некоторых случаях даже крайне резкие. В большей степени наследие российского ученого рассматривали сквозь призму его политических и идейных воззрений, склонность к которой прослеживается и сегодня. Для более подробной картины изучения взглядов Павла Николаевича Милюкова нами были рассмотрены дореволюционная, советская, эмигрантская, современная и зарубежная историографии [2, с. 235].

По проведенному историографическому анализу следует отметить, что в большинстве случаев Милюков и его концепция изучались с позиции политических противоречий. Это, прежде всего, относится к советской историографии, где присутствует общая негативная сторона деятельности Милюкова.

Если же рассматривать подробно концепцию Милюкова, то главная мысль автора состоит в том, что Россия являлась частью всемирной истории. Она, как и западноевропейская часть континента, проходила все пути общественной эволюции, но со значительным опозданием. П.Н. Милюков выделял ряд своеобразных черт российского государства, которые служили истинной причиной отставания от Западного мира. Павел Николаевич не без оснований уверяет читателей, что всему этому причиной ее географическая, климатическая, национальная и др. специфики. Данным факторам ученый отводит одну из самых главных причин своеобразности [1, с. 149].

В концепции ученого важное место отводилось также другой проблеме, тесно связанной с первой: появлению и развитию общественного самосознания в России [3, с. 188]. Павел Николаевич один из первых обратил свое внимание на возникшую в то время проблему, заинтересовавшую многих специалистов. Результатом исследования столь масштабного вопроса был

третий том «Очерков», полностью посвященный истории общественного самосознания в России. В работе автор дает подробную хронологию эволюции общественного мнения и критических элементов общества, отмечая особенно важно конец XVIII века, а точнее последнее десятилетие царствования Екатерины Великой, как период формирования самосознания [4, с. 248]. Но акцент был направлен на формирование российского самосознания под воздействием западноевропейских идей, в частности просветительских.

В заключении хотелось бы обозначить, что Павел Николаевич Милюков представляется для отечественной исторической науки одним из оригинальных мыслителей своего времени, которому удалось создать свое видение развития истории России. На наш взгляд, несмотря на ряд опережающих события выводов, П.Н. Милюков со своей исторической концепцией полноправно вписывается в единый ряд с виднейшими представителями российской истории конца XIX – начала XX столетий. Авторская концепция заслуживает положительных оценок, а также дальнейших исследований и выявления иных принципиальных идей в научной деятельности историка.

Библиографический список

1. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли// Общественные науки и современность. М., 1897.
2. Алданов М. Памяти П.Н. Милюкова // Новый журнал. 1943. №5.
3. Вортман Р. Национализм, народность и Российское государство / пер. с англ. О. Майоровой // Неприкосновенный запас. 2001. № 3 (17). С. 100-105.
4. Карпович М.М. Милюков как историк // Новый журнал. 1943. № 6.

А.А. Шашкова

Самарский национальный исследовательский университет

ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: КОНЦЕПЦИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

Роль человека в процессе исторического развития поднималась не одним поколением мыслителей. В этом смысле особенно интересна позиция русского философа Н.А. Бердяева. Его работы актуальны в наше время, ведь автор задумывается о фундаментальных проблемах человечества, о вопросах, стоящих перед людьми любой исторической эпохи. Н.А. Бердяева называют христианским экзистенциалистом. Самоопределение его – «верующий вольнодумец». Р.А. Гальцева, исследователь русской философии, дает ему следующую характеристику: «в онтологии нигилист, в эстетике неоромантик, в этике теоретик с христианской первоинтуицией, а по душевному складу “русский европеец” XX века» [1, с. 18]. Его характери-

стика довольно разносторонняя, как и вопросы, которыми задается этот мыслитель.

Н.А. Бердяев рассматривает исторический процесс, сравнивая его с этапами жизни человека. «Если взять судьбы народов, судьбы обществ, судьбы культур человеческих в истории, то мы видим, что все культуры, все эти общества и все народы переживают в судьбе своей разные периоды – период зарождения, детства, возмужалости, высшего расцвета и, наконец, период старости, дряхлости, отцветания и смерти» [2, с. 151] .

Центральное место в философской системе Бердяева занимает философская антропология – учение о свободе человека и его духовности, – которая разворачивается как историческая драма борьбы природного и духовного начал в человеке и его истории [3, с. 354]. Н.А. Бердяев раскрывает суть человека в противоречии. Для философа характерна двойственность установок, противоборство принципов. Как писал один из исследователей его творчества, «Бердяев постоянно разрывается между утверждением истины христианства и пафосом ничем не ограниченных и не сдерживаемых человеческих возможностей» [1, с. 23].

Человеческая личность для Бердяева – та точка, где духовное, первоначальное начало встречается с миром земным. Способ взаимодействия человека с духовным миром – это творчество, которым, по мнению Николая Александровича, должно быть проникнуто все в человеческой жизни. Само слово «творение» возносит нас к Богу; преображая мир, мы приближаемся к образу богочеловека, одухотворяем мир материальный, возносимся над миром земным.

Существование личности в историческом развитии и «исторического» в личности Н.А. Бердяев рассматривает как неразрывную взаимосвязь. Выражается это в том, что человек движется не по заранее заданной «орбите» исторического процесса, а создает, формирует и изменяет действительность. Позиция человека во всемирном историческом процессе – это позиция не созерцателя, наблюдающего за закономерной сменой эпох, а ее творца. «Когда личность вступает в мир, единственная неповторимая личность, то мировой процесс прерывается и принужден изменить свой ход, хотя бы внешне это не было заметно» [4, с. 20].

Как пишет Бердяев, «человеческая судьба есть совокупность действий всех мировых сил. И эта совокупность мировых сил и порождает действительность высшего порядка, которую мы именуем исторической действительностью» [1, с. 14]. Человек заключает в самом себе исторический опыт. Человек – это носитель мировых знаний, чувств и ощущений всего земного шара. «Каждый человек по своей внутренней природе есть некий великий мир-микрокосм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир и все великие исторические эпохи» [2, с. 19].

Историческая память – неотъемлемая часть личности. В этом смысле интересна концепция времени у Бердяева. Он протестует против разграничения, разобщения временных пространств. Будущее, настоящее и про-

шное мыслитель видит в целостном восприятии. Поэтому он и говорит о том, что историческая судьба есть в то же время судьба человека, его собственная история. В своей философской автобиографии «Самопознание» мыслитель пишет: «Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь» [5, с. 17].

Бердяев буквально «одушевляет» историю. Он разграничивает понятия «историзма» как мертвого набора «фактов» и «исторического» как истории чувственной, живой и вечной. Таким образом, история для него – это не мертвая наука о мире, отошедшем в далекое прошлое, а путь приобщения человека к более богатой действительности, способ «победить телесность и малость свою, преодолеть свой бедный и суженный кругозор» [2, с. 17]. Личность и история – это система, которая не может жить отдельными категориями. Человек заполняет собой мир, своими деяниями движет его развитие, а мир наполняет существование человека смыслом и дает ему поле для деятельности.

Современный историк, как и его коллега прошлых столетий, ищет и находит для себя смысл истории, ведь без постижения ее смысла нет цели изучения этой науки. Идеи Н.А. Бердяева обращены не только к историку, они доступны любому человеку. В капиталистическом мире, где в погоне за материальными ценностями человек теряется в веренице сумасшедшего темпа, идеи Н.А. Бердяева возвращают к первоистоку бытия, к духовности и осмысленности существования.

Библиографический список

1. Гальцева Р.А. Очерки русской утопической мысли XX века. М., 1992.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
3. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: Курс лекций. М., 1999.
4. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939.
5. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.

В.Ю. Рябова

Самарский национальный исследовательский университет

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

«Первая волна» русской эмиграции для исследователей представляет особый интерес не только из-за своей масштабности, но и мифов об эмигрантах. Исследовательский интерес представляют факты, легшие в основу тех или иных представлений об эмигрантах, истоки происхождения мифов об эмигрантах и их достоверность.

Хотя причины эмиграции в действительности различались: для одних эмиграция стала официальным изгнанием, для других — бегством от советской системы, как политического противника, одно оставалось общим: результат обернулся для эмигрантов — лишением Родины и гражданства, для России — утратой огромного культурного и научного потенциала, существенно осложнившей процесс пореволюционного духовного и материального развития страны [1, с. 2]. Рассказывать сегодня о русских в эмиграции — значит выявить тесное взаимодействие между реальностью и представлениями о ней и восстановить процесс перерождения реальности в миф, который происходил на протяжении всей истории этой специфической эмиграции [2, с. 4].

Среди иностранцев, которым Франция оказывала приют в период между двумя мировыми войнами, русские занимали особое место: поначалу их именовали политическими беженцами, а затем к ним прочно и навсегда пристанет название «русские эмигранты», которое отразит драму вынужденного изгнания. Большая часть этих изгнанников оседала в Париже и его пригородах — здесь им было легче выжить благодаря традициям и структурам, которые они унаследовали от своих соотечественников, квартировавших в этих местах в XIX столетии и в самом начале XX века.

Миф о том, что эмигрант «первой волны» — это представитель интеллигенции, обязан своим происхождением тому факту, что русские в Париже необыкновенно ярко заявили о себе в художественной, артистической и культурной жизни, благодаря чему, и возникло убеждение, что эмиграцию составлял самый цвет русского общества. Однако элита составляла небольшую часть беженцев, однако она сыграла важную роль в судьбе русской общины, воссоздав социальную структуру дореволюционных времен и принеся таким образом Россию в миниатюре на французскую землю [3, с. 89].

Миф, связавший образ русского эмигранта «первой волны» с профессией таксиста, более соответствует действительности. Начиная с середины двадцатых годов среди выходцев из России доля лиц, занятых в сфере наземного транспорта, превышала аналогичный показатель по всей массе иммигрантов, находившихся во Франции. Устойчивость образа русского таксиста — образа, переросшего со временем в настоящий стереотип, — была вызвана, прежде всего, самой природой этого занятия: пусть человеческий контакт между пассажиром и водителем и ограничивался во времени одной поездкой — он делал особенно заметным присутствие иностранцев. Выходцы из России пришли в сферу частного извоза внезапно и в массовом порядке: если до начала двадцатых годов во Франции не было шоферов этой национальности, то всего лишь несколько лет спустя русские в масштабах всей страны составляли вторую по численности (после итальянцев) национальную группу, занятую в данной сфере. В 1926 году в сфере наземного транспорта трудилось около 2 тыс. русских. Это немало — если учесть, что право заниматься извозом предоставлялось иностранцам

лишь по истечении пяти лет их жизни во Франции и по получении ими профессиональной лицензии. То есть, русские шоферы, зарегистрированные в 1926 году, попали в страну не позже 1921 года. Французские шоферы были возмущены подобной конкуренцией, действуя через профсоюзы и в первую очередь через ВКТ (Всеобщая конфедерация труда (Confédération g n rale du travail — CGT). — вынудили министра труда Дюрафура (Durafour) издать в апреле 1926 года специальное постановление, в результате которого 700 русских кандидатов, готовившихся получить лицензию, не были допущены до соответствующих экзаменов. Тот факт, что в 1920–1930 годах в Париже было официально зарегистрировано около 4 тыс. русских шоферов, ясно указывал на существование среди таксистов настоящей «корпорации» представителей этой категории иммигрантов. Русский таксист, таким образом, не миф. Мифической фигурой он был лишь в той степени, в какой олицетворял — по крайней мере в глазах французского общества — падение с самых высот до самых низов социальной иерархии.

Таким образом, мифы об эмигрантах «первой волны» имеют разную степень достоверности. Так, миф о том, что русские эмигранты первой волны были исключительно дворянами, опровергается рядом исследований, показывающих общую картину эмиграции, которую составляли представители всех слоев населения, что и делает «первую волну» эмиграции «русским зарубежьем», то есть, полноценным обществом. Тогда как миф о русском эмигранте таксисте более близок к действительности. В большинстве своем, однако, шоферы вовсе не были князьями и графами. Хотя нужда и могла заставить некоторых представителей свободных профессий сесть за руль такси, большинство шоферов происходило из других слоев. Зачастую речь шла о людях военного поколения, за годы сражений и скитаний преждевременно повзрослевших и утеревших всякие амбиции и стремления. Всех их объединяло сознание общей и не избранной добровольно судьбы. И жизнь на колесах была, возможно, лучшим способом выразить ту потерю всех связей с пространством, которая составляет сущность изгнания. Тем не менее, интеллектуальное сообщество понесло значительные потери.

По предварительным подсчетам современных исследователей Россию покинуло около четверти ученого и профессорско-преподавательского корпуса [4, с. 501].

Библиографический список

1. Доронченков А.И. Эмиграция первой волны. О национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.
2. Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919 – 1939. М., 2001.
3. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939) / пер. с франц. Э. Кустовой. М., 2014.
4. Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2003.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРОПОТКИНА ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОССИЮ В 1917 ГОДУ

Кропоткин с радостью воспринял новость о Февральской Революции. Политическая амнистия Временного Правительства позволила наконец, через 40 лет после своего побега из под заключения, вернуться на Родину.

В ночь на первое июня поезд, в котором возвращался Кропоткин на Родину, прибыл в Петроград на Финляндский вокзал. Пирумова приводит такие строчки из дневника Петра Алексеевича: «Приехал в Петроград 1(14) июня в 2 ч. ночи. Толпа в 60 000. Саша, племянницы Поливановы Катя приехала уже в Белоостров. Почетный караул от семеновцев. Так и не добрался до него Когда я вышел, меня безусловно чуть но раздавили. Саша едва упростила оркестр семеновцев замолчать Офицеры хотели нести меня на руках. Я отказался. Соню чуть не растоптали. Тогда 8 офицеров схватясь руками, окружили меня кольцом с невероятными усилиями пробивались сквозь колышашуюся толпу. Пробились не к караулу, а к зале, где меня ждали Керенский и неск[олько] других министров и Н.В. Чайковский. Приветственные речи. Коротко ответил. В 3 часа ночи добрались до автомобиля» [1, с. 192]. Одному из репортеров Кропоткин сказал: «Я всецело в распоряжении Родины. Я стар, но работать хочу и по мере своих сил работать буду...» [2, с. 13]. Однако жизнь в столице для здоровья князя пережившего тюрьму и русскую, и французскую было связано с известными трудностями. При этом Кропоткин участвуют в митингах рабочих, матросов, офицеров, учителей. Интересуется деятельностью анархистских групп, однако отказывается возглавить одну из них или оценить деятельность. Вот как пишет об это Н.И. Махно : «В это же время мы получили сведения о том, что П. А. Кропоткин уже в Петрограде... .. Радость в рядах нашей группы неопишущая. Собрали общее заседание группы, которое посвятили исключительно разбору предположений, что скажет нам старик Петр Алексеевич. И все пришли к одному выводу: Петр Алексеевич укажет конкретные пути для организации нашего движения в деревне. Он слишком чуток, от него не ускользнет теперешняя насущная потребность в наших силах для революционной деревни. Как истинный вождь анархизма, он не пропустит этого редкого в истории России случая, воспользуется своим идейным влиянием на анархистов и их группы и поспешит конкретно формулировать те положения революционного анархизма, которыми анархисты должны заняться в нашей революции... Я составил письмо-приветствие от имени гуляйпольской крестьянской группы анархо-коммунистов и не помню точно, но, кажется, отослал его Петру Алексеевичу через редакцию газеты «Буревестник»... .. На наше скромное письмо-приветствие мы отве-

та не ждали. Но ответа на вопросы момента мы ждали с каким-то особым напряжением; с чувством сознания, что без него мы потратим много сил и может оказаться, что напрасно, может оказаться, что то, чего мы ищем, не ищется другими группами или ищется, но в совершенно другом направлении... Приезд П. А. и его живое участие в революции (если старческие лета позволят ему взяться за дело), если не дадут нового, более сильного толчка нашим товарищам по городам, то подневольная деревня будет порабощена политическими партиями, а — через них — и властью Временного Правительства, и этим дальнейшему развитию Революции будет положен конец... Проходит около двух недель. Из Петрограда — никаких вестей. Ничего не известно о том, как П. А. смотрит на положение, занимаемое нашим движением в революции: здорово ли оно? Правильно ли оно избрало себе методы группирования своих сил по городам, мало обращая или почти что не обращая внимания на подневольную деревню? » [3, с. 54-56]. По мнению одних исследователей это связано с нежеланием Кропоткина становиться пусть и анархистским, но все-таки вождем [4, с. 252]. По мнению других, к этому времени Кропоткин отошел от своей радикальной анархо-коммунистической модели и стал склоняться к модели федерализма [2, с. 81].

В это время его навещают многочисленные гости. Навещал его и Керенский, предлагая Кропоткину войти в правительство, вероятно это было сделано для умиротворения многочисленных анархистских групп. Теоретик анархизма предложения не принял, но согласился принять участие в Государственном Совещании. В своей речи на нем Петр Алексеевич призывал именно к федерализации: «Мне кажется, нам в этом Собрании русской земли следовало бы уже объявить наше твердое желание, чтобы Россия гласно и открыто признала себя республикой... При этом, граждане, республикой федеративной!.. Пообещаем же, наконец, друг другу, что мы не будем более делиться на левую часть этого театра и на правую. Ведь у нас одна родина» [4, с. 268].

Так же в это время выходят и некоторые новые работы Кропоткина «Аграрный вопрос», «Что такое Анархия», «Идеал в революции». Многочисленные анархистские группы издают и старые работы Петра Алексеевича — «Речи бунтовщика», «Хлеб и Воля». Автор заново пересмотрел их переводы на русский язык, «стараясь связать свои давние идеи с современной действительностью, для которой многое из того, что он высказывал 20-30 лет назад, выглядело в высшей степени актуальным» [2, с. 14]. Однако сам Петр Алексеевич уже отошел от своей радикальной анархо-коммунистической модели развития общества и свой идеал относил в далекое будущее. Прежде чем он установится, необходимо воспитать нового человека. Именно этому посвящена последняя крупная работа Кропоткина «Этика», полностью закончить ее он не успел, дописав до конца только I том. Работал над ней он уже в подмосковном Дмитрове куда он переехал в 1918 году.

Здесь Петр Алексеевич, не смотря на свой возраст, активно участвует в общественной жизни – организовал Лигу Федералистов, посещает съезды местных кооператоров, участвует в работе краеведческого музея. Его продолжают навещать многочисленные знакомые и все те, кто хочет с ним увидеться и обсудить положение дел. Кропоткин приветствовал Октябрьские события, по мнению Петра Алексеевича это было продолжение начавшейся Революции. Однако многие дальнейшие события Кропоткину не нравились, например, он выступал категорически против начала Красного террора. Только его личное заступничество позволило спасти от расстрела нескольких анархистов попавших в тюрьму.

8 февраля 1921 года Петр Алексеевич скончался.

Библиографический список

1. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М.: Наука, 1972; Петр Алексеевич Кропоткин / под ред. И.И. Блауберг. М: РОССПЭН, 2012.
2. Махно Н.И. Азбука анархиста. М: ПРОЗАиК, 2013.
3. Маркин В.А. Кропоткин. М.: Молодая гвардия, 2009.

Д.С. Клюева

Тольяттинский государственный университет

РОЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО ВОПРОСУ ЗАКРЫТИЯ ЦЕРКВЕЙ В 1928 – 1937 ГГ.

В 1917 г. в истории России начинается этап бурных перемен. Возникшему в результате Октябрьской революции советскому государству требовались новые люди. Предстояло решить проблему трансформации менталитета традиционного общества в модель, характерную для социалистического, индустриального общества. В этой связи важную роль играло искоренение религии из жизни граждан. Наиболее остро вопрос антирелигиозной пропаганды стал в период с 1928 по 1937 годы. Это обусловлено тем, что в 1928 г. в СССР был принят Первый пятилетний план. В нем одной из целей объявлялось становление советского социалистического общества, в котором Церковь должна быть отделена от государства. Первые шаги к этому были предприняты в 1918 г. с принятием первой Конституции РСФСР, в которой провозглашался принцип отделения государства от церкви.

Антирелигиозная пропаганда, как основная форма противодействия, так называемым «религиозным пережиткам» была одной из важнейших составляющих нового коммунистического общества. Для достижения поставленной цели активно использовались различные средства: периодическая печать, лекции, собрания, частные атеистические организации и т. д. Чаще всего антирелигиозную работу вели специалисты разных областей: лекто-

ры, учителя школ и институтов, политработники, литераторы-публицисты и другие. Важнейшей своей задачей они считали защиту младшего поколения: атеистическое воспитание должно охватить «молодое поколение социалистического общества, с тем, чтобы добиться сокращения воспроизводства религиозности среди детей, подростков и юношества, а в перспективе — полного перекрытия каналов воздействия религии на эти категории населения» [4, с. 113].

Однако центральную роль в формировании атеистического мировоззрения изучаемого нами периода занимала периодическая печать. Большую роль в атеистической пропаганде играли газеты: «Безбожник» [1]; «Известия» [3]; «Правда» [7]; «Волжская коммуна» [2].

Одной из наиболее часто поднимаемых тем в периодической печати 1929-1937 гг. была тема преобразования церквей в общественные организации.

Центральные органы печати, такие как «Правда» и «Известия» отражали принятые советским государством постановления по вопросам антирелигиозной кампании. Так 9 апреля 1929 г. «Известия» опубликовали часть постановления «О религиозных объединениях» [6], которое содержало блок статей имущественного и не имущественного характера, непосредственно касающихся вопроса закрытия церкви (ст.46-53), изъятия церковного имущества (ст. 40-42) и сдачи церковного помещения в аренду (ст.10). Обосновывая данное постановление, издательство рассматривало это как объективный процесс, который соответствует стандартам современного социалистического общества.

В газете «Безбожник» антирелигиозная политика советского государства представлялась иначе. Этот печатный орган был призван донести читателям преимущества атеистического образа жизни, поэтому закрытие церкви преподносилось в свете того, что был «сделан новый шаг в борьбе с мракобесами, закрыта очередная церковь, освобожден от папской черноты молодой разум» [5].

Газета «Правда» представляла антирелигиозную политику под другим углом зрения. В ней особенно ярко отобразилась политика государства, направленная на изъятия у церкви колоколов. Нельзя сказать, что газета поддерживала это мероприятия или позиционировало инициативу его проведения, как политическую, напротив, в «Правде» писали, что «политика прекращения «колокольного звона» — это есть политика промышленных нужд индустриализации советского общества» [8]. Когда же весной 1930 г. по стране прокатилась волна недовольства населения слишком жесткой антицерковной политикой, то в «Правде» была опубликована статья И.В. Сталина, в которой он говорил о том, что вся вина в деле насильственного закрытия церквей возлагается на местные органы власти, которые неверно толкуют и проводят церковную политику, иронично подчеркивая, что «снять колокола — какая революционность» [9].

К сожалению, местная печать не занималась разъяснениями антирелигиозной политики столько ярко, как это было в центральных органах

печать. «Волжская коммуна» публиковала лишь фактические данные закрытия или передачи церкви общественным организациям. Возможно, это связано с удаленностью области от центра страны; недостаточной компетентностью местных журналистов и с тем, что в Среднем Поволжье был очень высок процент протестующих против закрытия церкви.

Таким образом, периодическая печать сыграла большую роль в формировании общественного мнения, касающегося вопросов закрытия церквей в изучаемый нами период. Органы печати не только опубликовали, выходящие в свет постановления и декреты, но и объясняли необходимость их выполнения процессами, характерными для советского общества в 1930-х гг. XX в., тем самым смягчая представление народа об антирелигиозной кампании.

Библиографический список

1. Безбожник: газета. 1928-1937.
2. Волжская коммуна: газета. 1928-1937.
3. Известия: газета. 1928-1937.
4. Колкунова К.А. Атеистическая пропаганда в художественной литературе 1930-х годов // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. М., 2013. Вып. 5 (49). С. 113-132.
5. Лейтнер М. Не житье, а рай на земле // Безбожник. 1930. №5.
6. Постановление «О религиозных объединениях» // Известия. 1929. 9 апреля.
7. Правда: газета. 1928-1937.
8. Проблемы «колокольного звона» // Правда. 1930. 7 ноября.
9. Сталин И.В. Головокружение от успехов // Правда. 1930. 2 марта.

А.И. Вайнюнская

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

КРУГ ЧТЕНИЯ РЕБЕНКА В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ (НА ОСНОВЕ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Одна из тенденций историографии Великой Отечественной войны – интерес к повседневной истории, в том числе к практикам чтения на фронте и в тылу с учетом возрастных, социальных, профессиональных, гендерных и других различий [8]. Проблема детского чтения в экстремальных ситуациях была поставлена и в работах нового научного направления «Российское детство в XX веке» [6]. Опираясь на дневники и мемуары детей и подростков, мы проанализировали читательские предпочтения в блокадном Ленинграде.

Судя по содержанию указанных источников, чтение являлось не только неотъемлемой частью детской повседневности, но и в некотором смысле

продолжением привычной (довоенной) жизни. Автор одного из самых подробных дневников – ленинградский подросток Юрий Рябинкин, умерший зимой 1942 г., тщательно фиксируя все мыслимые и немыслимые ужасы блокады, перечисляет книги, которые он покупал, брал в библиотеке и давал читать другим. В самом начале блокады в качестве подарка самому себе Юра купил шахматный учебник. Осенью и зимой, когда записи о голоде становятся регулярными, он читает А. Дюма «Графиню Монсоро» и «Сорок пять», Н. Гоголя «Мертвые души» и др., иногда сообщая, что «при тусклом свете свечи невозможно читать» [5].

Период дошкольного возраста психологи называют «периодом сказок». Художественное восприятие является активным для детей дошкольного возраста процессом, пробуждающим их нравственные качества, и, прежде всего, человечность. Ребенок, видя, что зло всегда наказуемо в сказке, верит в победу над врагом в реальности. Так, сказка является антистрессовым фактором [7, с. 78]. Во время блокады сказки хотели слушать не только малыши, но и дети постарше. Сказки помогали им не потерять веру в лучшее и не впасть в отчаяние. М.В. Маслов вспоминал: «Мама читала мне сказки, у нас было две книжки с русско-народными сказками, которые я храню до сих пор. Наверное, за всю войну мы прочли их раз десять. Но я любил слушать их снова и снова». Он упоминал, что иногда его мама брала детские книжки у соседей [1, с. 146]. Аналогичные сведения отражены в мемуарах Н. Викторовича, Е. Копытовой. Последняя писала: бабушка пыталась связать страшные бомбежки с действиями сказочных персонажей, например, Кошя. В книгу «Блокадные дневники и документы» включено 25 дневников, в 14 из них есть упоминания о чтении в блокадном городе сказок братьям, сестрам, детям, внукам [2]. Л. Титова пишет, что каждый понедельник нового месяца она ходила до ближайшей библиотеки (в блокадном Ленинграде работало 22 библиотеки) с братом Ильей, которому было двенадцать лет. Женщина вспоминает, что книжки с яркими картинками всегда лежали на библиотечарском столе, некоторые приходилось брать дважды, т.к. остальные книги со сказками уже были отданы по абонементу [9, с. 159]. Этот факт ярко иллюстрирует популярность данного жанра среди детского населения.

Среди подростков популярностью пользовались произведения классической литературы с ярко выраженным героическим характером: «Тарас Бульба», «Война и мир», «Севастопольские рассказы», «Слово о полку Игореве» и другие [2]. Подростковые читательские интересы сместились и в сторону исторической литературы. Д.Н. Коржов вспоминал: «В школе я не особо учил историю, мне больше физика нравилась, но война <...> Моя тетя имела энциклопедии, и чтобы я всю школу не забыл, заставляла меня читать. Меня так заинтересовал Невский, Кутузов, Суворов, Ермилов. Я стал читать, ходил к своей учительнице истории, она почти не вставала уже, брал книги, учебники. И знаете...чем больше читал, тем больше верил

в нашу победу. Столько раз врага били и сейчас побьем!» [2, с. 236]. Повышенный интерес к историческому чтению отражен в дневниках И. Глумина, А.Е. Вороновой [1, с. 387] и др. Психолог В.А. Шкуратов отметил, что ориентир на сильные личности, которые были олицетворением своей эпохи, дает человеку веру в себя. Особенно сильна эта вера, если происходит изучение не конкретного человека, а целого народа и его подвига. Как и до войны, подростки увлекались чтением поэтических произведений русских классиков и советских авторов, а иногда и детективов [4, с. 28-33].

Круг чтения детей и подростков расширился в период блокады и за счет специфической литературы практически-прикладного характера. Так, Н.Кириллова пишет в дневнике, что взяла в библиотеке книгу «Выращивание плодовых культур в домашних условиях» с целью вырастить самой картофель и морковь [2, с. 177]. П.Винтор упоминает о прочтении таких книг как «Лечебное голодание», «Лечебные растения в народной медицине», «Съедобные дикорастущие растения» [4, с.314].

В нечеловеческих испытаниях, которые выпали на долю детей в период блокады, книга и сам процесс чтения выполняли одновременно несколько важных функций: напоминание о мирной жизни и отвлечение, хотя бы на время, от бомбежек, мучительного чувства голода; «замещение» взрослых и друзей-сверстников, которые уходили из жизни; возвращение к вечным культурным, нравственным ценностям, противостоящим войне.

Библиографический список

1. Блокада. Трагедия Ленинграда / авт.-сост. С.Б. Борзенко, А.О. Кожемякин. СПб., 2014. 411 с.
2. Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. 583 с.
3. Детская книга войны. Дневники 1941-1945. М.: Аргументы и факты, 2015. 480 с.
4. Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сборник научных статей. СПб., 2010. 492 с.
5. Колосова С.Г. Библиотеки Ленинграда в годы блокады. СПб., 2007. 275 с.
6. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2007. 255 с.
7. Сидловская О. Сказка в формировании психики дошкольника // Ребенок в детском саду. 2001. № 3. С.80-83.
8. Тажидинова И.Г. «Книжный голод хуже хлебного...»: повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 2. С. 5-9.
9. Титова Л.Ю. Записки ленинградской девчонки. М., 2015. 208 с.
10. Шкуратов В.А. Историческая психология. Книга первая. Введение в историческую психологию. 3-е, расшир. изд. М.: КРЕДО, 2015. 244 с.

**А.И. БОРОЗНЯК КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА**

Память – способность помнить, не забывать прошлого, свойство души хранить, помнить сознание о былом. Память, относительно прошлого, то же, что заключение, догадка и воображение относительно будущего.

Владимир Даль

Настоящий доклад посвящен одному из выдающихся отечественных историков-германистов, чья научно-исследовательская карьера состоялась в многолетнем служении музе Клио. Александр Иванович Борозняк в поле своих научных интересов включал изучение исторического прошлого ФРГ, российско-германских отношений, акцентируясь на изучении эпохи национал-социализма, тернистого пути его преодоления в современном немецком обществе. В российской исторической науке он стал одним из пионеров изучения исторической памяти немцев о периоде нацизма. Его перу принадлежат более 220 научных работ, в том числе 6 монографий [1, с. 217].

Родившийся 25 января 1933 г., за несколько дней до прихода нацистов к власти, он пережил на себе горечь утраты отца под Киевом в 1941 г. Впоследствии через всю его научно-педагогическую карьеру красной нитью прослеживается обращение к нацистскому прошлому, изучение которого становится делом его жизни.

Александр Иванович закончил исторический факультет Благовещенского педагогического института в 1954 году, затем аспирантуру Московского педагогического института имени В.И. Ленина в 1963 году, он возглавлял кафедру всеобщей истории Уральского университета в 1990-1994 гг., защитив в 1991 году докторскую диссертацию по рабочему движению и послевоенному переустройству Западной Германии, однако, большую часть своей научно-педагогической карьеры он проработал с 1960-х гг. до своей кончины в Липецком педагогическом институте, будучи заслуженным работником высшей школы Российской Федерации, членом Совета Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории РАН, членом Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, членом Международного Совета журнала «Zeitschrift für Geschichte»(Ганновер) [1, с. 217-218].

С крушением идеологической стены запретов на изучение «нежелательных» для советской науки тем, Борозняк выигрывает конкурс Соросовской программы по поддержке исследователей в гуманитарных отраслях с про-

ектом по преодолению исторического прошлого в ФРГ. Хотя тема была не нова на Западе, для российского ученого она становится полем сначала для анализа изученного, а затем и внесения собственного вклада в диалог культур России и ФРГ.

Эволюция исторической памяти о национал-социализме в Германии, по мнению Борозняка, охватывает ряд этапов:

1) конец 40-х — 50-е гг. XX века прошли под знаком тотального открещивания от режима Третьего рейха, импульс которому дал Нюрнбергский процесс над главными преступниками, осудивший виновных и давший свободу действиям, как казалось, невиновным. ФРГ «появилась на свет как политический организм, наделенный памятью подростка» [2];

2) конец 1950-х — 1970-е гг. стали временем постепенного поворота исторического сознания ФРГ к проблематике преодоления прошлого, к вопросам о «национальной ответственности» за преступления нацистского режима. Широкие массы рядовых немцев под влиянием всколыхнувших общественное мнение событий (будь то осквернение синагоги и еврейского кладбища в 1959 г., франкфуртский процесс над убийцами Освенцима или молодежные протесты 1968 г.) переосмысливали национал-социалистское прошлое ФРГ, обращались к негласно табуированным доселе вопросам об агрессивно-преступном характере войны Германии против СССР (данному исследовательскому сюжету А.И. Борозняк также посвятил одну из своих статей [3]), о непоследовательности послевоенной политики денацификации, о «консенсусе молчания» рядовых граждан Третьего рейха в отношении политики властей;

3) конец 1970-х — середина 1990-х гг. — данный период отмечен фокусировкой на проблеме «окончательного решения еврейского вопроса» и «спором историков» середины 1980-х гг., в ходе которого сложился широкий фронт ученых, объединившихся на «общей платформе постижения исторической правды о нацистском режиме и его злодеяниях» [2];

4) с середины 1990-х гг. по настоящее время продолжается этап, характеризующийся трудным разрушением мифологии о непричастности вермахта к преступлениям национал-социализма, продолжением дискуссий о «больных» вопросах о национальной вине и национальной ответственности за становление и функционирование гитлеровского режима.

По мнению Борозняка, «решающий прогресс в деле преодоления нацистского прошлого в ФРГ был достигнут... в пограничной зоне между историческим знанием и массовым историческим сознанием» [4, с. 337]. И опыт германского общества и германской исторической мысли был для А.И. Борозняка так важен и по причине его потенциальной применимости (с известными видоизменениями) для России, к делу преодоления тоталитарного прошлого в нашей стране.

Таким образом, Александр Иванович Борозняк, ставший пионером российской исторической науки в изучении трансформации исторической

памяти немцев о нацистском прошлом, одним из первых создал обобщающие и концептуализированные труды по данным вопросам, по уровню проработки и осмысления материала сопоставимые с крупными исследованиями западных авторов.

Библиографический список

1. Юбилей А.И. Борозняка // Новая и новейшая история. 2013. №2.
2. Борозняк А.И. ФРГ – волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. №3-4. Электронный ресурс: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/bogob.html#_ftn4 (режим доступа: 01.12.2016).
3. Борозняк А.И. «Это была преступная расово-идеологическая война». Нацистская агрессия против СССР в исторической памяти современных немцев // Российская история. 2012. №3.
4. Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

А.Е. Кульков

Самарский национальный исследовательский университет

«ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ КАК ОСОБЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМЫ

В современной историографии, посвященной «варяжскому вопросу» в советской науке, существует два диаметрально противоположных подхода к оценке развития проблемы в этот период. Современные «антинорманисты» считают, что в советской науке господствовал норманизм. Так, Фомин В.В., негативно оценивает советский период, а также вклад археологии в развитие вопроса [1, с.14].

Другую точку зрения высказывают современные «норманисты». Советский период Клейн Л.С. во многом определяет как господство антинорманизма в исторической науке и характеризует его как период «воинствующего антинорманизма».

На наш взгляд, «варяжский вопрос» в советской исторической науке следует рассматривать как особый этап развития темы.

В 30-е – 80-е гг. XXв. советская историческая наука активно развивалась. Обширные исследования в области археологии, источниковедения, публикации исторических источников позволяли ученым плодотворно работать над вопросами Древнерусского государства, в частности, над «варяжской проблемой».

Большое значение приобрела археология. Это заметил А. В. Арциховский (1902–1978), сказав, что «варяжский вопрос чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии» [2, с. 41]. Много внимания уделя-

лось изучению источников, как русских, так и зарубежных. Публиковались и изучались скандинавские источники, например, в научном наследии Е.А. Рыдзевской (1890 – 1941), отмечались оживленные культурные связи Древней Руси с норманнами [3, с.5].

Главным положением исторических работ стало утверждение о государстве как о продукте внутреннего развития славянского общества. Практически все исследователи признавали скандинавское происхождение варягов. Б. Д. Греков (1882 – 1953 гг.) писал, что «ни один советский историк не станет отрицать присутствие варягов в Новгороде и частично в Киеве, скандинавское или датское происхождение викингов» [4, с.564]. Однако их роль в образовании государства у восточных славян определялась как незначительная, считалось, что предпосылки образования государства уже сложились: доказывался высокий уровень культуры и общественной организации славян, образование политических объединений славянских племен как между собой, так и с другими народами [4, 5, 6, 7, 8]. Позднее, в 60-х – 80-х гг. XX в., прежде всего благодаря достижениям археологии, историки все больше отмечали параллельность и синхронность процессов социального и политического развития на Руси и в Скандинавии в IX–XI вв. [10, 11].

В некоторых вопросах не было единства, например, в определении происхождения понятия «русь» и его характера (социального или этнического), в соотношении руссов, славян и варягов. Многие исследователи считали, что нужно разделять варягов и русь. В руси видели либо этническую или территориальную группу Поднепровских славян, либо особую социальную группу, выделившуюся из славянской среды [4, 9, 12, 13, 14]. Немногие исследователи видели в варягах нескандинавов. Кузьмин А.Г. пытался обосновать положение о том, что варяги были выходцами с южного побережья и островов Балтийского моря, а затем, что варяги имеют кельтское происхождение [15].

Таким образом, в советской историографии виден процесс сближения положений норманизма и антинорманизма, что и вызывает в современной историографии споры о характере «варяжского вопроса» в советской исторической науке. При утверждении тезиса о скандинавском происхождении варягов, советские ученые в то же время не отводили им решающей роли в образовании государства, говоря о том, что предпосылки этого формировались в среде восточных славян – руси.

Библиографический список

1. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
2. Арциховский А.В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966.
3. Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX – XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978.

4. Греков Б.Д. Киевская Русь. Л., 1953.
5. Греков Б.Д. Культура Киевской Руси. М.-Л., 1944.
6. Греков Б.Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. М.-Л., 1937.
7. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
8. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
9. Шаскольский И.П. Возникновение государств на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. М., 1986.
10. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становления государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. М., 1986.
11. Археология СССР. Город, замок, село. М., 1985.
12. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
13. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
14. Рыбаков Б.А. Киевская русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982.
15. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // ВИ. 1974. № 11.

С.Е. Швед

Сыктывкарский государственный университет

РОЛЬ Е.А. КОСМИНСКОГО В ПОДГОТОВКЕ УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Постановление СНК и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в гражданских школах СССР» [1, с. 1] — восстановило историческое образование в СССР. Однако уже с начала 1930-х гг., незадолго до выхода постановления в свет, в академических кругах интенсивно разрабатывалась и интерпретировалась новая — марксистско-ленинская концепция видения истории.

Формирование авторских коллективов для написания единых учебников по истории, охватывающих все периоды развития человечества, происходит одновременно с выходом постановления. Ответственным за написание и редакцию учебника по истории средних веков для средних школ стал Евгений Алексеевич Косминский. Важнейшая роль была отведена историку и в авторском коллективе, отвечающем за написание учебника по медиэвистике для высшей школы, однако данное событие произошло несколько позже.

Существенным и очевидным фактом, позволяющим рассуждать нам о активной работе авторских коллективов уже сначала 1930-х являются источники, хранящиеся в Государственном архиве истории материальной

культуры. К июню 1934 г. — по происшествию месяца после выхода постановления — в ГАИМК имелся макет учебника «По истории Западной Европы эпохи феодализма (Средние века)» общим объемом 46,5 печатных листов. В составленном плане указано 29,95 печатных листов, подготовленных авторами. Окончательный срок написания учебника обозначен 1 октября 1934 г. [2].

Далеко идущие планы, для которых было привлечено немалое количество специалистов-медиевистов (А.Г. Пригожин, М.А. Тихонов, И.М. Гревс и др.), воплотились не в полной мере. Коллектив не смог написать учебник, отвечающий государственным стандартам. Причиной тому являлось громоздкость пятитомного пособия. В архиве ГАИМК сохранился относящийся то ли к 1936, то ли к 1937 г., «окончательный план» истории средних веков. К этому времени пособие для вузов и самообразования было сведено в три тома [3]. Вопреки неоднозначной и противоречивой ситуации, через два года вышел итоговый двухтомный вариант учебника. Окончательное издание вышло в свет благодаря существенным трудам Е.А. Косминского, А.Д. Удальцова и О.Л. Вайнштейна.

Первоначальными редакторами и кураторами пособия являлись О.Л. Вайнштейн и Е.К. Некрасова. Связано это с базированием Академии Наук СССР в Ленинграде, но, с началом ее переезда в Москву, началось активное привлечение к написанию учебника и столичных медиевистов. Главными редакторами материалов, написанных московскими учеными, стали Е.А. Удальцов и Е.А. Косминский. Тем самым, московские медиевисты получили абсолютные идентичные права на авторство и редакцию учебника.

В проекте написания первого издания учебника Е.А. Косминский отвечал за написание восьми из пятнадцати глав второго тома и редакцию учебника [4, л. 23]. Написание Е.А. Косминским глав опиралось на его курс «История средних веков», выработанный в процессе чтения лекций на историческом факультете МГУ в 1935-1937 гг. Постоянно дорабатывающийся и совершенствующийся материал академика позволил ему сконцентрироваться на структуризации и концептуализации учебника. Больше время уходило на редакцию и упрощение громоздкого труда.

Первое издание учебника «История средних веков» для высших школ, вышедшее в 1938 году получилось системным. Несмотря на остававшуюся громоздкость, учебник был простым для усвоения курса средних веков студентами. Двухтомник состоял из двух частей. Первая охватывает V-XI века и называется «Раннее средневековье», вторая часть — «Позднее средневековье», хронологические рамки которого — XI-XV вв.

Благодаря успешному выполнению своих обязанностей в проекте учебника по истории медиевистики для высших школ, Е.А. Косминский стал главным автором второго тома второго издания учебника. Если в первом издании он являлся автором восьми из пятнадцати глав, то во втором лишь две главы «Средневековая культура» и «Раннее Возрождение» были напи-

саны Осипом Львовичем Вайнштейном. Остальные — плод работы Е.А. Косминского.

Существенной доработкой автора являлось исключение историографической базы. Устранены и библиографические сведения, убранные с конца учебника в конец каждой главы. Подобные нововведения упрощали работу студентов. Большое внимание уделялось переписыванию глав о славянах. Главы, посвященные славянам, оказались наиболее абстрактными частями учебника. Кроме того, огромное внимание академик уделил главе «Франция в XI-XV», переработанная академиком полностью.

Первое массовое издание учебника осуществилось в 1938 году, а второе — в 1941 г. Рассматривая эволюцию, стоит отметить законченность и системность труда. Первые в истории пособия, в основе которых лежала марксистско-ленинская концепция видения истории, имеют огромный фактографический и методический базис. Сочетание классового подхода, опора на отечественную дореволюционную школу и, отчасти, зарубежную, делают труд парадоксальным, но в то же время и уникальным. Труд был по достоинству оценен как современниками [5], так и нынешними специалистами, рассуждающими о той эпохе не с идеологических позиций, а с принципа историзма [6].

В настоящее время, находясь в диалектике идеологизма и принципа историзма, сложно дать объективную оценку первым двум изданиям советского учебника. Тем не менее, стоит высоко оценивать работу авторского коллектива, но большего внимания удостоить авторам и главным редакторам, одним из которых был академик Е.А. Косминский. Автору удалось сократить объем, не сокращая содержание и фактографический материал. Таким образом, академик Е.А. Косминский сыграл одну из самых значительных ролей в написании и публикации учебника по истории средневековой истории для высшей школы.

Библиографический список

1. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15.V.1934 года «О преподавании гражданской истории в гражданских школах СССР» // Правда. 1934. №133.
2. Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1934 г. Ед. хр. 55. Планы учебника для вузов по истории феодализма в Западной Европе (История Средних веков), переписка Института истории феодального общества с авторами.
3. Кондратьева Т.Н. Случайные штрихи к истории создания первого советского вузовского учебника по истории Средних веков [Интернет-ресурс] // <http://zav.ansya.ru/health/evrop-a-mejdunarodnij-alemanah/pg-9.html>
4. Архив ИИМК. Ф. 2. 1932 г. Ед. хр. 218. Производственный план и программа перехода на хозрасчет МО ГАИМК.
5. Васютинский В.А. История средних веков. Т.1. Под редакцией А.Д. Удальцова, Е.А. Косминского и О.Л. Вайнштейна // Исторический журнал. № 4. Апрель 1939. С. 138-143 // [Интернет-ресурс] <http://libmonster.ru/m/articles/view>
6. Лебедева Г.Е., Якубовский В.А. Университетские учебники и довоенная кафедра истории средних веков ЛГУ // <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/2008/41.pdf>

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ О СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

В рамках исторической науки медиевистика пережила долгий и непростой путь собственной эволюции. Господствующие парадигмы естественных наук и философские методы оказывали на нее весьма значительное влияние.

В XX веке, благодаря исторической школе «Анналов», преодолев позитивистский кризис, историческая наука обратилась к новым темам исследований – истории повседневности, истории ментальности. В отечественной медиевистике интерес к достижениям западной исторической науки и прежде всего к французской школе «Анналов», появляется в конце 1960-х годов, что нашло отражение в работах А. Я. Гуревича, а в последующие годы – Ю. Н. Афанасьева, М. Н. Соколовой.

В настоящее время медиевистика переживает безусловный рассвет, став основным лейтмотивом российской гуманитарной мысли последнего десятилетия XX и начала XXI столетия. «В XX веке, когда поставлено под вопрос само существование цивилизации и продолжение жизни на Земле, когда беспрецедентные в истории тоталитарные режимы попрли личность человека, а новая технологическая революция угрожает заменить его самодвольными механизмами, это наследие средневековья представляется особенно ценным. Не здесь ли коренится тайна того всевозрастающего интереса к средневековью, свидетелями которого мы являемся?» [1].

Современная медиевистика – комплексная дисциплина, опирающаяся в исследовательской практике на различные научные принципы и использующая сложную исследовательскую методологию [2, с.181]. Медиевистика XXI века, расширяясь предметно, имеет ряд исследовательских направлений, где произошел прорыв: исследования, посвященные духовной жизни и культуры средневекового общества, интеллектуальная история, гендерная история, история частной жизни и повседневности. Обновляется наука и за счет возрождения забытых направлений, таких как правая история и церковная история [5, с. 203]. В 2006 году в рамках медиевистической сессии в институте всеобщей истории РАН в Москве, были отмечены следующие направления в отечественной медиевистике: иконология (С.И. Лучицкая), геральдика (А.П. Черных), средневековые мемории (Ю.Е. Арнаутова), устная история (Е.А. Мельникова), гендерная история (А.Г. Супрянович). Проблемы актуальности и изменения парадигмы нашего знания о Средневековье поднимаются в прениях на конференции «Шестое Средневековье, или зачем нам сегодня Средние века?», созванной лабораторией медиевистических исследований и факультетом истории НИУ ВШЭ в 2012 г.

(П. Уваров о медиевистах и медивалистах, М. Дмитриева о Средневековье и модерности, И. Варьяш о «сказочном» Средневековье, О. Тогоева о Средневековье для обывателя, А. Шарова о Средневековье в словарях и энциклопедиях).

Преимущественный интерес современной отечественной медиевистики к духовной истории позволяет компенсировать прошлые ее пробелы и способствует утверждению новой парадигмы познания. Тем не менее, довольно заметной является тенденция видеть в медиевистике вспомогательную дисциплину.

Отдельного внимания достойно рассмотрение такого термина как медиавализм. В самом широком смысле медиавализм — образы Средневековья, научные и популярные, существующие в современности, а также институции, занимающиеся их производством или их использующие, включая литературу, кинематограф, компьютерные игры и даже, как показал ряд исследований, спорт, здравоохранение (образы болезней как «чумы XX в.»), и т.д. В рамках медиавализма представляют интерес новаторские статьи историка-медиевиста Ф. Панфилова о телемедиавализме, отличном от синемедиавализма [3, с.194-208] и о том, как массовые представления о Средних веках воплощаются в современных компьютерных играх [6]. В последние десятилетия появилась довольно обширная литература, посвященная исследованию медиавализма (medievalismstudies). При этом такие исследования отличаются от традиционного изучения образов Средневековья использованием подходов culturalstudies в широком значении. Он может противопоставляться медиевистике как непрофессиональное знание профессиональному, но может, наоборот, охватывать собой и сферу академических исследований. Применение термина «медиавализм» представителями профессионального сообщества по отношению к самим себе означало пересмотр границ академического знания [7]. Такого рода новаторство в исторической науке не должно приводить к размытию академических познаний в этой области, а наоборот должно создавать определенное направление для исследований, так как меняется не Средневековье, а точка зрения на него, причем не столько узкого круга ученых, занимающихся этим разделом, сколько современного общества. Подобную мысль озвучил Ханс-Вернер Гетц на вступительном докладе конференции «Медиевистика в XXI веке», прошедшей в 2001 году в Падерборне. В качестве одного из тезисов своего доклада Гетц подчеркнул, что на нынешнем этапе исследования речь идет не о Средневековье как таковом, а о нашем представлении об этой эпохе, которое меняется в зависимости от времени, в котором мы живем. Именно наше меняющееся представление обуславливает «актуальность» Средних веков для современных исследований. Таким образом, именно в нашей рецепции Средневековья и заключается значимость медиевистики как науки [4, с. 108].

Восприятие отечественной и зарубежной медиевистики как формы осмысления ключевых проблем современности имеет под собой глубокие

основания. Средневековье, и это становится ясно все более отчетливо, выступает в качестве некоего конструкта, создаваемого заново каждой эпохой в зависимости от ее собственных проблем. Изменение парадигмы нашего знания о Средневековье сказывается и на образе современного времени.

Библиографический список

1. Гуревич А. Я. Европейское средневековье и современность // Европейский альманах. М., 1990. С.142-147.
2. Арутюнян Ю.И. Медиевистика в XXI веке: искусствоведческие аспекты // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. №1(26). С. 181-186.
3. Панфилов. Телемедиевализм: «средневековые» сериалы конца XX—начала XXI века // Логос. 2014. № 6(102). С. 194-208.
4. Филонова А.С. Немецкая медиевистика в сравнении с русской (стенограмма заседания филолого-методологического семинара («Третье литературоведение»)) // Гуманитарные Исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. №3. С. 108-112.
5. Хачатурян Н.А. Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // Средние века. 2002. Т.62. С. 195-212.
6. Панфилов Ф.М. Средневековые песочницы: медиевализм в компьютерных играх начала XXI века // Неприкосновенный запас. 2016 г. с №107 // <http://www.nlobooks.ru/node/7433#sthash.0JjEuSd6.dpuf> (дата обращения: 14.11.2016).
7. Савицкий Е. Новый медиавелизм. Четверть века спустя // Новое литературное обозрение. 2015. №135 // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6604> (дата обращения:05.11.2016)/

В.В. Ткаченко

Московский государственный университет

ВЛАДИМИР И РОГНЕДА В ИСТОРИОГРАФИИ И ИСКУССТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Одним из наиболее популярных сюжетов русской истории, неоднократно переосмысливавшихся в художественном творчестве, является рассказ о женитьбе Владимира Святославича на Рогнеде Рогволодовне.

Его источником служит Лаврентьевская летопись, где указанные события описываются дважды, под 980 и 1128 годом. Уже эти два рассказа несут в себе разную идеологическую окраску. Первый служит лишь небольшим эпизодом в борьбе за власть между Владимиром и его братом Ярополком. Владимир хочет жениться на дочери Рогволода Полоцкого, но она отказывает ему со словами: «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу». После этого Владимир идет на Полоцк войной, убивает Рогволода и двух его сы-

новой, берет Рогнеду в жены и «съ вои многи» идет на Ярополка. Мотив соперничества двух братьев является здесь главным [6, с. 336]. Второй вариант летописного пересказа этих же событий более подробен. Он появляется в связи с походом Мстислава Великого на Полоцк и служит пояснением вековой вражды между Ярославичами и полоцкими князьями. Здесь отмечается влияние Добрыни на Владимира, публичное надругательство над Рогнедой и переименование ее в Гориславу. Появляется и новый сюжет — о попытке княжны убить Владимира. В данной версии акцентируется идея мести: сначала князя за высокомерный отказ, а затем Рогнеды за убийство ее близких и неверность мужа [6, с. 340].

Строго говоря, мотивировка изначального сватовства Владимира к Рогнеде в летописи прямо не указана. В историографии XVIII века повествование о данных событиях получает политический контекст. В «Истории Российской» В.Н. Татищев дополняет летописные сведения соображениями о том, что Владимир, находясь во вражде с Ярополком, «разсудя полоцкого князя Рохволода в союз пригласить, и для лучшего в том успеха, просит дочь его себе в жену» [9, с. 57]. Главной целью Владимира ему мыслится не женитьба на Рогнеде, а именно союз с Рохволодом против Ярополка. Подобной точки зрения придерживается и М.В. Ломоносов, подкрепляющий расчет Владимира тем, что в итоге он идет на Киев «с Полоцким войском» [7, с. 96]. Ф.А. Эмин усматривает политический мотив уже не только в сватовстве Владимира, но и в отказе Рогнеды: «Он от Полотчан великой надеялся подмоги. Но Рогнеда узнав от отца своего о причине Владимирова к нему посольства, просила, чтобы ее выдал замуж за Ярополка» [12, с. 267]. Наконец, Екатерина II объясняет с политических позиций даже оскорбление Владимира, приписавшего отказ княжны «наклонности Рохволда ко Ярополку» [1, с. 105].

Одновременно формируется «романтическая» интерпретация этой истории. Еще Ф.А. Эмин, буквально балансируя между наукой и беллетристикой, привносит в повествование мотив пламенной любви Ярополка к Рогнеде, якобы написавшей ему письмо с уговорами сдаться Владимиру [12, с. 273].

С 1770-х годов любовная линия сюжета начинает активно разрабатываться в искусстве. А.П. Лосенко, изображая встречу Владимира с Рогнедой, меняет программу, предложенную ему Академией художеств: «В программе <...> Владимир на Рогнеде женится против воли ее, когда же он на ней женился, то должно чтоб он ее и любил. Почему я его и представил так как любовника, который видя свою невесту обезчещену и лишившуюся всего, должен был ее ласкать и извиняться перед нею, а не так как другие заключают, что он сам ее обезчестил и после на ней женился, что мне кажется очень ненатурально» [2, с. 152]. Я.Б. Княжнин в трагедии «Владимир и Ярополк» делает Рогнеду отвергнутой возлюбленной Ярополка, променявшего ее на гречанку, а Владимира пылким влюбленным в полоцкую

княжну. В результате Владимир убивает Ярополка по наущению мучимой ревностью Рогнеды [5].

Способом некоторого оправдания преступлений героев становится подстрекательство злых советчиков: боярина Студа в трагедии Ф.П. Ключарева «Владимир Великий» [4], жреца Золибы в «Гореславе» М.М. Хераскова [10]. Сама Рогнеда предстает здесь тоскующей о потерянных близких, но все же любящей князя, а Владимир — терзающимся между государственным долгом вершить справедливый суд и нежеланием казнить виновную в покушении жену. М.М. Херасков оказывается близок к взглядам М.М. Щербатова, узревшего в милости Владимира к Рогнеде влияние христианства [11, с. 257].

Итак, если в историографии второй половины XVIII века складывается более или менее четкая политическая оценка событий, то в искусстве формируется своеобразный романтический канон. В результате, в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина читатель встречает уже «прелестную... Рогнеду, сговоренную за Ярополка», и отказавшую Владимиру из верности к жениху [3, с. 230]. Романтическая окраска этого сюжета, судя по всему, становится со временем настолько привычной, что проникает даже в исторические труды.

Библиографический список

1. Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Ч. 1. СПб., 1801.
2. Каганович А.Л. Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М., 1963.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб, 1818.
4. Ключарев Ф.П. Владимир Великий // Российский феатр. Ч. VI. СПб., 1787.
5. Княжнин Я.Б. Владимир и Ярополк // Собрание сочинений. Т.2. СПб., 1787.
6. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. М., 2006.
7. Ломоносов М.В. Древняя Российская история. СПб., 1766.
8. Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин из российской истории // Полное собрание сочинений. Л., 1952.
9. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 2. М., 1773.
10. Херасков М.М. Идолопоклонники или Горислава // Российский феатр. Ч. IV. СПб., 1786.
11. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770.
12. Эмин Ф. Российская история жизни всех древних. Т. 1. СПб., 1767.

ОБРАЗ Л.Н. ТОЛСТОГО В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Изобразительное искусство последних лет императорской России оставило для нас яркую и выразительную память о Л.Н. Толстом. Конец XIX – начало XX века ознаменовались целой плеядой имен художников, обратившихся к творческому наследию великого писателя и создавших замечательную галерею портретов Л.Н. Толстого, в каждом из которых запечатлены черты неповторимой, многогранной личности писателя; собранные водно, эти портреты создают живой образ Л.Н. Толстого.

Первым прижизненным портретом Толстого был портрет работы И.Н. Крамского (1873 г.), где Толстой изображен сидящим в кресле со сложенными на коленях руками. В живописном образе Толстого Крамской стремится выразить красоту его ума и сердца, возвышенный и благородный строй мыслей [1, с. 54–55].

С Н.Н. Ге Толстого связывала глубокая и сердечная дружба, долгие споры о сущности и назначении искусства. Религиозная живопись Ге была проникнута толстовской доктриной о нравственной силе христианства. На портрете работы Ге (1884 г.) Толстой изображен в кабинете его дома в Хамовниках, за работой над рукописью трактата «В чем моя вера». Композиция портрета построена так, что творящая рука и могучий лоб Толстого, пишущего в глубокой задумчивости, выделены потоком света, что создает наглядное ощущение творческого озарения [2, с. 92].

Самый большой вклад в прижизненную изобразительную толстовиану внес И.Е. Репин, создавший для нее более семидесяти работ в масляной живописи, акварели, рисунке, скульптуре. Самый известный портрет Толстого (с книгой в руке) Репин создал в 1887 году, всего за три сеанса. Репин великолепно уловил исключительную пластическую выразительность облика Льва Николаевича – мыслителя и проповедника [3, с. 80]. В других своих работах – «Пахарь Л.Н.Толстой на пашне» (1887 г.), «Лев Толстой босой» (1901 г.), – воссоздавая образ яснополянского старца, стремящегося к сближению с простым народом, Репин подчеркивал его необыкновенную доброту и готовность к самоотречению. Именно этот образ отложился в душе русского народа. Большинство репинских портретов Толстого по своему значению – картины, отразившие важные для того времени тенденции развития русской живописи: стремление к эпичности, монументальности и пленэрности [3, с. 81].

Близким другом Толстого был Л.О. Пастернак. Их связал опыт совместной работы: по мере создания Толстым новых глав романа «Воскресение»

Пастернак работал над иллюстрациями к роману, обсуждая их со Львом Николаевичем. Толстой считал, что иллюстрации Пастернака точно воплощают его замыслы. Пастернак видел в повседневных занятиях Толстого особую значительность, даже приподнятость, что отражено в его портрете «Л.Н. Толстой читает газету у лампы» (1901 г.): сплавленный, напряженный, глубокий цвет, в золотистом мареве света лампы изображается сосредоточенное лицо Толстого [2, с. 94].

Толстой встречался с М.В. Нестеровым. Созерцательность и умиротворенность героев Нестерова, их близость природе, патриархальная настроенность импонировали писателю. Портрету Л.Н. Толстого, написанному М.В. Нестеровым в 1907 г., присуща декоративность: тихий ветерок слегка рябит пруд, расстилающийся за его фигурой Толстого, почти неподвижно дерево. Ничто не нарушает глубину душевной сосредоточенности Толстого; он кажется могучим олицетворением мысли, связанной с окружающей реальностью [2, с. 95].

В начале XX века образ Л.Н. Толстого был также запечатлен в новом для того времени жанре кинематографа: первым художественным фильмом, снятым о Льве Толстом, был фильм Якова Протазанова «Уход Великого старца» (1912 г.). Сюжет фильма должен был отобразить взаимоотношения Толстого с крестьянами и самым близким окружением и раскрыть обществу тайные причины ухода великого старца из Ясной Поляны. Особенностью фильма стало сочетание художественности и документальности: оператор сумел так впечатать в художественный фильм хроникальные сцены, что разница была незаметна. Толстой в фильме показан остро переживающим свое отчуждение от крестьян и родни, глубоко несчастным человеком. Завершался фильм метафорической сценой: Христос на небесах принимает Толстого в свои объятия [4, с. 74]. Фильм вызвал неоднозначную реакцию и вышел в прокат только за границей.

Таким образом, и художники, и кинематографисты стремились изобразить работу мысли и чувств Толстого в его творческом пути, однако средства выражения этого у них были различны. Художники уделяли главное внимание творческим исканиям Толстого, стремясь запечатлеть вдохновение, озарявшее писателя во время работы над его произведениями, полет его творческого гения. Кинематограф же давал возможность раскрыть душевные переживания Толстого в его взаимоотношениях с окружением, церковью и Христом. Различные художественные средства позволяли раскрыть душевные переживания Толстого во всей глубине и трагичности, создавая целостный образ великого гения. Изобразительное искусство дает нам образ величайшего по своей духовности и служению народу гения, совершавшего нравственный подвиг каждое мгновение своей жизни.

Библиографический список

1. Курочкина Т.И. Первый портрет великого писателя // Л.Н. Толстой и изобразительное искусство. М., 1981.
2. Капланова С.Г. Портреты Толстого в русском дореволюционном и советском искусстве // Л.Н. Толстой и изобразительное искусство. М., 1981.
3. Милотворская М.Б. Толстой и Репин // Л.Н.Толстой и изобразительное искусство. М., 1981.
4. Аннинский Л.А. Лев Толстой и кинематограф. М., 1980.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

О.В. Колпакова

Пензенский государственный университет

УРОВЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДУХОВЕНСТВА ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В рассматриваемый период говорить о стройной системе духовного образования в Пензенской епархии не приходится. До 1822 г. в пределах епархии помимо семинарии существовало три духовных училища в Пензе, Саратове и Петровске. Во многом данные духовные заведения обеспечить качественную подготовку духовенства к их профессиональной деятельности на данном этапе не могли. Немаловажным фактором, оказывающим влияние на уровень образования среди духовенства, являлась незаинтересованность в получении знаний, а также отсутствие необходимых средств обучения. «Надо заметить, что приходское училище рассчитано было не только на способных учеников, но и на мало способных; что оно имело своей целью не только приготавливать учеников для уездного училища, но – и давать, более или менее, законченное образование ученикам, оказавшимся неспособными к продолжению учения и желавшим поступить на церковные должности» [1, с. 11–29].

Характерной чертой процесса обучения было постоянное уклонение учеников от учебных занятий в связи с проживанием в домах их отцов. В докладе Амвросию епископу Пензенскому и Саратовскому об указе его императорского величества самодержца всероссийского из пензенской духовной консистории Краснослободскому духовному правлению было прописано: «что ученики семинарии и духовных училищ самовластно в дома своих родителей прежде времени уезжают», «из домов являются поздно» [2, л. 311 об.]. Отмечая успехи учеников, наставники держались трехбалльной системы, причем 1 считалась высшим баллом, 2 – удовлетворительным, 3 – неудовлетворительным. В виду слабых успехов, большая часть учащихся причислялась к третьему разряду. Некоторые ученики так слабо успевали, что училищное начальство не находило возможным удостоить их даже и третьего разряда и писало их вне разрядов, вместе с учениками, не являвшимися совсем в училище. Кроме отметок посредством цифр, успехи учеников отмечались еще словами. Отметки данного рода были весьма разнообразны. В одобрении на должность священника от 10 сентября 1799 г.

Михаила Яковлева встречаем следующую характеристику: «есть человек добрый, не пьяница, в домостроительстве своем не ленивый, не клеветник, не сварлив, не любодеец, не убийца, в воровстве и обманах не изблеченный, добронравен и поведения честного, и по тому мы его желаем иметь при нашем приходе» [3, л. 889].

В ведомости об учениках Пензенских духовных уездных и приходских училищ, содержатся примечания, из которых можно заключить, что многих исключали за неуспеваемость или оставляли в том же классе. Например, в перечневой ведомости об учениках Пензенских духовных уездных и приходских училищах за 1850 г. сказано, что по уездному училищу в высшем отделении, разделенном на два класса в сентябре 1850 г. числилось 134 учащихся. Из 134 учащихся 13 были исключены за безуспешность и 2 уволены по прошению. По приходскому училищу во втором классе на сентябрь 1850 года числилось 94 ученика, в первом — 71, из данного количества переведено в высшие училища или классы 101 ученик [4, л.31-об.32].

В духовной семинарии в данный период существовали подобные проблемы. В первые годы существования семинарии остро стоял вопрос материального обеспечения образовательного процесса, нехватка преподавательского состава. Протоиерею М. Нилову, временно исполняющему обязанности управления семинарией приходилось помимо обязанностей ректора преподавать философию и греческий язык. «Большинство учителей было из воспитанников семинарии, недавно окончивших курс учения мало еще опытных в учебном деле. Притом же каждому из них приходилось преподавать по нескольким предметам: по одному главному и двум-трем второстепенным» [5, с.12].

Четвертый епископ Пензенский и Саратовский Иннокентий (Смирнов) способствовал повышению уровня духовного образования духовенства. Смирнов был учителем разных наук: он преподавал в высшем грамматическом классе, преподавал и поэзию, и риторику, и философию, — он преподавал богословские науки, читал даже церковную историю в Петербургской духовной академии. Можно заметить, что преподаваемые науки были достаточно разнообразными. Во времена управления Пензенской епархией преосвященного Иринейя 25 марта 1830 г. вышел указ Его императорского величества о разрешении, «что дети священников и дьяконов, которые рождены в церковно-служительском звании и до получения отцами их дьяконовского или священнического сана, не могут быть определены быть на гражданскую службу» [6, л. 265]. Духовенство, по большей части, не симпатизировало школам и не заботилось о предоставлении своим детям надлежащего образования.

Таким образом, уровень подготовки духовенства к их профессиональной деятельности находился на достаточно низком уровне. В качестве основных факторов, оказавшим влияние на образованность духовенства, можно выделить следующие:

- отсутствие учебных заведений, способных обеспечить качественную профессиональную подготовку духовенства Пензенской епархии;
- незаинтересованность учащихся в получении образования, уклонение учеников от учебных занятий;
- отсутствие необходимых средств к обучению;
- ограниченное количество специалистов, способных обеспечить качественную подготовку духовенства к их профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Саердотов М. Нижнеломовские духовные — уездное и приходское — училища // Пензенские епархиальные ведомости. 1884. №5. С. 11-29.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. 182. Оп. 1. Д. 857.
3. ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 349.
4. ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2.
5. Троицкий А. Духовная семинария за истекший столетний период ее существования 1800-1900. Историческая записка. Пенза: Типография губернского правления, 1901.
6. ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1377.

Я.В. Моргунов

Самарский национальный исследовательский университет

ДЕТСТВО И УЧЕБА В УЕЗДНОЙ САМАРЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМЬИ ВТОРОВЫХ

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. сеть общеобразовательных учреждений в Российской империи, особенно в провинции, развивалась медленными темпами. Не была исключением Самарская губерния, созданная только в 1851 г. [1]. О ситуации на момент ее создания современники писали: «Образование здесь еще не получило надлежащего хода, как в других губерниях; здесь нет губернской гимназии» [2, с. 309]. Наиболее ярко иллюстрируют культурное состояние Самары в дореформенное время материалы семьи Второвых.

Не всегда даже выходцы из дворян и чиновников в провинции имели доступ к образованию. Причинами могли служить недостаток учителей и бедность. Преодолеть их можно было только собственной целеустремленностью. Замечательным примером постоянной тяги к знанию служит жизнь Ивана Алексеевича Второва (1772-1844), видного администратора, общественного деятеля, первого известного нам самарского литератора. Потеряв отца, восьмилетний мальчик стал кормильцем семьи, матери и двух сестер. Он с детских лет был вынужден заниматься малопривлекательной чиновничьей службой, из-за которой так и не смог получить систематического школьного образования. Только во время службы в Симбирске в 1791-

1793 г. Второв, наконец, столкнулся с людьми, которые смогли удовлетворить его тягу к знаниям. Это были преподаватели Симбирского главного народного училища, выпускники Петербургской учительской семинарии [3].

Дружба и общение с молодыми учителями не прошли бесследно. В Самаре И.А. Второв вернулся весьма образованным молодым человеком, интересным собеседником. Знакомства с ним теперь не чурались даже те, кто был выше его по социальному статусу. Среди знакомых И.А. Второва были и выдающиеся деятели русской культуры: Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин [4, с. 15].

Его сын, Николай Иванович Второв (1818-1865), известен как историк, этнограф и мемуарист. По его ученическим дневниковым записям, а также воспоминаниям о детстве, написанным позднее, можно судить об образовании юных самарских дворян в начале XIX в. дома и в частном пансионе, что было вызвано недостатком государственных школ в провинциальной России. Кроме того, идя навстречу дворянам, но блюдя государственный интерес, правительство узаконило их право выбирать детям обучение или в общественных образовательных учреждениях, или у домашних учителей [5, с. 13]. Годы учебы могли даже быть засчитаны как проведенные на военной службе в отпуске «для науки» [6, с. 10].

Сложно также переоценить значение женского материнского начала в дворянской семье [7, с. 142]. Зачастую, особенно, в глубокой провинции, первым наставником ребенка становился один из родителей, обычно мать.

В своих мемуарах Н.И. Второв вспоминает, что «грамоте начали учить меня очень рано, и я едва помню себя безграмотным». Азы грамоты ему дали мать и дворовый человек Дмитрий. Однако первым настоящим учителем стал воспитанник Московского университетского благородного пансиона Василий Степанович Афанасьев. Этот местный чиновник, оказавшийся замечательным педагогом, привил мальчику любовь к наукам, да и вообще ко всему новому [2, с. 305].

В домах образованных дворян создавались домашние библиотеки, куда входили книги по политике и богословию, истории и географии, науке и искусству, другим отраслям знания. Нередки были книги европейских авторов на языке оригинала. В доме Второвых также было собрание книг, которое впоследствии Н.И. Второв передал в дар городу Казани, положив начало современной Национальной библиотеке Республики Татарстан.

После смерти В.С. Афанасьева, юного Второва отдал другому учителю, Ивану Яковлевичу Де-Маке, который незадолго до этого учредил в Самаре нечто вроде пансиона для «мальчиков и девиц»: «Переменились учителя: вместо одного, тут было у меня несколько. Сам Де-Маке учил французскому языку; жена его, Настасья Ивановна, обучала рисованию, а иногда заступала место мужа в преподавании французского языка, но более занималась повторением пройденных уроков. Двое учителей уездного училища, Андрей Иванович Иванов и Василий Онуфриевич Борщевский

учили нас Закону Божию, русской грамматике, арифметике, географии и истории» [2, с. 307].

Уездное училище, о котором упоминает Н.И. Второв, открылось в Самаре в 1825 г. [8]. Вообще уже с конца XVIII в. в дворянские семьи и пансионы стали приглашать профессиональных педагогов, подготовленных по современной методике и хорошо знавших предмет [9, с. 8]. Сначала это были учителя главных и малых народных училищ, возникших в ходе школьной реформы Екатерины II [10]. В начале XIX в. их преобразовали в уездные училища и гимназии.

Основным методом преподавания в XVIII – первой половине XIX века был словесный. Преподаватель диктовал урок по предмету, а ученики заучивали его. По воспоминаниям Н.И. Второва, «преподавание в пансионе было не совсем искусно: заставляли нас больше учить наизусть и мало заинтересовывали преподаваемыми предметами» [11, с. 141]. Однако проводились и практические занятия, например, при работе с картами или при изучении иностранного языка.

В детском дневнике Второва есть интересные свидетельства об обучении девочек. Ряд записей посвящены занятиям брата школьными предметами с младшей сестрой. Хотя пансион де Маке могли посещать девочки, родители предпочли дать дочке начальное образование дома силами старших детей [12, с. 138].

На 13-м году жизни, Н.И. Второва определили на учебу в казанскую гимназию [11, с. 143]. Дальнейшая его жизнь уже не была связана с Самарой.

Дневники любознательного мальчика из провинциальной Самары и его воспоминания, написанные уже в зрелом возрасте, проливают свет на состояние образования детей русских дворян. Конечно, трудно сделать по ним выводы о состоянии народного просвещения огромной страны или большого региона в целом. Однако наше прошлое состоит из таких отдельных историй и судеб, которые все сливаются в единый поток отечественной истории.

Библиографический список

1. Смирнов Ю.Н. К 160-летию Самарской губернии: зачем и как она была создана? Самара, 2011. 16 с.
2. Самарское Поволжье с древности до конца XIX века. Сб. документов и материалов / гл. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2000. 512 с.
3. Артамонова Л.М. Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И.А. Второва (1791–1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и новое время. 2013. № 3. С. 437–443.
4. Носков А.И. Люди и события культурной жизни старой Самары. Самара, 2002. 312 с.
5. Артамонова Л.М. «Учили меня еще во младенчестве». Принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11. С. 13–15.
6. Смирнов Ю.Н. Русская гвардия в XVIII веке. Куйбышев, 1989. 80 с.

7. Климкина Э.В. Сочетание национальных традиций и западных влияний в воспитательных практиках российского дворянства первой половины XIX века / Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международ. науч.–практ. конф. Самара, 2014. Ч. 2. С. 141–145.

8. Артамонова Л.М. Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. 2011. № 7. С. 86–88.

9. Емельянова А.В., Сафронова А.М. Мемуары о домашних учителях в дворянских семьях России XVIII в. // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 7–12.

10. Артамонова Л.М. Самая просвещенная реформа // Родина. 2010. № 2. С. 45–49.

11. Де-Пуле М.Ф. Николай Иванович Второв // Русский архив. 1877. № 6. С. 135–149.

12. Артамонова Л.М. Гендерные аспекты общественной активности в деле народного образования в середине XIX в. (на примере г. Самары) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 135–147.

Т.М. Афанасова

Самарский государственный институт культуры

САМАРСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ УЧЕНОГО, ПЕДАГОГА И ЖУРНАЛИСТА XIX ВЕКА В.Г. ВАРЕНЦОВА

Виктор Гаврилович Варенцов занимает видное место в культурной и научной жизни Поволжья 1850–1860-х гг. [1, с. 73]. В 1841 г. он окончил Вятскую гимназию, поступил в Казанский университет, в котором завершил обучение в 1845 г. со степенью кандидата русской словесности [2, с. 280]. Затем он преподавал в различных учебных заведениях Перми, Саратова, Нижнего Новгорода, а также в Казанском университете, где состоял адъюнктом по кафедре русской словесности [3, с. 155]. В его творческом и научном багаже были переводы с французского, немецкого, польского, сербско-хорватского языков, труды по теории и истории русского языка, словесности, драматургии [4, с. 77–79].

В марте 1860 г. Варенцов переехал в Самару, где возглавил губернскую дирекцию училищ и местную гимназию. Здесь он работал над сочинениями о состоянии школ и дошкольных учреждений во Франции, Швейцарии, Виленской губернии [5, с. 145]. Однако главным его трудом стал «Сборник песен Самарского края» [6]. В сборе и записи этих песен ему помогали учителя, а также ученики гимназии и уездного училища в Самаре, которые, как писал в предисловии составитель, «живя в кругу простого народа, сами пели их» [7, с. 62–63].

В 1863 г. в столичном «Журнале Министерства народного просвещения» он опубликовал очерк «О народной грамотности в Самарской губер-

нии». В нем Варенцов справедливо утверждал, что «состояние грамотности в народе находится в самой тесной связи с социальными и экономическими условиями». Исследователям показалось интересным и следующее наблюдение автора: «Учреждение училищ и закрытие их подвержены всяким случайностям: отыщется между крестьянами один толковый, расторопный мужик, убежденный в необходимости выучить детей своих грамоте, — и училище будет открыто, потому что соседи не захотят отстать от него, удастся селению найти хорошего писаря — и опять школа существует, потому что он будет и учителем; оставил он писарское место, — и школа должна закрыться» [1, с. 82]. В 1864 г. была издана первая «Памятная книжка Самарской губернии», в которой этот очерк Варенцова был перепечатан [4, с. 59–68].

Среди его работ привлекают внимание материалы статистического, этнографического и публицистического характера, которые печатались в газете «Московские Ведомости» в 1860 г. под заголовком «Самарские письма» [8, с. 72]. Всего было опубликовано три таких «письма» [9]. В первом из них, напечатанном 7 июля, Варенцов делился своими впечатлениями о Самарском крае. Во втором, вышедшем 3 августа, рассказывалось об этносах, проживавших здесь. Последнее «письмо», опубликованное 28 октября, в основном было посвящено открытию воскресной школе, в чем участвовал сам автор [10, с. 364].

Продолжением «Самарских писем» стал очерк Варенцова «На пароходе», появившийся в 1861 г. также в «Московских ведомостях». В нем рассказывалось об июльском путешествии на пароходе «Царь» Волжской компании, о песнях и преданиях, услышанных во время плавания или навеянных им [11].

Не обходила Варенцова вниманием и единственная тогда местная газета «Самарские губернские ведомости», издававшаяся с 1852 г. [12]. В ней появлялись сообщения о его деятельности и высказываниях на посту руководителя школьного ведомства, например, в связи с ходом реформы женского образования, которая проводилась в начале правления Александра II, когда тема обучения девочек в школе стала весьма актуальной, в том числе в Самаре [13]. В этом городе власти и общественность, по оценке историков «развернули большую работу по развитию женского образования, заметную даже в российском масштабе» [14, с. 34–35]. Однако в ходе этой работы не все протекало гладко.

Варенцов считал, что чрезмерная плата за обучение стала серьезной проблемой и причиной конфликта родителей с руководством училища для девочек в Самаре. На торжественном акте 26 июня 1860 г. в Самарской мужской гимназии он выступил как исполняющий обязанности не только ее директора, но и руководителя всех училищ губернии. Посчитав в целом благополучным состояние городских начальных женских приходских школ, число которых в Самарской губернии достигло восьми, он раскритиковал ситуацию в женском училище 1-го разряда — будущей женской гимназии: «Высокая оплата за учење... с приходящей ученицы часто мешала родите-

лям отдать детей в училище, которое с тем и основано, чтобы сделать образование доступным людям небогатым. Внешняя роскошь и форма платья, введенная вопреки уставу, также пугала людей недостаточных» [15, с. 23].

В Самаре Варенцов встретил свою вторую жену БERTУ Алексеевну Марпург, и в 1859 г. они поженились. Она подарила ему сына Алексея. Брак этот не был удачным – вскоре супруги разъехались [1, с. 83].

Спасаясь от туберкулеза, в борьбе с которым ему не помогли ни самарский воздух, ни самарский кумыс, в 1863 г. Варенцов уехал к морю. Сначала он жил в Крыму, там он стал первым директором гимназии, открытой в Керчи. Затем он переехал в Одессу, приняв участие в создании в этом городе университета. Однако даже у моря он не смог преодолеть страшную болезнь и 1 апреля 1867 г. умер в городе Мессине на Сицилии.

Он искренне служил делу воспитания и образования, многое сделал для изучения русского языка, фольклора и словесности, занимал активную гражданскую позицию. Эти стороны Варенцова как ученого, педагога, общественного деятеля в полной мере проявились в самарский период его жизни.

Библиографический список

1. Орлицкий Ю.Б. Радетель песни народной Виктор Гаврилович Варенцов (1824–1867) // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч. 2. С. 73–88.
2. Комар Н.Г. Из истории литературоведения в Казани: наследие В.Г. Варенцова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 2. С. 279–285.
3. Артамонова Л.М. Образ Самары как нового губернского города в русской печати и публицистике середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международной научно-практической конференции. Самара, 2014. Ч. II. С. 152–161.
4. Памятная книжка Самарской губернии за 1863–1864 гг. Самара, 1864. Отд. IV.
5. Артамонова Л.М. Провинциальное учительство и его занятия наукой в 1850–1860-е гг. (по архивным и опубликованным материалам Самарской губернии) // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 140–148.
6. Варенцов В.Г. Сборник песен Самарского края. СПб., 1862.
7. Смирнов Ю.Н. Традиция и культура городского населения Самары в записях и осмыслении образованных краеведов середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международной научно-практической конференции. Самара, 2013. Ч. 2. С. 57–65.
8. Артамонова Л.М. В начале самарской науки: самарские учителя середины XIX века и их ученые занятия // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международной научно-практической конференции. Самара, 2013. Ч. 2. С. 65–73.
9. Варенцов В.Г. Самарские письма // Московские ведомости. 1860. 7 июля; 3 августа; 28 октября.
10. Смирнов Ю.Н. Воздействие социального и культурного пространства провинциального города на формирование элементов гражданского общества (по материалам Самары в эпоху подготовки и реализации Великих реформ) // Мо-

дернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Самара, 2016. Ч. 1. С. 358-370.

11. Варенцов В.Г. На пароходе // Московские ведомости. 1861. 28 сентября.

12. Курмаев М.В. Периодическая печать Среднего Поволжья (до 1917 г.) // Седьмые Азаровские чтения: библиотека в информационной среде региона: стратегии формирования и поддержки. Самара, 2011. С. 188-206.

13. Артамонова Л.М. Гендерные аспекты общественной активности в деле народного образования в середине XIX в. (на примере г. Самары) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (36). С. 129-141.

14. Смирнов Ю.Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2016. № 1 (134). С. 28-39.

15. Артамонова Л.М. Первая реформа Александра II // Родина. 2014. № 4. С. 20-24.

О.А. Хретинина

Самарский государственный институт культуры

ПРОВЕДЕНИЕ ОБОЗРЕНИЙ УЧИЛИЩ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ШКОЛ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Создание государственной системы образования в России продолжалось длительный период времени на протяжении всей дореформенной эпохи. Начало ей положили главные и малые народные училища, появившиеся в ходе школьной реформы Екатерины II [1]. В 1804 г. Александр I утвердил «Устав учебных заведений, подведомых университетам», в соответствии с которым складывались четыре типа образовательных учреждений разного уровня: приходские училища, уездные училища, гимназии, университеты. Николай I продолжал в области образования последовательную линию имперских властей на развитие народного просвещения [2, с. 17-18]. Государственная власть в России всегда оставалась «просвещенной», в значении «понимающей необходимость широкого распространения образования и принимающей на себя ответственность за это» [3, с. 18].

1 января 1851 г. была создана Самарская губерния [4]. К этому времени на ее территории в городах имелось 4 уездных училища в Самаре, Ставрополе, Бузулуке, Бугуруслане и 3 приходских училища в Самаре, Бузулуке, Николаевске. За первые пять лет существования губернии появились второе приходское училище в Самаре, уездное и приходское училища в Бугульме, приходские училища в Новоузенске и Бугуруслане. На 1 января 1856 г. в уездных училищах обучалось 287 чел., в приходских — 571 чел., в частных школах — 11 чел. Среди всех них мальчиков было 841 чел., девочек — 28 чел. [5, с. 351-354].

5 августа 1856 г. в Самаре появилась мужская гимназия [6, с. 141]. В 1859 г. здесь было создано женское училище 1-го разряда, впоследствии преобразованное в Самарскую женскую гимназию [7, с. 16-17].

Руководила общеобразовательными школами губернии Самарская дирекция народных училищ. Она находилась в ведении Казанского учебного округа и его попечителя. Центральным органом управления школьным делом всей страны было Министерство народного просвещения в Петербурге.

Для всех перечисленных учреждений важной функцией была надзорная. Проверки учебных заведений в те времена назывались «обозрениями училищ». Они являлись неотъемлемой частью повседневности школ России.

На основе архивных документов реконструируется порядок обозрения учебного заведения. В назначенный день директор народных училищ губернии, инспектор или иной чиновник прибывал в школу. Осматривалось помещение училища, изучалась его учебная программа, просматривались журналы педагогического совета. Проверяющий наблюдал за повседневной жизнью школы, поведением и внешним видом детей, оценивало работу педагогов. Осмотр завершался составлением отчета по обозрению данного училища. В этот отчет входили анализ классных журналов, ведомостей об успеваемости и поведении учащихся, списков учеников, учебной программы, способов преподавания предметов и других сторон деятельности школы. В отчете подводились итоги и суммировались результаты осмотра, делались рекомендации для улучшения состояния училищ и устранения замеченных недостатков.

Например, 27-29 января 1859 г. директор училищ Самарской губернии Ангерман провел обозрение Самарского уездного училища, состоявшего под управлением штатного смотрителя Лаврова. Ангерман так охарактеризовал этого педагога и администратора: «Человек он гуманный и заботится о своем заведении. По воскресным дням после обеда собирает детей и объясняет явления природы. Начальник училища способный и усердный» [8, л. 36].

В результате обозрения этого и других училищ губернии Ангерман составил общее впечатление, которое изложил в «Замечаниях по Самарской дирекции». В частности, отмечалось, что в Самарском уездном училище было 68 школьников, из которых 27 были детьми дворян и чиновников, 27 — купцов и мещан, 14 — крестьян и разночинцев. Их успехи в учебе были признаны удовлетворительными, поведение в училище — приличным, посещение уроков — регулярным, внешний вид и одежда — аккуратными и чистыми [8, л. 34].

В учебную программу Самарского уездного училища входили Священная история и Катехизис, русский язык, арифметика, геометрия, история, география, чистописание, рисование и черчение. Своего здания у училища не было и размещалось оно «в наемном доме» [8, л. 34 об.-36].

В целом, это училище, по признанию Ангермана, находилось в хорошем состоянии. В качестве замечаний были даны рекомендации по преподаванию ряда предметов, а учитель чистописания, черчения и рисования Богданов получил выговор, поскольку «уклонялся» от занятий, считая себя не столько учителем, сколько художником. С него было взято обещание исправить отношение к учебным занятиям [8, л. 36 об.-37].

Уездное училище в Самаре было самым старым из имевшихся в городе учебных заведений. Оно было создано в 1825 г. [9] Обещание его открытия было дано лично императору Александру I, когда «просвещенный» монарх побывал в Самаре. Его поездка сюда состоялась в 1824 г. [10, с. 92-93]

В отличие от уездного училища женское приходское училище являлось самым молодым учебным заведением в Самаре. Эту школу открыли 2 сентября 1858 г. [11, с. 158] Уже 29 января 1859 г. Ангерман провел ее обозрение.

Всего здесь обучалась 41 девочка, из них 9 – дочерей дворян и чиновников, 32 – купцов, мещан и разночинцев. Ведомости об их успеваемости показали достаточно неплохие успехи. Внешнему облику учениц Ангерман дал такую оценку: «Внешность их очень прилична». Список предметов в женском училище включал Священную историю и Катехизис, чтение, чистописание, арифметику. По результатам проверки женского приходского училища никаких замечаний начальник Самарской дирекции не сделал [8, л. 18-29 об.].

Образовательные реформы, проводимые имперскими властями, свидетельствовали об их понимании необходимости общероссийской системы народного образования. Современные исследователи признают в основном положительную роль образовательной политики Российского государства в интересах модернизации страны на всем протяжении XVIII-XIX вв. [12, с. 110]. Одним из средств государственного управления этой системой и контроля за ее составными частями были обозрения училищ. Материалы о них сохранились в архивах и являются важным историческим источником.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Самая просвещенная реформа // Родина. 2010. № 2. С. 45-49.
2. Климкина Э.В. Реформирование в сфере высшего и среднего образования в последние годы правления Николая I // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 13-19.
3. Артамонова Л.М. Исторический опыт и значение школьной реформы Екатерины II // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7 (73). С. 12-19.
4. Смирнов Ю.Н. К 160-летию Самарской губернии: зачем и как она была создана? Самара, 2011.
5. Артамонова Л.М. Создание органов управления образованием и появление новых школ в условиях трансформации уездного города в губернский центр:

Самара в 1850-е гг. // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. Материалы Международной научно-практической конференции. Самара, 2016. Ч. I. С. 343-357.

6. История Самары: от воеводского управления до губернской думы. Самара, 2011. Кн. 1.

7. Артамонова Л.М. Самара – новый губернский центр середины XIX в.: изменения социально-культурной среды в связи с повышением административного статуса // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 14-27.

8. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 7476.

9. Артамонова Л.М. Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. 2011. № 7. С. 86-88.

10. Смирнов Ю.Н. Жителю коляски не худо ехать по воде. Путешествие Александра I на восток // Родина. 2011. № 7. С. 91-94.

11. Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156-161.

12. Кабытов П.С. Региональное преломление современных подходов к изучению истории народного просвещения в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 109-113.

О.И. Панкратова

Самарский национальный исследовательский университет

ВКЛАД ДУХОВЕНСТВА В ПРОСВЕЩЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ САМАРСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ И СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Начиная со Средних веков, духовенство являлось одним из самых образованных сословий. Зачатки просвещения появились в монастырских и церковных библиотеках, книгописных мастерских, школах. Позже наука оформилась в отдельный вид деятельности, обособилась от религии, разошлась с ней в толковании многих вопросов об устройстве мира и месте человека в нем. Однако в России духовенство вплоть до XX века играло значительную роль во многих сферах жизни общества, в том числе в народном образовании.

На заре XIX века было очевидным отставание России от Западной Европы в различных областях деятельности. Этим объяснялась острая необходимость реформ, в том числе в области школьного дела, которые были осуществлены Александром I. Согласно Правилам народного просвещения 1803 года начальное образовательное звено составили уездные и приходские училища, даже по названию которых видно, что в их деятельности предусматривалось активное участие приходского духовенства. Анализ

широкого круга источников привел современных исследователей к выводу о действенности и эффективности помощи общеобразовательным учебным заведениям со стороны православного духовенства уже в самые первые десятилетия после начала реформ Александра I. При этом зачастую священники, радея делу просвещения, отказывались от оплаты за преподавание [1, с. 111, 116]. С другой стороны, труд в школе мог стать материальным подспорьем для семей многих из них, ведь духовенству запрещалось заниматься торговлей или сдавать внаем свое жилище, а достаток священников, особенно сельских, практически полностью зависел от исполнения треб, доходы от которых были нерегулярными [2, с. 14]. И та, и другая причины стимулировали активность духовенства в школьном деле.

Создание в ходе губернской реформы Екатерины II новых губерний (Симбирской, Саратовской, Пензенской и др.), а затем при Николае I – Самарской привело к открытию в них самостоятельных епархий [3, с. 2, 4]. Это позволило укрепить структуру церковного ведомства в поликонфессиональном регионе Среднего Поволжья. Финансирование церкви увеличивалось, повышался уровень грамотности духовенства. Однако это не решало всех проблем просветительской деятельности местных епархий, поскольку духовных лиц не готовили к работе с детской аудиторией [4].

Материальное содержание начальных школ в казенных деревнях и городах возлагалось на самих жителей и местное самоуправление [5, с. 76]. Если само население не стремилось к заведению школ, то власти их к этому не принуждали. Как показывают сохранившиеся источники, учителями тех школ, которые все же открывались, становились именно священники [6, с. 300]. Они нередко были единственными, которые могли не только ли занять учительскую должность, но и убедить прихожан в необходимости грамоты и образования.

Благотворительность духовных лиц значительно помогла развитию образования в провинции. Священники жертвовали под школы свои дома. Например, так поступил священник Иоанн Милордов. В 1818 г. в своем доме в Бугуруслане он организовал приходское училище и содержал полностью на свой счет, не получая в течение многих лет на него никаких пожертвований ни от горожан, ни от дворян. Он обучал «без всякого вознаграждения» учеников всех сословий, обоих полов, из разных мест, в том числе приехавших из других городов и уездов. Позднее, священник добился преобразования приходского училища в уездное. Эта реорганизация позволила перевести школу на казенное обеспечение и пригласить новых учителей. В 1825 г. Милордов стал штатным смотрителем, то есть директором этого училища, а также преподавателем Закона Божьего. Помимо преподавания он увлекался наукой. В зоологический кабинет Казанского университета в 1829 г. поступило несколько окаменелых раковин в подарок от Милордова [7, с. 9].

Духовенство было самым образованным сословием России после дворянства. В приходской церкви имелись библиотека и обязательно архив.

Вообще архивы Русской православной церкви «содержат уникальный и обширный массив документов ... по основным направлениям социальной, политической, культурной, экономической жизни России» [8, с. 458]. В функционал священника входила регистрация рождений и смертей. Все эти обстоятельства делали священников историками и этнографами даже поневоле. Те же, кто имел склонность и способность к краеведческим изысканиям активно откликались на вопросники и другие задания Русского географического общества (РГО), становились корреспондентами местных периодических изданий [9, с. 82].

К примеру, две бытовые этнографические заметки прислал в РГО сельский священник Николаевского уезда Николай Попов «Побывка русского солдата на родину и встреча ему от родных» и «Следствие суеверия (случай в селе М. Николаевского уезда)». Они написаны примерно в 50-е гг. XIX в. [10, с. 69]

Среди священнослужителей, работавших в уездных и приходских училищах, были выпускники Казанской, Оренбургской, Саратовской и Симбирской семинарий, столичных духовных академий, что свидетельствовало о высоком уровне образованности. Законоучитель уездного училища в Самаре Иоанн Халколиванов получил степень магистра в Московской духовной семинарии. Он был протоиереем кафедрального собора, членом консистории и различных комитетов (в том числе губернского статистического комитета, ставшего первым научно-практическим учреждением в Самаре). Отцу Иоанну принадлежат труды по православному воспитанию и этике [11, с. 69].

С уверенностью можно говорить о том, что духовенство проделало огромную работу в просвещении жителей уездных городов, деревень в XIX в. Их работа не ограничивалась обучению Закону Божьего, что относилось к их основной профессиональной обязанности. Священники обучали азам чтения и письма, арифметики, истории. Благодаря труду приходских священников мы узнаем об образе жизни русской провинции, о том, каким образом изменяла ее просветительская деятельность духовных лиц. Это перемены имели, безусловно, положительное значение, особенно, в отношении низших сословий России.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8.2 (99). С. 110-117.
2. Бирюкова А.Б. Круг обязанностей и повседневных дел приходского духовенства поволжских городов в дореформенную эпоху // Наука и культура России. Самара, 2012. С. 13-16.
3. Смирнов Ю.Н. К 160-летию Самарской губернии: зачем и как она была создана? Самара, 2011. 16 с.
4. Таймасов Л.А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века. Автореферат диссертации ... доктора исторических наук. Чебоксары, 2004. 46 с.

5. Артамонова Л.М. «Заведение собственным иждивением училища...». Роль священников в создании и поддержке школ Казанского учебного округа первых десятилетий его существования // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 76-81.
6. Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. документов и материалов / гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. 511 с.
7. Артамонова Л.М. Бугурусланский священник Иоанн Милордов и становление народного образования в русской провинции первой половины 19-го столетия // Наука и культура России. 2014. Т. 1. С. 8-11.
8. Черкасова М.В. Деятельность Самарской духовной консистории по сохранению церковной документации // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. Материалы IV Международной науч.-практ. конф.: в 2 ч. Самара, 2016. С. 457-463.
9. Гусева Т.М. Сельские историки поневоле. Пензенские священники – корреспонденты «Пензенских епархиальных ведомостей» // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 82.
10. Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8-2 (109). С. 65-73.
11. Артамонова Л.М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8.2 (99). С. 110-117.

Е.А. Мирончева

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ СИМБИРСКОЙ ЕПАРХИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Анализ деятельности, которую вели монастыри помимо послушнической, понимание роли, которую она играла в истории и современной культуре России, представляется актуальным. События, которые постигли нашу страну в начале XX века, до сих пор находят отголоски и отпечатки в духовно-нравственном состоянии населения. Большая часть граждан России к началу XXI века стала не только духовно невежественной, но и глубоко расцерковленной [3, с. 6]. Русское общество находится на стадии переосмысления, духовного прозрения, перерождения по отношению к себе с точки зрения православной традиции.

В исторической литературе деятельность, которую вели обители, принято делить на культовую, т.е. деятельность, направленную на отправление культа (проведение религиозных обрядов, богослужений и празднеств) и внекультовую, которая напрямую не была связана с отправлением культа (хозяйственная, социальная, культурная). Одним из направлений внекультового вида деятельности является социокультурная деятельность.

Данная деятельность, которую вели обители Симбирской епархии, была разнообразна. Ее можно классифицировать на несколько направлений.

Благотворительная деятельность имела давние традиции среди монашествующих. Жертвование средств на строительство храмов и благоустройство церковно-приходских школ Епархии и Империи: Сызранский Сретенский женский монастырь и Симбирский Спасский женский монастырь отводили отчисления на устройство православных храмов в Туркестанском крае и на Кавказе, на улучшение быта православных паломников в Палестине, на содержание бедных православных церквей в Империи вообще, школ и церквей в западных губерниях России [2, л. 4].

Финансовая помощь осуществлялась переводом денежных средств и предметов хозяйственной деятельности в различные организации: в первой половине 80-х годов XIX века Сызранский Сретенский женский монастырь пожертвовал Обществу Красного Креста более 25 рублей за вторую половину 1883 года в пользу раненых и больных воинов монастырем было пожертвовано 11 рублей 55 копеек серебром. Симбирский Спасский женский монастырь пожертвовал обществу Белого Креста 100 рублей на период военных действий Русско-Японской войны [2, л. 9; 4, л. 16].

Социально активная позиция монашества наиболее ярко проявилась в военное время и выражалась во вспомоществовании детей-сирот, вдовствующих жен, раненых воинов. Так, Сызранской Сретенской женской обители на удовлетворение санитарных нужд было пожертвовано 10 рублей 20 копеек из средств, собранных в кружки церквей. Симбирским Спасским женским монастырем — 200 рублей из средств, полученных за сдачу в аренду фруктовых садов, принадлежавших монастырю [2, л. 12].

Большое внимание уделялось просветительской деятельности. Так, на территории Сызранского Сретенского и Симбирского Спасского монастырей воспитывались малолетние девочки (14 и 25 девочек), часто обучались грамоте и рукоделию под руководством старших монахинь и содержались на средства монастырей [1, л. 6; 4, л. 12]. Сызранский Сретенский монастырь, Симбирский Спасский монастырь имели свои библиотеки с книгами духовно-нравственного содержания.

Помимо перевода денежных средств, монастыри содержали учреждения призрения для престарелых и убогих лиц женского пола. В 1871 году в Сызранском Сретенском монастыре на средства обители была открыта богадельня для призрения беспомощных вдов и сирот из духовного звания и других сословий. При монастыре имелись больница на 4 кровати. В 1880 году в Симбирском Спасском женском монастыре была открыта богадельня для презрения вдовствующих жен и сирот, а также больница на 11 кроватей [2, л. 4; 4, л. 10].

Особенно выделяется подвижничество в воспитательной области. В качестве наказания в монастырь ссылались заключенные из тюрем за различные совершенные противозаконные деяния: В качестве наказания в мо-

настырь ссылались заключенные из тюрем за различные совершенные противозаконные деяния. Из письма игуменьи Марии: «Анастасия Карпова Пименова, крестьянка, несовершеннолетняя преступница села Малого Нагаткина Симбирского уезда, которая выдержала в Монастыре заключение в течение 3 лет, во время коего вела себя хорошо, с покорностью трудилась и работала в богадельне» [5, л. 8].

Женские обители Симбирской Епархии были некими центрами книжности и образования, позволяли обучаться лицам, не имеющим больших денежных средств, содержали сирот и вдовствующих женщин на свои средства. Помимо просветительской и воспитательной деятельности, монастыри оказывали непосильную помощь фронту, снабжая его как материально, так и вещественно.

Библиографический список

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 185. Оп. 1. Д. 12.
2. ГАУО. Ф. 185. Оп. 2. Д. 16.
3. Курьшова Л.В. Социокультурная деятельность женских монастырей во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах женских монастырей Волгоградской области) // Научный проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2.
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 28.
5. ЦГАСО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 32.

А.С. Забараускас

Самарский государственный институт культуры

ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЮ УЕЗДОВ СТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ В ГОЛОДНЫЕ 1911–1912 ГОДЫ

Голод 1911–1912 годов, охвативший целый ряд российских территорий, не обошел стороной Степное Заволжье на юге Самарской губернии. Темой настоящего исследования стали мероприятия по оказанию помощи пострадавшим в одном из крупнейших заволжских уездов – Николаевском. Он появился в составе Саратовской губернии в 1835 г. [1, с. 331], а в Самарскую был включен в 1851 г. [2, с. 9]. Это был уезд с населением, которое быстро росло за счет естественного прироста и миграции. По данным переписи населения 1897 года, доля уроженцев других губерний в Николаевском уезде составила 8,6% [3, с. 148].

Бороться с время от времени повторяющимися неурожаями в России пытались с помощью различных сельскохозяйственных усовершенствований [4, с. 254]. Однако польза от нововведений имела свои пределы, а агротехнические приемы не были свободны от недостатков. Свидетель-

ством тому стал очередной недород в 1911 г. Засушливое лето с горячим степными ветрами нанесло удар по земледелию в Самарской губернии. Вопрос о помощи населению возник уже в июле. Меры по борьбе с неврожаем обсуждались на губернском собрании, где было принято решение о необходимости выделить пострадавшим помощь семенами [5, с. 136].

Однако предупредить голод в губернии только мерами, предпринимаемыми властями, оказалось невозможным. Значительную помощь пострадавшим оказали благотворительные и попечительские организации, и, прежде всего, Российское общество Красного Креста (РОКК). Они оказывали медицинскую и продовольственную помощь населению, проводили различные мероприятия, спектакли и концерты со сборами пожертвований в пользу голодающих [6, с. 819].

Масштаб деятельности этих организаций и размах инициатив нарождающегося гражданского общества в Поволжье будет еще заметней при учете того, что, кроме голодающих, в это время помощь получали другие категории бедствующих даже за рубежом, например, на Балканах [7]. Несмотря на внутренние проблемы и критику внешнеполитических акций царского правительства [8], в Самарской губернии раздавались призывы расширить помощь жертвам Балканских войн [9, с. 46-47].

Самарский губернатор в августе 1911 г. обратился в Главное управление РОКК за содействием. То, в свою очередь, запросило у местного управления организации сведения о том, каковы размеры необходимой помощи и как планируется ее организовать [10, л. 81].

Самарское местное управление РОКК на заседании 1 октября приняло решение открыть бесплатные столовые для детей, стариков, других нетрудоспособных и тех, кто не имел средств прокормить свои семьи. Было предложено объединить усилия Красного Креста с другими обществами и учреждениями, создававшими собственные столовые [10, л. 82].

Для такой координации в деле помощи голодающим создавались местные комитеты. Их возглавляли уездные предводители дворянства [10, л. 82 об.]. Чтобы не допустить бесполезного «соревнования и конкуренции отдельных организаций», устанавливалась стоимость ежедневного пайка, исходя из среднего значения, уже сложившегося «в столовых и питательных пунктах, организуемых некоторыми земствами и обществами» [10, л. 84]. В наиболее пострадавшие уезды, к числу которых был отнесен Николаевский, местным управлением РОКК были направлены врачебно-питательные отряды [10, л. 84 об.].

В Николаевском уезде такой отряд действовал с 1 декабря 1911 г. по 24 июня 1912 г. Им были открыты 4 медицинских амбулатории и 22 столовые. Помощь получили 10800 больных. Было роздано нуждающимся 646785 обедов [10, л. 37].

В списки на питание в первую очередь включались больные цингой и лихорадкой. За ними шли нетрудоспособные: старики, дети, сироты. Спис-

ки составлялись врачом отряда при участии представителей сельской администрации, православного или мусульманского духовенства. Пайки на дом не выдавались, за исключением дряхлых стариков и больных, которые не могли добраться до столовых, и детей, которые не имели теплой одежды и не могли покинуть дом в холодную погоду. Нормы питания учитывали 4 категории: больных цингой, ослабленных голодом и подверженных риску цингой заболеть, страдающих от лихорадки, детей [10, л. 85].

Основную часть денег в сумме 28240 руб. на счет Николаевского уездного комитета Красного Креста направило Самарское местное управление РОКК. Значительную сумму в 1433 руб. 43 коп. составили частные пожертвования. Сбора от благотворительного спектакля в Николаевске принес 270 руб. Эти деньги были потрачены на работу лечебно-питательного отряда, а также на устройство еще трех столовых в Николаевске, сельских столовых в Б. Глушице, Сестрах, Клебенке, Сперанке и пайкового пункта в селе Яблоновый Овраг [10, л. 42 и об., 43 об.-44]. Кроме того, помещик Самарин пожертвовал 100 пуд. ржи жителям Сперанки [10, с. 94 об.].

Архивные материалы о помощи населению уездов Степного Заволжья в голодные 1911-1912 гг. подтверждают мнение историков о том, что в позднеимперской России сложились элементы гражданского общества [11, с. 124]. Зарождались они в городах. Так, в Самаре их формирование в виде добровольных ассоциаций началось в середине XIX в. [12, с. 904]. К началу XX в., как показали рассмотренные события, эти элементы уже активно действовали «за городскими заставами» [13, с. 904]. Совместными действиями с правительством, чья помощь осуществлялась в виде организации общественных работ в пострадавших от неурожая селениях и выделении средств непосредственно крестьянским обществам, активисты РОКК, других организаций, благотворители добились того, что удалось избежать более тяжелых последствий, голодных смертей и вспышки болезней в Самарской губернии и других пострадавших от неурожая районах.

Библиографический список

1. Смирнов Ю.Н. Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 331-336.
2. Смирнов Ю.Н. К 160-летию Самарской губернии: зачем и как она была создана? Самара, 2011.
3. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Самара, 2014.
4. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., Смирнов Ю.Н., Тагирова Н.Ф. Самара, 2007.

5. Чирков М.С. Земство и власть в Российской империи. 1890–1916 (по материалам Самарской губернии). Самара, 2006.
6. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб., 2015.
7. Артамонова Л.М. Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912-1913 годов на Балканах // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 12-15.
8. Артамонова Л.М. Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912-1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов Всероссийской науч. конф., приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны. Самара, 2014. С. 10-19.
9. Смирнов Ю.Н. Особенности восприятия Первой Балканской войны в провинциальном обществе (по материалам либеральной самарской прессы) // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 44-47.
10. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 183. Оп. 1. Д. 52.
11. Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110-126.
12. Смирнов Ю.Н. Воздействие социального и культурного пространства провинциального города на формирование элементов гражданского общества (по материалам Самары в эпоху подготовки и реализации Великих реформ) // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. Материалы IV Международной научно-практической конф.: в 2 ч. Самара, 2016. Ч. 1. С. 358-370.
13. Artamonova L.M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: From Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3-1). С. 899-907.

Л.Г. Мкртчян

Самарский национальный исследовательский университет

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА САМАРСКОГО КРАЯ В 1918-1920 ГГ.

Армянская диаспора Самарского края приобрела юридический статус общины в период второй волны Геноцида армян (1918-1923 гг.) и Гражданской войны. Это было обусловлено резким увеличением численности диаспоры в связи с притоком вынужденных беженцев из Армении и Османской империи.

Хранящееся в ЦГАСО дело с паспортами, выданными армянским подданным на свободное проживание в России, показывает, что в 1918-1920 гг. в Самарский край прибыли сотни армянских беженцев [1]. Пик притока беженцев приходится на весну 1919 г.: это был период массовых миграций преимущественно из Восточной Армении (Эриванской, Елисаветполь-

ской, Карсской губерний), когда там происходили турецкие погромы после ухода русских войск в 1918 году.

Армянские беженцы тысячами хлынули в Поволжье; во многих городах создавались различные общественные организации, такие как дамские попечительские комитеты, которые участвовали в акции по сбору средств («Один армянин — один золотой»), одежды для детей-сирот из числа беженцев [2, с. 138]. А. Амбарян пишет, что к 1919 г. в Среднем Поволжье насчитывалось более 4 тысяч беженцев из Западной Армении [2, с. 142].

Центром прибытия беженцев была Самара, где они получали российские паспорта сроком на полгода. По истечении этого срока они должны были восстановить национальный паспорт [1, л. 1]. Главным основанием для получения российских паспортов были удостоверения и билеты беженцев, выданные Датским Красным Крестом [1, л. 238об.], и удостоверения, подтверждающие национальную идентичность, от пастыря армян г. Самары архимандрита Григориса [1, л. 444об.]. Оба документа выдавались в Самаре. Здесь располагалась Комиссия Датского Красного Креста по защите населения, председателем которой был Гонсдаль [1, л. 238об.].

Миссия Датского Красного Креста выдавала удостоверения различным иностранцам. Можно отметить, что в мае 1919 г. в Миссии обсуждалась возможность эвакуации беженцев из Армении, Гонсдаль собирался поехать в Москву для согласования этого вопроса [3, л. 11об.]. По сути дела, планировалось организовать не просто прием беженцев, а эвакуацию крупных потоков населения из Армении.

По нашим подсчетам, паспорта получили около 400 человек (это приблизительный показатель: в архивном деле отсутствует некое количество вырезанных листов). Пофамильный перечень лиц, получивших российские паспорта, насчитывает 360 армянских подданных. При этом лишь один член семьи получал паспорт, указывая в графе «Семейное положение» имена остальных членов семьи. Судя по этим данным, семья прибывших в среднем состояла из трех человек (показатели варьируются от 2 до 5 человек на семью). Таким образом, общая численность беженцев составляла более тысячи человек.

В Самару беженцы добирались по железной дороге и Волге через Оренбург и Саратов [1, л. 356]. Контингент прибывших относился преимущественно к городским ремесленным слоям. Многие беженцы в анкетных листах отмечали, что родом их деятельности является чувяшничество (производство обуви). Так, Симонянц Унан Степанович указал следующие сведения о себе: армянин 17 лет, армяно-григорианского вероисповедания, чувяшник, выходец из Ереванской губернии, г. Нахичевань, бежал от турок, приехал по билету беженца [1, л. 108].

По-видимому, большая часть беженцев покинула Самарский край, поскольку случаи обновления русских паспортов встречаются редко. Возможно, измученные армяне умерли от страшного голода, настигшего Поволжье в

1920-е гг. Но малая часть их осталась. Их имена встречаются в других архивных источниках, и статистические данные также подтверждают это. Так, если к началу XX в. численность приверженцев Армянской Апостольской Церкви по Самарской губернии составляла 21 человек [4, с. 196], то в 1926 г. она составляла уже 239 человек, 222 из которых проживали в Самаре [5, с. 34]. Следовательно, численность армянской диаспоры Самарского края в результате миграций возросла более чем в 10 раз.

Не случайно именно в годы Геноцида армян была официально оформлена «Армяно-григорианская религиозная община г. Самары» во главе с духовным пастырем архимандритом Григорисом. В тот период действовало Самарское Армянское церковно-приходское попечительство «Святой Гевонд», включавшее Армянскую начальную приходскую школу и Армяно-григорианский молитвенный дом [6]. Статус религиозной общины позволял диаспоре принимать необходимые меры по решению сложных задач, связанных с защитой беженцев и оказанием им необходимой помощи, а также духовного единения армянской диаспоры Самарского края в трагичные годы Геноцида.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-193. Оп.4. Д.8.
2. Амбарян А. Интеграция армянской диаспоры в общероссийский социум на примере Поволжья: ретроспектива проблемы // Власть. 2011. № 11.
3. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.1. Оп.1. Д.134.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XXXVI. Самарская губерния / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.9. М., 1928-1929.
6. ЦГАСО. Ф.Р-828. Оп.3. Д.40.

В.Б. Романова

Самарский национальный исследовательский университет

ДОМА МОДЫ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ПАРИЖЕ В 1920-1930-Х ГГ.

Русская эмиграция многоаспектная проблема, которой посвящено довольно много литературы. Однако исследований деятельности русских эмигрантов в сфере моды несообразно мало. Этой теме посвящена книга историка моды Александра Васильева «Красота в изгнании», где он рассказывает о домах моды, открытых русскими эмигрантами в Париже. В данной статье рассматривается деятельность русских эмигрантов в сфере моды. Предметом анализа являются дома моды открытые эмигрантами в Париже: «Китмир» и «Ирфе».

Многие русские эмигранты «первой волны» обосновывались в Париже. «Русскому, гонимому ветрами скитальчества и приехавшему после долгих мытарств в Париж, могло показаться, что он попал в некую эмигрантскую Мекку, где души странников, утративших отечество, могут, наконец, обрести покой» [5, с. 203]. Здесь, в столице Франции эмигранты, как мужчины, так и женщины, вынуждены были искать себе работу.

Эмигрантки обладали двумя главными качествами для работы в модной индустрии: умели работать с тканью, шить, вышивать и природенной грацией, манерами, умением подать себя. Те, кто постарше, работали портнихами, а молодые девушки шли в манекенщицы «Таким образом, мамы шили, а девушки показывали моду» [2, с. 207].

Одним из самых известных и успешных домов моды был «Китмир». Хотя правильной было бы его назвать не домом моды, а домом вышивки «Китмир». Он имел контракт с домом «Шанель» на поставку вышивок. «Китмир» работал в Париже с 1921 по 1928 г. Основательница дома кузина Николая II великая княгиня Мария Павловна. После событий октября 1917 г. семья ее уехала из России. Весной 1920 г. Мария Павловна едет в Париж для свидания с княгиней Палей и принимает решение обосноваться здесь. В Париж переселился и ее брат Дмитрий Павлович, которого судьба в том же году свела с Габриель Шанель. В Биарицце встретились два мира — императорская Россия и крестьянская Франция [1]. Мария Павловна лично встретила Шанель осенью 1921 г. Эта встреча стала началом деятельности дома «Китмир». Интересна история названия его: «Китмир» — по имени сказочной собаки из иранской мифологии» [3, с. 425]. Ткани раскраивались в доме Шанель, а затем перевозились в ателье «Китмир», где на них переносили рисунок вышивок и мастерицы начинали работу. Большой популярностью пользовались серия туник из серого шелка, вышитых серыми нитками с вкраплениями красного. Дом «Китмир» со временем завалили работой, что иногда он не успевал делать заказы для Шанель. Из-за этого многие клиентки Шанель отказывались от своих заказов. Звездный час наступил в 1925 г. на выставке современного декоративного искусства в Париже (L'Artdeco). «Китмир» получил там золотую медаль. Но позднее финансовые дела дома стали все сложнее. К тому же около 1928 г. вышивка стала выходить из моды, уступая позиции гладким тканям с набивным рисунком. Разоренная Мария Павловна продала свой дом французской фирме «Фритель и Урель», хранящей в своих архивах образцы вышивки «Китмира».

Другой, не менее известный дом моды — «Ирфе» — существовал в 1924–1931 г. Основали его князь Феликс Юсупов Сумароков-Эльстон и жена его княгиня Ирина Юсупова. В 1919 г. они навсегда покинула Россию. В 1924 г. Юсуповы открывают дом моды: «Учитель рисования, из эмигрантов, сдал нам в аренду часть своего помещения на первом этаже в доме на улице Облигадо. ... Ателье мы назвали «Ирфе», сложив первые буквы своих имен»

[4] . Появление моделей дома Юсупова на модном показе в гостинице «Ритц» зимой 1924 г. произвело неизгладимое впечатление на выдающуюся парижскую публику. Дом «Ирфе» стал популярным. Также еще не преданное забвению участие Юсупова в убийстве Распутина, возможность элегантно одеться у «того самого» князя Юсупова положительно действовала на воображение клиенток. Манекенщица в доме Юсуповых Анастасия фон Нолькен вспоминает: «Его (Юсупова) дом напоминал восточный дворец: все кабинки для примерок были обиты серым бархатом с драпированными балдахинами, как в Турции. Сам Феликс принимал клиентов в тюрбане и восточном халате и походил на хана в сопровождении своего любимого бульдога. Его супруга, напротив, была очень скромной и не любила, чтобы мы, манекенщицы, делали ей реверанс при встрече» [1, с. 419].

Искали в «Ирфе» русскую экзотику. Дом славился элегантными платьями удлиненного силуэта, наперекор тогда общепринятой короткой длине. Популярными становятся платья с бисерной вышивкой. Сейчас в Институте костюма музея Метрополитен хранится черное шелковое платье дома «Ирфе». Другое платье хранится у не пожелавшего назвать своего имени коллекционера. Из-за тяжелого финансового положения в 1931 г. было принято решение о ликвидации дела «Ирфе».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что жизнь русских эмигрантов «первой волны» была далеко не легкой. В чужом городе они вынуждены были начинать жизнь с нуля. Особенно тяжело было женщинам приспособиться к новым условиям. Но умея шить, обладая хорошим вкусом, они нашли себя в моде. Эмигрантки основывали свои дома моды, шили одежду, которая пользовалась успехом у парижской публики. Создавая свои наряды, они пытались вдохнуть в них частичку уже навсегда утраченной ими России. «Ведь нас можно изгнать из России, а вот Россию из нас изгнать никак нельзя!» [2, с. 263].

Библиографический список

1. Васильев А.А. Красота в изгнании. М.: Мини. М., 2011.
2. Васильев А.А. Судьбы моды. М., 2016.
3. Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М., 2015.
4. Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М., 2007. URL: <http://www.e-reading.by/book.php?book=67922> (Дата обращения 09.11.2016)
5. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание ... М., 1990.

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ С.Я. ПАРНОК

Первая известная женщина-поэт — это Сапфо с острова Лесбос. «Русской Сафо» в начале XX века называли Софию Яковлевну Парнок. Парнок и Сапфо в своих стихах воспевали богиню любви, но под разными именами.

В классическом литературном направлении, представительницей которого С.Я.Парнок являлась, мифологические образы были не редки. Мифологизировался и сам образ Парнок как «старшей подруги», поэтессы «лесбийской направленности» [6].

С.Я. Парнок ассоциировала себя с Пенфесилеей, царицей амазонок в Малой Азии. Стихотворение «Возвращение» («Сафические строфы»), где лирическая героиня — вышеназванная предводительница, было опубликовано Парнок в сентябре 1916 года в петербургском журнале «Северные записки». Некоторые исследователи находят в нем повествование об утрате поэтом подруги-Цветаевой, об ее возвращении к мужу. «Письмо к амазонке» М.И.Цветаевой подтверждает эту гипотезу [1].

Одну из своих подруг, Н.Е.Веденеву, Парнок сравнивает (стихотворение «Я, как слепая, ощупью иду...») с богиней солнца (возможные прототипы — Персефона и Гелиос), которая вошла в ее слепой, т.е. лишенный чувств, мир и дала ей возможность ориентироваться «в Плутоновом саду» (саду Гесперид) и мифологическом пространстве у входа в Аид (Смерть) [4]. В архаической Греции Сапфо не могла и помыслить об обожествлении кого-либо из своих учениц.

В стихотворении «О, чудный час, когда душа вольна...» Парнок, скорее всего, использована прямая аллюзия («зашли Плеяды») на недавно датированный 570 г. до н.э. фрагмент Сапфо о созвездии [8]. Согласно античной мифологии, семь самых ярких звезд скопления Плеяды — это семь дочерей царя Атласа (Атланта). Шесть из них, возлюбленные богов, хорошо видны невооруженным глазом, а седьмая, Меропа, ставшая женой простого смертного Сизифа, едва заметна [4].

В современности творчество С.Я.Парнок становится все более и более известным русскому читателю, а историческая ретроспектива и сравнение женщин-поэтов позволяет лучше понять мифы древних народов и культуру новейшего времени.

Библиографический список

1. Бургин Д.Л. Мать-природа против амазонок. Эл.ресурс: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=about&id=3>
2. Мир античности в зеркале русской поэзии. Антология. Т. 1. Мифология. М., изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2014.

3. Парнок С. Я. Собрание стихотворений. СПб., 1998.
4. Пахомова О. С.Я. Парнок. 1932-1933 гг. Эл.ресурс: <http://parnok.ru/?p=199>
5. Полякова С. В. Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок. Эл.ресурс: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=about&id=15>
6. Саакянц А. А. О любви. Эл.ресурс: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=about&id=4>
7. Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII – нач. XX вв. СПб., Дмитрий Буланин, 2003.
8. Эл.ресурс: <http://naked-science.ru/article/sci/astronomy-datirovali-drevnegrechskuyu>

К.В. Захаров

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

РЕПЕРТУАРНАЯ ПОЛИТИКА ТЕАТРОВ Г. ВОЛГОГРАДА В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX В.

До 1991 г. в сфере театрального искусства сохранялось государственное планирование по количеству премьер, регулярных спектаклей, наполняемости залов. Основные направления репертуарного плана оставались в ведении властных органов [1, с. 6-8]. Но в 1991 г. было принято «Положение о театре в РСФСР», которое наделяло театры всеми правами, обеспечивающими свободу творческой деятельности, независимость в выборе художественных направлений, репертуара [2]. Также свобода творчества была утверждена в «Основах законодательства РФ о культуре» 1992 г. в статьях 10 и 11 [3, с. 6,7], что сказалось на репертуарном плане волгоградских театров.

В 1992 г. волгоградские зрители могли посетить постановки 6 театров города-героя: Театр музыкальной комедии, Театр юного зрителя, Новый экспериментальный театр, Кукольный театр, Театр одного актера и Казачий театр. На складывание репертуарного плана каждого коллектива влияли условия, в которых театрам приходилось работать: реконструкция собственной сцены, отсутствие должного материально-технического оснащения, нехватка персонала, недостаток финансирования, слабая наполняемость зала и т.д. [4].

Исходя из объективных условий функционирования театров, мы можем выделить особенности их репертуарной политики:

1. Театр одного актера, Волгоградский театр музыкальной комедии и Драматический казачий театр из-за отсутствия собственного помещения в начале 1990-х гг. гастролировали по городам Волгоградской области, а также районам г. Волгограда [5, л. 13]. Соответственно количество премьерных спектаклей было минимальным.

2. Открытие малой сцены в Театре юного зрителя в 1990 г. привело к возникновению в Волгограде характерного явления российского театра того периода — актерской саморежиссуре. Однако, этот феномен имел двойственный характер: не смотря на обилие ярких актерских постановок, у постановщика спектакля не было профессионального режиссерского образования [5, л. 7].

3. Волгоградский ТЮЗ для привлечения в зал зрителей обратился сначала к творчеству волгоградского писателя Л. Габышева, поставив пьесу «Од-лян или воздух свободы», которая, однако, не имела зрительского успеха [5, л. 12]. А затем в 1996 г. Л. М. Аронов поставил спектакль «Лолита», который вызвал широкий общественный резонанс и привлек аудиторию в ТЮЗ [6].

4. Волгоградский областной театр кукол кроме, непосредственно, показа спектаклей внутри театра, осуществлял программу приобщения детей и их родителей с проведением «театральных гостиных», детского театрального клуба «Волшебный занавес». Также труппа проводила уроки театрального искусства в школах и гимназиях, встречи со зрителями. Но кризисное материальное положение театра требовало ориентации не только на детскую аудиторию. Так в театре предприняли попытку играть спектакли для взрослого зрителя, однако это решение так и осталось не воплощенным. Кроме регулярных репертуарных спектаклей театр показывал социально значимые постановки, например агитационные спектакли на пожарную тему [5, л. 17,19].

5. В тоже время в Волгограде был Новый экспериментальный театр, который не испытывал никаких проблем с материальным оснащением. Театр мог похвастаться рядом спектаклей как отечественных авторов разных эпох (М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Г. Горин, С. Злотников и др.), так и постановками классических зарубежных драматургов (У.Шекспир, Ж.Б. Мольер, П. де Бомарше и др.). Также в театре игрались постановки в инсценировке зарубежных режиссеров, например, «Трамвай «Желание» по пьесе Т. Уильямса в постановке Жозефины Аббади и «Вид с моста» А. Миллера в режиссуре Кена Марини. Такой обширный репертуар, качественные костюмы из лучших ателье страны, а также богатые декорации способствовали стабильному интересу со стороны зрителей [6, с. 12].

6. Волгоградские театры имели возможность играть свои спектакли не только на сцене родного города, но и в других странах и регионах. Актеры НЭТа знакомили со своим творчеством иностранных зрителей [5, л. 6], а труппа ТЮЗа гастролировала и участвовала в совместных проектах с немецкими театрами в Берлине [8]. Также театры нередко участвовали в международных, всероссийских и областных театральных фестивалях, однако больших призов волгоградским коллективам выиграть не удалось.

Итак, репертуар волгоградских театров в 1990-е гг. был достаточно насыщен и разнообразен. Однако в основном спектакли, в основном, выпускались исходя из материальных возможностей театра в данный момент, а также исходя из желания привлечь зрителя любыми способами. Практически все постановки преследовали коммерческий интерес, но достичь ус-

пеха в полной мере удалось лишь Новому экспериментальному театру. НЭТ имел возможность ставить спектакли любого жанра и сложности, ездить на заграничные фестивали, приглашать иностранных режиссеров, заказывать уникальные декорации и дорогие костюмы в столичных цехах. Все остальные театры такого себе позволить не могли и руководствовались коммерческой выгодой при выборе пьес для постановок.

Библиографический список

1. Абабкова Н.Н. Идеино-теоретические основы культурной политики на юге Дальнего Востока Советского Союза в области театрального искусства на начальном этапе перестройки // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013. №4 (41). [Научная электронная библиотека «Киберленинка»] сайт. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ideyno-teoreticheskie-osnovy-kulturnoy-politiki-na-yuge-dalnego-vostoka-sovetskogo-soyuza-v-oblasti-teatralnogo-iskusstva-na-nachalnom>

2. Мешкова В.А. Формирование государственной политики в сфере культуры и ее государственно-правовое регулирование // [Московский гуманитарный университет. Научная деятельность] сайт. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Meshkova/>

3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре // Сборник законодательных актов Российской Федерации. Вып. XX. 9 октября – 3 ноября 1992 г. М.: Известия, 1992.

4. Захаров К.В. Деятельность театров г. Волгограда в 1990-1995 гг. (на материалах периодической печати и ЦДНИВО) // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». №4(08). 2016. С. 71-75. // Студенческий электронный журнал Стриж [сайт]. URL: <http://strizh-vspu.ru/jurnal/26>

5. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф.Р.-6791. Оп. 1. Д. 388.

6. Белянский В. Только театр // Грани культуры. 2013. № 7(70).

7. Мы. Пятый театральный сезон: 1993-1994 гг. // Волгоградское арендное полиграфическое производственное предприятие «Офсет». Волгоград, 1993.

8. Беспальцева Г. Первые гастроли ТЮЗа в дальнем зарубежье // Городские вести. 1993. 11 июня.

А.В. Устинова

Самарский государственный институт культуры

ВОЖДЫ «СКОТНОГО ДВОРА» Д. ОРУЭЛЛА: ПОИСК СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сатирическая повесть «Скотный двор» под авторством Джорджа Оруэлла появилась на свет в феврале 1944 года. Написанная простым языком в расчете на последующие переводы, эта повесть носила отчетливо публицистический и политический характер: слишком уж очевидными были аналогии с тоталитарными империями, в том числе со сталинским режимом

СССР [1, с. 197]. Ставя себе цели вроде бы политические, Оруэлл написал и глубоко психологическую вещь о динамике личности человека и общества в предлагаемых условиях, фактически классифицировав людей и описав каждый тип.

Изолированная от внешнего мира, принадлежащая исключительно своим обитателям, ферма в повести является аллюзией, которая весьма обоснована реалиями того времени, которое можно назвать эпохой тоталитарных империй. В свою очередь художественные **образы героев повести** отсылают читателя к реально существовавшим политическим деятелям — либо конкретным, либо обобщенным прототипам. Основными героями являются свиньи, в традиционной символике ассоциирующиеся с человеческими пороками.

Пророком восстания животных является боров Главарь. Перед читателем предстает образ бунтаря против существующих порядков. Такие встречи в мировой истории всегда, и в определенной степени этот образ бессмертен, пока существует человечество. Мечтой Главаря, под которым автор мог подразумевать В. Ленина, была свобода животных, и после его смерти начинается стихийное восстание зверей против хозяина фермы мистера Джонса. Аналогия с упадком Российской империи времен царствования Николая II более чем очевидна. Внутреннее политическое противостояние между людьми (богачами) и животными (бедняками) завершается формированием нового идеального общества, основанного на принципах равенства.

Одним из главных героев повести является Наполеон, лидер восстания. После революции он захватывает единоличную власть, как естественным, так и силовым путем, используя репрессивный аппарат в лице свирепых собак. Псы не гнушаются самой грязной работы. Тут речь идет о соотношении таких величин, как носитель власти и карательная система. Агрессивный Наполеон напоминает аналог Иосифа Сталина, во время правления которого создавался похожий культ. Впрочем, в этом образе можно увидеть общий тип правителя эпохи Реставрации традиционных форм правления. Правительственная позиция Наполеона укрепляется посредством лжи и обмана: семь заповедей, написанных на стене амбара, постоянно изменяются в соответствии со «злостью дня», приобретая новый, необходимый вождю, смысл. Очень аллегорично прописана автором трансформация первоначального варианта заповеди «Все животные равны» в издевательское «Все животные равны. Но некоторые — равнее» [2, с. 11]. Мысль Оруэлла метафизична: абсолютная власть превращает в зверя практически любого носителя этой власти. [3, с. 39].

Еще один из лидеров восстания — кабан Обвал. До захвата Наполеоном власти Обвал постоянно конфликтует с ним, и является автором идеи строительства ветряной мельницы, которая призвана облегчить тяжелый труд на ферме. Необходимо отметить, что в данном случае просматривается алле-

горя на процесс индустриализации в СССР. После узурпации власти Наполеоном Обвал, как инакомысл, изгоняется с фермы. Проводя аналогии с временем создания произведения, Обвал является косвенной отсылкой к Л. Троцкому, проигравшему политическую борьбу Сталину. Среди свиней также стоит упоминания персонаж с говорящим именем Стукач. Убедительный лжец и оратор, ответственный за пропаганду на ферме, он, как истинный ангажированный режимом пропагандист, постоянно восхваляет действия Наполеона. В окружении любого облеченного властью человека такие типы неизбежны, поэтому по мысли автора прототипом Стукача считается В. Молотов.

Овцы – олицетворение толпы неграмотных людей, воплощающих в жизнь вбитые в их головы бессмысленные лозунги. Они не способны мыслить самостоятельно, и от того принимают любые нововведения как истину в последней инстанции. Ослик Вениамин представляет собой диссидентскую прослойку общества. Именно этот герой лучше всех понимает суть происходящего, и трезво смотрит на развитие революции. Боец – трудяга-конец, символизирующий собой рабочий класс, который готов работать день и ночь не за еду, а за идею. Автором показывается отношение соседних ферм (стран) – Плутни (США) мистера Калмингтона (прототип – Уинстон Черчилль) и Склоки (Германии) мистера Питера (Адольфа Гитлера) к новой ферме.

Расслоение внутри животного мира происходит постепенно, но процесс этого неизбежен. Когда раскрывается культ личности Наполеона, к животным приходит осознание тягот влачимои ими жизни. Очень просто на примере обычной фермы Оруэлл в формате образной аллегории показывает все стадии революции, от благих намерений до полнейшей диктатуры и полного своеволия [4, с 49]. Господство одних сменяется господством других, и все романтические побуждения к равенству наталкиваются на реализм того, что в природе его нет и быть не может. Завершается история практически театром абсурда – установлением дружественных отношений с людьми и полным уподоблением им свиней, которые вначале начинают ходить на двух ногах, затем носить человеческую одежду и пить с человеком за одним столом [5, с 15].

Но не стоит ли пристальнее задуматься об образах героев, особенно Наполеона – не как об одной конкретной личности, но как образе собирательном, являющим собой психотип поведения всех вождей нашей земли вплоть до нынешнего времени. Если взглянуть на многих персонажей именно как на образы символические, а не конкретные, то произведение предстанет не только сатирой на человечество, но и пророчеством-предостережением.

Библиографический список

1. George Orwell the Essays [Text]: / P. Marks. Bloomsbury, 2011. 226 p.
2. Critical Companion to George Orwell [Text]: / E. Quinn. Facts On File, 2009. 465 p.

3. Why Orwell Matters [Text]: / C. Hitchens. Basic Books, 2002. 235 p.
4. Orwell, Politics, and Power [Text]: / C. L. Carr. Continuum, 2010. 178 p.
5. Orwell's Nose: A Pathological Biography [Text]: / J. Sutherland. Reaction Books Ltd.
6. Оруэлл Д. 1984; Скотный двор: Роман, сказка, эссе / Джордж Оруэлл; [Пер. с англ. Л. Беспаловой и др.]. М : ЭКСМО, 2002. 443 с.

С.Н. Абрашкин

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

ВОСПРИЯТИЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ 1950-Х – НАЧАЛО 1960-Х ГГ.)

Одним из элементов технического прогресса XX столетия, оказавшим большое влияние на жизнь, быт и судьбы целых поколений, явилось открытие телевидения, которое пришло в нашу область во второй половине 1950-х гг. 12 октября 1957 г. в телеателье №60 г. Куйбышева Н.П. Фоменко принял первый телевизионный сигнал с телецентра, в эфире появилась настроечная таблица 0249. С этого дня начались пробные передачи. Для жителей города наступила новая социально-бытовая и интеллектуальная эпоха [5, с. 25].

Началась она с разъяснительной работы среди населения. По решению председателя областного комитета по телевидению и радиовещанию А.К. Швеева проводились встречи с жителями Куйбышева во дворцах культуры, на предприятиях и в кинотеатрах. Председатель рассказывал о телевизионных программах, которые намечались к трансляции, инженеры — о том, как правильно настроить телевизор, установить и подключиться к приемной телевизионной антенне. Новая информация вызывала не всегда адекватную реакцию. Так, на одной из встреч один из присутствующих не выдержал, выкрикнул «шарлатаны» и покинул зал [4, с. 194].

К октябрю 1957 г. через торговую сеть города было продано более 5 тысяч теприемников. 7 ноября 1957 г. была организована первая праздничная студийная программа [5, с. 32]. Звукорежиссер М. Осташевский так вспоминал реакцию зрителей на праздничную передачу: «Передача, безусловно, вызывала фурор. Люди смутно представляли себе телевидение. Думали, что будет нечто вроде проводного радио с какими-то картинками, и потому увиденное, конечно же, было для них подлинной сенсацией. Сказать в ту пору кому-то, что можно будет смотреть футбол, не выходя из дома, так засмеяли бы» [3, с. 25].

12 марта 1958 г. Куйбышевский телецентр официально приняли в эксплуатацию. Спрос на телевизоры стал расти [4, с. 202]. Соседи счастливых

обладателей телевизоров (а квартиры были в основном коммунальные) с утра стучались с просьбой прийти вечером смотреть телепрограммы. Приходили семьями, если не хватало стульев, то взрослые и дети сидели на полу. Программы показывали не всю неделю. Вторник был выходным днем, поэтому в этот день те, у кого телевизоры, были по-настоящему счастливы [2, с. 67].

С благоговением относилось население к радиомеханикам, которые занимались ремонтом телевизоров: специалиста, устранившего неисправность на дому, обязательно приглашали к столу [5, с. 27-28].

Самыми значительными людьми на телевидении являлись дикторы. Их знали, любили, писали им письма. Чтобы не случилось – разбило дорогу, потек водопровод, плохо стала работать больница – обращались к ним [2, с. 68]. Даже в парикмахерскую дикторов пропускали без очереди, чтобы не опаздывали к эфиру: их узнавали везде. Где бы ни появлялись дикторы, их сразу заваливали вопросами, цветами, а в урожайный год овощами и фруктами [3, с. 166].

Не оставляли зрители без внимания и местный Комитет по телевидению и радиовещанию, в который поступали сотни писем с просьбами помочь в самых различных ситуациях, иногда трагикомических. Например, сохранилось письмо старшего экономиста Вахрушина, в котором он просит принять меры по отношению к руководству универмага, неоновая вывеска которого, мигая каждую секунду, не дает ему спокойно смотреть телевизор [6, л. 114].

Горожане принимали активное участие в жизни телевидения. На второй общегородской конференции телезрителей, состоявшейся 21 декабря 1960 г., работники комитета по телевидению и радиовещанию и куйбышевской студии телевидения выслушали советы и пожелания рабочих, учителей, инженеров. Они советовали внести улучшения в содержание спортивных и детских программ, обращать внимание на жизнь молодежи, студентов [7, л. 9-10]. Сельский учитель Чуприкова предложила отменить вторник как выходной день, так как «вторник скучный день, особенно сельским жителям, мы кроме телевизора мы ничего не видим» [7, л. 11].

Жители села, как и горожане, покупали телевизоры, сами изготавливали сложные приемные антенны. Но на расстоянии свыше 80 километров, несмотря на хорошие антенны, качество принимаемых изображения и звука не могло быть хорошим. И все же сам факт приема программы на таких расстояниях от телецентра радовал людей [5, с. 34]. Особенной любовью сельчан пользовался журналист А.К. Воронцов, посвятивший свою творческую жизнь проблемам села и его жителей. Его, как настоящую «звезду» телевидения 60-х гг., встречали в деревнях специально сочиненными частушками:

«Анатолий свет Кириллыч к нам приехал на село,
и теперь нас всех снимает телевидение само!» [1, с. 20].

А.К. Воронцов оставил яркие зарисовки об особенностях вхождения телевидения в повседневную жизнь населения Куйбышевской области: «На телевизор приглашали знакомых, как на блины или пельмени. В городе собирались у телевизоров смотреть передачи, в деревне это называлось глядеть дикторов. Не обходилось без курьезов. Так, в селе Елховка разъяренная колхозница уничтожила телеприемник, приревновав мужа к Алле Браило, первому диктору студии» [3, с.170].

К середине 1960-х гг. телевидение прочно вошло в быт людей, перестало быть чудом. Появление телевизора в доме стало обычным явлением. Решением Правительства СССР во втором квартале 1967 г. приемная телевизионная сеть была передана в ведение Министерства бытового обслуживания [4, с. 222].

Библиографический список

1. Исаева И. Добрый вечер, сельчане! // Самарская газета. 2012. 24 ноября.
2. Кожин Б.А. Рассказывает Борис Кожин. Самара: Метид, 2013. 432 с.
3. Окно, распахнутое в мир. Самарскому телевидению 50 лет: Книга об истории развития телевидения в Самарской области / авт.-сост. Э.М. Кондратов, Н.П. Фоменко. Самара: Книга, 2008. 354 с.
4. Фоменко Н.П. Былое. От тихой Сосны до берега Волги. Самара: Книга, 2012. 402 с.
5. Фоменко Н.П. Чудо 20-го века. История развития телевидения в Самарской (Куйбышевской) области. Самара: Книга, 2010. 104 с.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф-Р. 3405. Оп. 2. Д. 386.
7. ЦГАСО. Ф-Р. 3405. Оп. 3. Д. 29.

К.Н. Посашкова

Тольяттинский государственный университет

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

В середине XX века в России в связи с промышленным подъемом активизируется процесс возникновения новых вузов, главным образом для подготовки инженерных кадров.

С середины XX века Ставрополь (с 1964 г. — Тольятти) становится площадкой для строительства важных промышленных объектов в рамках реализации программы «Великие стройки коммунизма», которая была разработана в конце 40-х г. XX века в СССР. Одновременно остро встал вопрос о нехватке квалифицированных кадров для проведения масштабных работ на строительстве Волжской ГЭС им. Ленина, химических и других про-

мышленных предприятий. Для решения этих задач в Ставрополе в 1951 г. было открыто вечернее отделение Куйбышевского индустриального института. Впоследствии вуз несколько раз преобразовывался. Наконец, в 1967 г. на базе Тольяттинского филиала Куйбышевского политехнического института был создан Тольяттинский политехнический институт.

Перед ректором ТПИ к.т.н., профессором А.Н. Резниковым встала новая задача – необходимо было сформировать высокопрофессиональный коллектив педагогических и научных кадров. Отныне развитие науки в институте стало приоритетным направлением. Уже на рубеже 1960-70-х гг. начали создаваться и развиваться научные школы ТПИ. Во-первых, в рамках ТПИ на новый виток развития вышла научная школа А.Н. Резникова, сформировавшаяся в конце 1950-х г. в Куйбышеве и положившая начало новому научному направлению – технологической теплофизике в области резания [1, с.4]. В 1973 г. в Тольятти из Тулы переехал профессор М.А. Криштал, талантливый ученый и педагог, он создал школу металлофизиков, известную не только у нас в стране, но и за рубежом [2, с.310]. Разработки, выполненные под руководством М.А. Криштала только за период с 1975 по 1985 гг., обеспечили годовой экономический эффект 1,63 млн. рублей [3, с.7]. Характерно, что вместе с руководителями научных школ в Тольятти переезжали их коллеги и ученики. В этот же период на базе ТПИ была создана научная школа по проблемам сварочного производства, руководителем которой стал В.И. Столбов.

Благодаря работе научных школ вузом в короткий период был осуществлен значительный качественный скачок в развитии научно-исследовательских работ. Если в 1967 г. объем НИР в ТПИ по хоздоговорам составил 185 тыс. рублей, в 1968 г. – 500 тыс. 443 рублей, в 1969 г. – 752,3 тыс. рублей, то уже в 1970 г. – 1000 тыс. рублей [4, л.17; 5, л.30].

Характерно, что больший процент НИР ТПИ осуществлялся по заказам промышленных предприятий города, области и страны. Технологические возможности института и большая заинтересованность ученых позволили перейти к широкому промышленному внедрению нового оборудования и аппаратуры, спроектированных тольяттинскими специалистами, более чем на 17 предприятиях страны [4, л.16]. Только в 1968 г. экономический эффект от реализации НИР составил 396,75 тыс. рублей, через год он увеличился практически вдвое и достиг 781,333 тыс. рублей [6, л.21]. Особое место в НИР занимали работы, проводимые для Волжского автомобильного завода. Запланированный на 1970 г. пуск ВАЗа потребовал решения целого ряда важных проблем освоения производства. Общий объем НИР ТПИ для ВАЗа в 1969 г. составил 30% от общего объема [6, л.13].

Еще одной особенностью этого периода стало создание новых научно-исследовательских лабораторий при кафедрах. Только в 1969 г. было организовано 4 лаборатории: «Электронная микроскопия», «Автоматическое управление и регулирование механических систем», «Спектральный и рентгеноструктурный анализ», «Теплофизика и технологические процессы» [6, л.25].

Одновременно с развитием НИР в ТПИ увеличивалось и количество участников в этой работе. К примеру, если на 1 января 1969 г. в НИР принимало участие 450 человек [4, л.13], то к концу года их количество увеличилось на 17% и достигло 528 человек [6, л.14]. Под руководством профессоров ТПИ в 1969 г. были защищены 5 кандидатских диссертаций, а в следующем году уже в два раза больше – 11 [6, л.27; 5, л.38]. Одновременно к НИР подключались и студенты. В 1969 г. в ТПИ было организовано студенческое научное общество.

Таким образом, ТПИ в период промышленного развития г. Тольятти стал основной площадкой для подготовки инженерных кадров. Одной из приоритетных задач вуза стало развитие НИР. Руководителями научных школ, в ТПИ стали специалисты, приехавшие в Тольятти из различных уголков СССР. Благодаря их деятельности были подготовлены тысячи научных разработок, воспитаны сотни высококвалифицированных научных и инженерных кадров. Наконец, немаловажным результатом этой работы становился тот факт, что в г. Тольятти появляется научная интеллигенция и меняется социокультурный облик города.

Библиографический список

1. Безгина О.А. К вопросу становления инженерных научных школ Тольяттинского государственного университета // Концепт. 2015.
2. Резников А.Н. Эскизы прошлого в проекции на настоящее. Самара: Корпорация «Федоров», 1998.
3. Профессор М. А. Криштал и его научная школа: сборник / М.А. Выборщик и [др]. Тольятти: ТГУ, 2009.
4. Управление по делам архивов г.о. Тольятти. Ф. Р353. Оп.1. Д. 49.
5. Управление по делам архивов г.о. Тольятти. Ф. Р353. Оп.1. Д. 169.
6. Управление по делам архивов г.о. Тольятти. Ф. Р353. Оп.1. Д. 98.

Д.Е. Гребень

Московский государственный университет

ИЗМЕНЕНИЯ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ ТУВИНСКИХ ВЛАСТЕЙ НА БУДДИЗМ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Тувинская Народная Республика вошла в состав СССР в 1944 году. Политика тувинских властей в советский период по своей жестокости была далека от репрессий 1930-х гг., санкционированных правительством ТНР, однако также носила ярко выраженный антирелигиозный характер. Действуя в рамках общегосударственного курса, тувинские власти вели активную антирелигиозную пропаганду, закономерным результатом которой стало резкое сокращение числа верующих, уход буддизма в подполье.

Официальный взгляд на буддизм на местном уровне в этот период достаточно полно отражает статья М.Х. Маннай-оола «К вопросу о реакционной сущности ламаизма» [1, с. 60–68]. Буддизм здесь, традиционно для марксистской историографии, представлен исключительно как инструмент феодальной эксплуатации населения; его основные догматы призывают «к пассивному отношению к жизни, терпеливому перенесению лишений и страданий, безропотному подчинению эксплуататорам».

С началом Перестройки возник запрос на возрождение местной национальной культуры, в том числе и религии, как ее неотъемлемой части. Интеллигенция стремилась возродить традиционную тувинскую форму буддизма, сочетавшую буддийские ритуальные практики с элементами шаманизма. Являющееся по сути общим местом в региональной политике большинства народов бывшего СССР в перестроечный период, национально-культурное возрождение, нацеленное на поиск собственной идентичности и разработку символов этой идентичности, рано или поздно становилось инструментом политической борьбы [2, с. 109]. Не стала исключением и Тува.

Тувинские власти, в отличие от интеллигенции, не видели ни необходимости, ни возможности возрождения региональной формы буддизма. Е.А. Островская [3, с.16] отмечает, что местные НГО, сделавшие первые шаги к возрождению традиционной тувинской версии буддизма, были вытеснены буддийскими организациями международного уровня, а также организациями других регионов России (московский Центр тибетской культуры и информации, Общество друзей Тибета). Местные власти способствовали утверждению тибетского буддизма и, по всей видимости, рассчитывали сделать его силой, консолидирующей население республики, опираясь при этом на международный авторитет Далай-ламы XIV. Тувинские власти финансировали строительство буддийских храмов [4, с. 101], участвовали в институционализации буддизма на местном уровне [5, с. 75].

В 1992 году тувинским правительством был инициирован визит Далай-ламы XIV в республику. Ставший мощным толчком к оживлению религиозной жизни, визит широко освещался местной прессой; президент республики Шериг-оол Ооржак сопровождал Далай-ламу в ходе всей поездки [6]. Между правительствами Тувы и Тибета были подписаны соглашения о сотрудничестве в области религии — с тибетской стороны предполагалось осуществление помощи в восстановлении буддийских хурээ, предоставление на безвозмездной основе религиозной атрибутики и литературы [7, с. 110].

В 1997 году состоялся Всетувинский учредительный съезд буддистов РТ, на котором был избран первый тувинский Камбы-лама — глава местной буддийской сангхи. Кандидатура избранного Аганака Хертека была поддержана НФХТ (Народный Фронт «Хостуг Тыва» — местная политическая организация националистического толка), представители которого, как отмечает У.П. Опей-оол [5, с. 75], «сделали себе тем самым хорошую

предвыборную рекламу» и смогли провести членов своего движения в парламент. Непосредственное участие в церемонии посвящения Камбы-ламы принимал президент республики – вместе с полномочным представителем Далай-ламы XIV в России Джампа Тинлеем он вручил Камбы-ламе головные уборы – символы Верховного ламы Тувы [8].

При финансовой поддержке правительства РТ был построен храм Це-ченлинг, ставший официальной резиденцией Камбы-ламы. Церемония освящения храма была приурочена к празднованию 55-летия вхождения Тувы в состав СССР – более чем неоднозначный шаг, учитывая активность, с которой местными политиками эксплуатировалась тема подавления религии в СССР.

Политические силы республики не дистанцировались от возрождения буддизма в регионе как предполагал заложенный в Законе «О свободе вероисповеданий» 1990 года курс на построение аконфессионального государства [9], а, напротив, принимали в этом процессе решающее участие, стремились его максимально контролировать. В 1990-е годы произошло утверждение тибетской формы буддизма в республике; буддизм стал одним из факторов самоидентификации тувинцев, а также важнейшим инструментом упрочения политического влияния в Туве на долгие годы вперед.

Библиографический список

1. Маннай-оол М.Х. К вопросу о реакционной сущности ламаизма // Ученые записки ТНУИЯЛИ. Кызыл, 1960.
2. Панарин С.П. Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России // Вестник Евразии. 1996. №2.
3. Островская Е.А. Буддийские общины Санкт-Петербурга. СПб., 2015.
4. Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.) Новосибирск, 2001.
5. Опей-оол У.П. Современное состояние буддизма в Туве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. М., 1999. №2.
6. Итоги визита Далай-ламы в Туву // Его святейшество Далай-лама XIV (http://dalailama.ru/news/visits/visit-1992t/196-dalai_lama_in_tuva.html) [цит. 10.11.2016].
7. Хомушку О.М. Религия в истории культуры тувинцев. М., 1998.
8. Манын-оол В. Аганак Хертек: у меня не было такой цели, но выбор народа пал на меня // Центр Азии. № 45 (<http://www.centerasia.ru/issue/1997/45/4902-aganak-khertek-u-menya-ne-bilo-takoy.html>) [цит. 10.11.2016].
9. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985-1997 гг. (<http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-195/>) [цит. 10.11.2016].

СЕКЦИЯ V. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н.Г. Мещеряков

Самарский национальный исследовательский университет

ВЛИЯНИЕ СОФИСТИКИ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ АФИН

Софистика как феномен интеллектуальной жизни переживает сейчас свое новое рождение. Исследователи говорят о «третьей софистике» как о сложившемся феномене [6, с. 8, 24], который тесно связан с медийностью и публичностью нашего времени. «Вечное возвращение» софистики свидетельствует о том, что этот феномен требует нового осмысления. Именно поэтому в данной статье мы обращаемся к истокам этого течения мысли, и попытаемся не столько раскрыть его содержательную сторону, сколько проследить то влияние, которое оказала софистика на историю такого крупного полиса как Афины.

С расцветом афинской демократии в V в. вся интеллектуальная деятельность, развернувшаяся в греческих колониях Ионии, Малой Азии и Южной Италии концентрируется в Афинах. Город наполняется людьми пытливого ума, учеными и учителями, которые привносят в полис новые способы мышления, из которых не все принимаются афинянами охотно [1, с. 27]. Именно эти, «новые интеллектуалы» оказывают серьезное влияние на общественную жизнь Афин, трансформируя их идеологический климат.

Ключевым сюжетом афинской идеологии для нас будет рассмотрение философии софистов, поскольку в рассматриваемый период, философия приобрела антропологический и, в какой-то мере, даже «бытовой» характер, обращая свое внимание на жизнь эллина.

Во второй половине V века софисты развернули широкую деятельность в Афинах. Сам термин «софист» — первоначально обозначал человека, владеющего неким особым мастерством или специальным знанием, которое он применяет, чтобы принести пользу в жизнь своего общества. М. Оствальд пишет, что «софист» есть тот, кто хочет делать что-то полезное, опираясь на здравый смысл [5, с. 429]. Уже здесь мы видим новое, рациональное зерно, в рассуждениях этих интеллектуалов. Именно «здравый смысл» требует от софистов перейти от абстрактных метафизических построений к человеку, он же требует за обучение брать деньги, что считалось нонсенсом.

Именно поэтому софисты были не только философами, но и преподавателями мудрости, обучающими управлению частными и общественными

делами [4, с. 89]. Очень точная характеристика этому феномену была дана Платоном: «софистика... искусство приобретать, менять, продавать... торговать духовными знаниями, а именно рассуждениями и знаниями, касающимися добродетели» (Платон. Софист. 224d).

Софистам принадлежит целый корпус идей, которые оказали серьезное влияние на последующую жизнь полиса. Важнейшей мыслью софистов было то, что всякое законодательство, будучи искусством, далеко от истины (Платон. Законы. X. 889e), поскольку искусство – субъективная деятельность [3, с. 13]. Таким образом культивировалась мысль об отсутствии в природе справедливости и подрывалась полисное правосознание афинян.

Другой не менее важной мыслью было провозглашение верховенства принципа релятивизма, которое еще больше возвышало индивида, и провозглашало именно его главным мерилом и критиком. Наиболее точно звучит эта мысль в знаменитом тезисе Протагора: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» (Платон. Теэтет. 152a).

Софисты давали знания своим слушателям по самым разным наукам, однако все без исключения обучали искусству слова, риторике. Это было связано с афинской прямой демократией, где способность убеждать и воздействовать словом могла оказаться решающей. С другой стороны, обученный риторике афинский гражданин смог успешнее обеспечить защиту своих прав в суде [2, с. 110-111]. Все это обнажало недостатки полисной демократии, где решающее слово оставалось не за истиной, а за уловкой; распространение демагогов в Афинах выглядит логичным следствием подобного обучения.

В политике софисты отстаивали так называемое «право сильнейшего». Платон в своем «Государстве» излагает понимание Фрасимахом справедливости. Он заявляет: «Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему» (Платон. Государство. I. 338c). Резонно вспомнить «Мелосский диалог» Фукидида (Фукидид. История. V. 85-111), где явственно видно, что именно этим софистическим принципом руководствовались и Афины в своей политике.

Действуя в русле философской традиции, софисты обращают свой взор к человеку, делая его не только объектом своего рассмотрения, но и предлагают ему применяемое в полисной жизни знание, которое является продуктом творческого осмысления софистами прошлой философской традиции. И это абсолютное новаторство в истории античности; прямая рецепция философских идей через образование и политику в полисную жизнь, которая буквально взрывает последнюю.

Библиографический список

1. Адо П. Что такое античная философия? М. 1999.
2. Бриссон Л. Софисты // Греческая философия под ред. М. Канто-Спербер в 2-х т.Т.1. М., 2006.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики в 8 т. Т.2. М., 2000.
4. Нересеянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979.
5. Оствальд М. Афины как культурный центр // Кембриджская история Древнего Мира. Т. 5. М., 2014.
6. Третья софистика: теоретический альманах “ResCogitans #7”. М., 2010.

Е.Е. Стрижакова

Самарский национальный исследовательский университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТРИЦЫ У

В истории средневекового Китая, во время династии Тан, есть уникальное время, когда во главе государства стояла женщина – императрица У Цзэтянь (624 – 705). Уникальным этот период считается потому что, во-первых, во главе Китая встала женщина, во-вторых, она приняла титул «хуанди», в-третьих, провозгласила новую династию Чжоу (690 – 705) и единолично правила Китаем пятнадцать лет.

Внутренняя и внешняя политика императрицы была направлена прежде всего на укрепление и легитимацию своей власти: «В 689 г. было упразднено имя династии Тан, а 19 октября 690 г. императрица приняла титул императора. Буддисты немедленно написали сочинение, доказывающее, что У – дочь Будды и должна наследовать империю у династии Тан. В благодарность за поддержку, императрица издала указ, повелевавший во всех городах страны строить буддийские храмы» [1, с. 173].

Целью моей работы является рассмотреть основные направления и результаты внешней политики императрицы У.

Наиболее важными направлениями во внешней политике У были: Тибет, Корея (государство Объединенная Силла), конфедерация тюрских кланов и Япония.

В 640 Тибет и империю Тан связал династический брак. Благодаря этому браку, на Тибете распространяется влияние династии Тан. Но уже в 650 году при регенстве премьер – министра Ludongzan Тибет стал сильным, и начал вторжения на территорию Китая. Впервые императрица У столкнулась с тибетской армией через два года после прихода к власти. В 692 году императрица посылает генерала Ван Сяоцзе войной на Тибет, результатом которой стало возвращение 4 областей – Куча, Керия, Кашгар и Суяб, которые заняли тибетцы в 670 году. За время правления У Тибет и Китай ни раз сталкивались в боях, в 692, 696, 700, 702 годах. И не всегда

эти столкновения были удачными для Тан. Так в 696, армия Тан под командованием Ван Сиоджи (Xiaoji) и Лу Шида (Shide) потерпела поражение от тибетских войск. После этого Тибет послал гонца, чтобы просить руки другой принцессы, что давало надежду императрице У на официальное признание со стороны Тибета, условием этого брака был вывод солдат Чжоу из провинций отвоеванных в 692 году. В результате соглашение достигнуто не было. Таким образом на тибетском направлении был достигнут лишь частичный успех, удалось вернуть под свой контроль часть территорий, но военный успех не был закреплен дипломатически и военное противостояние между Китаем и Тибетом продолжалось.

Основной проблемой для Китая того времени были кочевники с севера, Конфедерация тюркских кланов в империю начала сразу же после смерти первого мужа У Цзэтянь. Клань имели тесные отношения с династией Тани поэтому не признали У императором, тем более новой династии. В 698 хан тюркского клана, выслал к правительству Чжоу гонца. У него была дочь, и он хотел женить ее на дворянине Китая. У Цзэтянь видимо увидела в этом прекрасную возможность убить одним выстрелом двух зайцев: 1) через брак она расширила бы границы влияния Китая; 2) брак с китайским принцем означал признания ее, как главы государства. Ухватившись за эту возможность Великая императрица У послала своего внучатого племянник, чтобы тот женился на дочери хана. Однако же Хан схватил его: «Я хочу женить мою дочь на принце с фамилией Ли, а не У. Он не сын императора. Семья Ли всегда относился к нашему племени так хорошо. Я слышал, что почти все потомки семьи Ли были убиты. Теперь остались только два (он имел в виду двух сыновей императрицы У). Я пойду с моей конницей, чтобы поддержать сыновей семьи Ли» [2, с. 169]. Так начался вооруженный конфликт, который закончился победой Чжоу. Таким образом императрице не удалось добиться признания и обеспечить стабильность на северных границах.

Интерес представляет политика У по отношению к Японии. Дело в том что с 631 года Япония направляла своего посланника в Китай всего лишь 5 раз. Можно предположить, что У считала, что именно с Японией ей будет проще всего добиться стабильных политических отношений и признания ее правителем с их стороны. Известно что именно при ее правлении в отношении другого государства впервые прибегли к «услугам» панд — дипломатии (панда олицетворяет искренность, дружелюбие, терпимость и доброту). Императрица подарила двух панд Японскому императору, но, как и многое другое, после ее смерти об этом забыли, и лишь с 1950-х годов такая практика стала регулярной.

Рассмотрев внешнюю политику У Цзэтянь, можно прийти к выводу, что главными ее стремлениями были:

1. Признания своего статуса хуанди другими государствами.
2. Расширить сферу влияния Китая.

Однако ей удалось достичь лишь частичного успеха при достижении как одной, так и другой цели. Ее деяния сразу же забылись или же были отменены после реставрации династии Тан. Уже во времена династии Сун ее императорский титул не признавался. Сима Гуан в своем труде «Zizhi tongjian», написанном в этот период, называл У Цзэтянь только «вдовствующая императрица», но никак не хуанди [3, vol. 205].

Библиографический список

1. Гумилев Л.Н. Древние тюрки // М., 1967.
2. Woo X.L. Empress Wu the Great. Algora Publishing N.Y., 2008.
3. Sima Guang. Zizhi Tongjian, vol. 205.

Е.О. Айзенштадт

Самарский национальный исследовательский университет

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА ГЕНРИХА II. ГЕРМАНИЯ XI В.

Одной из центральных проблем, рассматриваемого исторического пространства, является взаимоотношение между церковной и светской властями, так как борьба между ними красной нитью проходит через всю историю Европы в средних веках.

И именно в Германии противоборство церкви и светской власти раскрываются наиболее ярко, особенно в период правителей Саксонской династии (919 – 1024), отличившейся яркой церковной политикой, начало которой положил Оттон I. Завершающим этапом стало правление Генриха II (1002-1024), получившего имя «Святой», но практически не изученный в отечественной историографии.

Данная тема является актуальной в связи с тем, что в советской историографии вопросы, связанные с взаимоотношениями светской и церковной властями в Европе изучались мало. Стоит сказать, что не рассматривались почти любые вопросы, связанные с церковью за исключением роли церкви в процессе феодализации. Это было связано с господствующей в то время атеистической идеологией, которая не способствовала любым исследованиям, связанным с религией и церковью.

Генрих Святой был третьим по счету герцогом Баварским из рода Людольфингов и приходился правнуком родоначальнику Саксонской династии Генриху I Птицелову. После смерти своего отца Генриха Сварливого он в 995 г. был избран герцогом Баварским и с тех пор считался одним из самых могущественных и влиятельных князей империи.

На протяжении всего правления Генриха II основным направлением его внутренней политики стала церковь, ее институты, назначение кандидатов на церковные посты, управление епархиями и епископствами [6, с.115].

Сразу же после прихода на герцогство в Баварии Генрих II провел реформу монастырей по образцу реформированного монастыря Горце в Лотарингии, находившегося под влиянием Ключи.

Одним из элементов реформирования монастырей было назначение новых кандидатур на должность аббатов. В 1001 году, для реализации этой реформы, будучи еще Генрихом IV Баварским, назначил Годехарда аббатом монастыря Нидеральтейх, расположенный в Баварии. Годехард использовался в качестве проводника политики Генриха II. Одновременно герцог вывел монастырь из подчинения епископства Эйхштетте (Бавария) и сделал все, чтобы провести там реформу по бенедиктинским правилам. Когда Годехард провел в монастыре Нидеральтейх реформу, он получил от герцога указание принять под свое управление и монастырь Тегернзее (Бавария). Он не только смог наладить дисциплину в монастыре, но и освободил монастырь от зависимости епископства Фрейзинг (Бавария) [8, с. 216].

Генрих, если вводил нормы поведения в императорских монастырях, установленные еще Бенедиктом, то добивался их установления последовательно и жестоко и даже с применением силы, как, например, в случае с монастырем Корвей, расположенный на реке Везер в 2 км. от города Хекстер (Северный Рейн-Вестфалия) [8, с. 222]. Об этом монастыре написано в «Кведлинбургских анналах»: «Вторично посетив Корвейцев, император своей властью изменил некоторые привилегии и обычаи предков, удалив отца монастыря, привел к ним неизвестного» [1, с. 73].

Другим направлением его политики стало назначение епископов. Особо стоит подчеркнуть, что, так как епископы для Генриха были надежной опорой, то и к назначению их на посты он относился последовательно и строго. Причем он назначал епископов почти всегда сам, зачастую идя вразрез с каноническим правом, предписывающим выборы прелатов. Поэтому многие епископства до последнего не знали, кто будет ими управлять [2, с. 166] «В связи со смертью многих отцов церкви, все боязливо ждали от императора в чье попечение их отдадут» [1, с. 85-86], написано в Кведлинбургских анналах. Таким образом, Генрих устанавливал следующие порядки: капитул должен был представить своего кандидата на должность, а затем Генрих предоставлял им инвеституру, вручая ему знаки власти.

Но чаще всего, Генрих назначал епископов, не учитывая мнение местного законодательного органа. То есть если кандидат предложенный капитулом не устраивал Генриха, то мнение капитула не учитывалось, и назначался свой человек, близкий королю. Это было отмечено в Хронике Титмара Мерзебургского: «В Имбсхаузене был низложен Вал, аббат Корвейский. На его место без согласия братии был назначен Друтмер. И вся община ушла» [2, с. 138].

Говоря о создании Генрихом новых территориальных церковных образований, стоит сказать отдельно о епископстве Бамберг, основанное 1 октября 1007 года, за которое Генрих получил прозвище Святой. «Король во

Франкфурте созвал поместный собор, где были все епископы по ту сторону Альп. В городе Бамберг было учреждено епископство» [2, с. 105], — сказано в Кведлинбургских анналах Подчиненное Майнцской архиепархии и, однако, находящееся под особым покровительством Рима, епископство Бамберг занимало отдельное положение среди немецких епископств [4, с. 169].

Епископство было создано на северо-восточных границах рейха как мощный католический центр. Место для бастиона христианства действительно являлось стратегически необычайно важным: центр, как предполагалось в будущем, тесно связанный с короной, оказывал сильное влияние на пока еще находившиеся под властью языческих норм и традиций пограничные славянские земли [8, с. 216].

Оценивая церковную политику Генриха II, непременно стоит отметить его активное участие в управлении епископствами, так как считал церковные институты основной опорой его государственной политики. Порой, такое участие превращалось в жесткий контроль и подчинение их своей власти. Генрих смело разрушал старые порядки, установленные в церковных институтах, вмешивался в церковные обычаи, лишал епископства права выбора и ставил нужных себе людей с целью укрепления своей власти.

Церковная политика Генриха II стала завершающим этапом политики, начатой еще Оттоном I, направленной на создание системы взаимоотношений двух крупных институтов власти — императора и церкви, получившее название имперская церковь.

Библиографический список

1. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. М., 2012.
2. Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005.
3. Большие анналы Хильдесхайма. Немецкие анналы и хроники X-XI с. М., 2012.
4. Бульст-Тиле М. Л., Йордан К., Флекенштейн Й. Священная Римская империя: эпоха становления / Пер. с нем. Дробинской К.Л., Неборской Л.Н. СПб., 2008.
5. Рапп Ф. Священная Римская империя германской нации: от Оттона Великого до Карла V. СПб., 2008.
6. Рыбаков В.В. Предисловие // Немецкие анналы и хроники X-XI столетий.
7. Рыжов К.В. Все монархи мира: Западная Европа. М., 2001.
8. Хефер М. Император Генрих II / Перевод с немецкого Васина М.В. М., 2008.
9. Трильмих В. Епископство Мерзебургское / Перевод с лат. И.В. Дьяконова. М., 2005.
10. Hampe K. Deutsche Kaisergeschichte in der Zeit der Ottonen und Salier. Darmstadt, 1969.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДИСКУССИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США (1820-1840-Е ГГ.)

В 1835 году американские поселенцы в Техасе, который тогда входил в состав Мексики, восстали против диктатуры генерала Антонио Санта-Анны. В ходе вооруженной борьбы, войска Техаса под командованием своего будущего президента Сэма Хьюстона разгромили мексиканские войска в битве при Сан-Хосинто, и 14 мая 1836 г. в Веласко Санта-Анна подписал договор, который техасцы трактовали как признание своего суверенитета [5, с. 117].

Уже в ноябре 1836 г. в личном письме американскому президенту Эндрю Джексону, избранный президент Техаса сообщил: «Мое главное желание заключается в том, чтобы наша страна, Техас, вошла в состав Соединенных Штатов на основе справедливости и взаимной выгоды для обеих сторон».

В начале 1837 года Соединенные Штаты первыми из иностранных государств признали Техасскую республику. Однако когда спустя несколько месяцев речь зашла о вхождении Техаса в состав США, американское правительство заявило о несвоевременности подобного шага.

Поэтому подготовка аннексии осуществлялась в глубокой тайне. Основная борьба по техасскому вопросу предстояла на «внутреннем фронте».

В марте 1841 года во главе внешнеполитического ведомства встал Дэниел Уэбстер, который считал главной целью американской внешней политики расширение торгово-экономических связей, а не территориальные приобретения. Уэбстер полагал, что Соединенные Штаты «должны быть довольны существующими границами» [7, с. 205]. Кроме того, для него, как и для многих представителей северных штатов, «непреодолимым препятствием для аннексии» являлось рабство.

В противовес ему, президент США Джон Тайлер высказал заинтересованность в приобретении новых территорий. В октябре 1841 года он писал Уэбстеру о необходимости присоединения Техаса. Президент признавал, что определенные сложности могут возникнуть в связи с проблемой рабства, однако он выражал надежду, что это препятствие не окажется непреодолимым. Так, Тайлер рассчитывал, что представители Севера одобряют аннексию, если в то же самое время будут приняты жесткие меры по ограничению работорговли [6, с. 254].

После отставки Уэбстера пост государственного секретаря занял министр Военно-морского флота, виргинец Абель Апшер, поскольку он выражал интересы тех представителей южного общества, которые были заинтересованы в присоединении Техаса.

Смена руководства Государственного департамента и последовавшее за этим заключение договора об аннексии Техаса означали переход американского правительства от договорной модели внешней политики к конфрон-

тационной. В то же время не было ясности и в том, готова ли страна поддерживать новую конфронтационную внешнеполитическую модель, а также все внешне- и внутривнутриполитические осложнения, которые сопутствовали ее осуществлению. Ответ на этот вопрос должен был дать американский конгресс.

Ответом на него стало появившееся в начале марта 1843 года «Обращение к гражданам свободных штатов Союза», подписанное 13 конгрессменами-видами от северных штатов (впоследствии их число выросло до 21) во главе с Джоном Куинси Адамсом.

Включение в состав США обширных территорий, на которых уже существует рабство, по мнению авторов обращения, вело к увеличению количества рабовладельческих штатов и соответственно способствовало «увеличению рабства и укреплению господства рабовладельцев». «Обращение» заканчивалось призывом к северянам выступить единым фронтом против аннексии и предупреждением, что присоединение Техаса «будет означать расторжение Союза» [4, с. 173-175].

Опасения Адамса даже на Севере казались преувеличенными. «Мы надемся, что ни в одной части страны не существует намерения поставить под угрозу безопасность этого Союза ради аннексии Техаса или какой-либо иной иностранной территории или народа. Если же подобный безумный проект будет всерьез представлен вниманию конгресса, конгрессмены от свободных штатов должны решительно и незамедлительно положить ему конец», — писала в этой связи *Boston Atlas* [1, с. 3].

Проблема экспансии оказалась в центре предвыборной кампании 1844 года. В ходе долгой политической борьбы президентом США был избран демократ и убежденный сторонник территориальной экспансии Джеймс Полк, основным пунктом программы которого было обязательное присоединение Техаса и Орегона [2].

Таким образом, обсуждение аннексии и связанной с ней проблемы рабства поляризовало американское общество по линии Север — Юг, что ставило под угрозу стабильность двухпартийной системы и целостность Соединенных Штатов. Лидеры обеих партий приложили все усилия для того, чтобы удержать политическую борьбу в традиционных рамках, изменяя собственную позицию по техасскому вопросу в соответствии с настроениями избирателей. Демократы одержали победу с минимальным преимуществом. Не теряя зря времени, они заявили, что рассматривают результаты выборов как мандат на присоединение новых территорий. К власти в США предстояло прийти убежденным сторонникам экспансии, готовым использовать конфронтационную модель внешней политики для осуществления территориальных приобретений.

Библиографический список

1. *Boston Atlas*. May 9, 1843.
2. Democratic Party Platform of 1844. Режим доступа: URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?Pid=29573>. (Дата обращения 14.05.2015).

3. Houston S. The Writings of Sam Houston, 1813–1863. Vol. 1. 1813–1836. Austin, Tex., 1938.
4. Niles National Register. Vol. 64. May 13, 1843.
5. The Treaty of Velasco, My 14, 1836. // Documents of Texas History. Austin, Tex., 1963.
6. Tyler L.G. The Letters and Times of the tylers. Vol 1. Rychmond (Va.) Whittet and Shepperson, 1884-1896.
7. Webster D. The Writings and Speeches of Daniel Webster. Vol. 1-18. Boston, 1903. Vol. 2. Speeches on Various Occasions.

Н.В. Бахута

Самарский национальный исследовательский университет

КОСОВО НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ СЕРБОВ И АЛБАНЦЕВ

Образ Косова, который складывался у сербов и албанцев на протяжении XIXвека, в ходе военных и политических конфликтов начала XX века, приобрел устойчивые черты в сербской и албанской национальных идеологиях.

Образ Косова в начале XXвека, с точки зрения сербов, включал четыре позиции:

1) Косово есть прародина сербского народа, есть ядро сербской государственности. Косово – это природная почва, создавшая идею «сербства» [1, с. 4].

2) Косово есть «святая земля» для любого серба, так как на территории Косова находятся исторические памятники «золотого» прошлого сербского народа, которые «серба делают сербом»: руины столиц Сербии времен Неманичей: новопазарского Раса, Приштины, Призрена, место поклонения героизму Милоша Обилича, огромное множество древних сербских христианских храмов [2, с. 236].

3) В Косово живут только сербы, ибо в Косово не могут проживать албанцы. Албанцы, которые живут в Косово, вовсе не албанцы, а сербы, которые были подвергнуты насильственной «албанизации» потуреченными албанцами и утратили свое национальное православное самосознание [3, с. 8].

4) Территория Косова не только является ядром «сербства», но и есть великая награда сербскому народу за избавление Балканского полуострова от турецкого ига, «за победы под Куманово и Приштиной» [3, с. 9].

Образ Косова в начале XXвека, с точки зрения албанцев, также включал четыре позиции:

1) Косово есть ядро албанского народа. Здесь зародилась идея албанской государственности, за которую боролись албанские национальные герои Призренской лиги (1878-1881) и стремились воплотить в реальность их потомки [4, с. 275].

2) Косово есть центр «албанизма». Албанцы, проживающие в Косово, придерживаются различных политических течений, разных вероисповеданий, но они все равно едины — ибо все албанцы обладают единой идеомой: верой в единство и силу албанского государства, символом которого является Косово [5, с. 125].

3) Территория Косова должна принадлежать Албании на основании этнического принципа: в шести округах Косова, доля албанцев от населения края приближается к 80% [6, с. 30].

4) Земли Косова не должны входить в состав Сербии, как «великая награда за успехи в избавлении Балкан от турок», их судьба должна быть решена только «великими державами» [5, с. 125].

Образ Косова как у сербов, так и у албанцев, в течении XXвека обогащался историко-идеологическим материалом, вызывая острый интерес и сохраняя свою притягательность и в наше время. При этом не приходится забывать, что основные контуры «сербского» и «албанского» образов Косова сформировались в начале XX века.

Библиографический список

1. Симић С. Питање о Старој Србији. Београд, 1911.
2. Проглашења Петра I Карагеоргиевића према србском народу 18 Октобара 1912 // Балканскират 1912-1913, у слици и речи, уредио Душан Мил. Шијачки / 2-ое изд., Београд, 1922.
3. Гласник Српскога географскога друштва, 4. 1913. Свеска 4-5; Границе и склоп наше земље // Цвијићевакњига. Београд, 1926.
4. Appellandie Albaner Ismail Qemali 28 November 1912 // Ekrem BeyVlora. Die Wahrheituber das Vorgehen der Jungturken in Albanien. Wien, 1913.
5. Memorandum of the Albanian delegation to the conference chairman E. Grey 2 January 1913 // Kondis B. Greece and Albania, 1908-1914. Thessaloniki, 1976.
6. Weigand G. Ethnographie von Makedonien. Leipzig, 1924.

А.А. Степанова

Московский государственный университет

ЧАРЛЬЗ СТЮАРТ ПАРНЕЛЛ И ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПАРТИЯ 1884-1886 ГГ. ПЕРВЫЙ БИЛЛЬ О ГОМРУЛЕ

Избирательная реформа 1884 г. предоставила домовладельцам в Ирландии избирательное право, тем самым увеличив электорат втрое и значительно расширив отражение спектра общественного мнения. Это привело к апогею ирландского парламентаризма в 1885-1886 гг., когда в Вестминстере прочно закрепились тори и их союзники либеральные юнионисты. Чарльз Стюарт Парнелл — идеолог ирландской фракции в парламенте — умело заигрывал с общественным мнением как в самой Ирландии, так и в

Великобритании. Кэтрин О'Ши, жена Парнелла, через которую он общался с премьер-министром Уильямом Гладстоуном, пишет ему, что «лидеров английского общественного мнения следует попросить рассмотреть возможность даровать Ирландии конституцию <...> [и] необходимость закрепить на практике некоторые гарантии, первая для сохранения главенства и власти Короны, вторая для справедливых отношений с лендлордами и третья для укрепления свободы совести и справедливого отношения большинства к меньшинству» [1, MS 15, 735]. Это была по сути первая попытка сформулировать реальные требования к новому биллю.

В 1885 г. Парнелл провозглашает, что отныне ирландская Парламентская партия перед страной ставит единственную цель – достижение национальной независимости [2]. Парнелл и его партия видели гомруль, прежде всего, как местное правительство с широкими полномочиями, страну, «свободную как штат в великом Американском Союзе – вольную принимать свои собственные законы для своего собственного народа своим собственным способом» [3].

Через Кэтрин О'Ши Парнелл передает Гладстоуну документ под названием «Предложение по конституции Ирландии» [4, р. 317-319]. «Предложение» формулировало основную схему пунктов будущего билля о самоуправлении. Положения документа гласили: создание национального ирландского парламента, в руках которого будет находиться практически полный контроль над внутренними делами; протестантам гарантировалось в нем представительство в пропорции от их численности, однако в праве вето им отказывалось; должность лорда-наместника Ирландии упраздняялась, однако законы, принимаемые ирландским парламентом, должны были утверждаться Вестминстером. Вопрос дальнейшего ирландского представительства в английском парламенте Парнеллом затронут не был. Этот проект был гораздо радикальнее, чем либералы и тем более консерваторы могли принять. Но несмотря на это, он оказал колоссальное влияние на билль, представленный в Палате Общин в 1886 г.

Результаты выборов ноября 1885 г. в Ирландии показали безоговорочную поддержку населением гомрулеров. Они получили 86 мест в парламенте (включая 17 голосов Ольстера), образовав баланс между 335 либералами и 249 консерваторами [5, р. 128].

8 апреля билль был представлен в Палату Общин премьер-министром. По словам Гладстоуна, это не был законченный документ, однако неохваченными остались только относительно незначительные моменты [6, vol 304, cols. 1036-85]. Основные положения билля были таковы: в Дублине создается двухпалатная ассамблея сроком на 5 лет; ирландский парламент призывает главенство Короны; ирландская местная исполнительная власть отвечает перед законодательной; католики допускаются в государственные учреждения; внешняя и колониальная политика, армия, полиция, налоги и таможенные пошлины остаются в ведении Короны; парламент не может вносить поправки в Государственный акт об Ирландии; отменяются все при-

вилегии и ограничения по конфессиональному признаку; ирландские депутаты больше не представляются в Вестминстер. Билль не предложил удовлетворительного обоснования сохраняющемуся верховенству Вестминстера, при этом полностью исключив оттуда ирландское представительство.

Дебаты по поводу билля в Палате Общин продолжались с 8 апреля по 7 июня. Оппозиция разделилась на четыре части: консерваторов, правых либералов, ирландских юнионистов и нонконформистов. Их всех связывал страх перед католицизмом, возможный удар гомруля по империи, недоверие к парнеллитам и несовершенства билля Гладстоуна. Ни Палата Общин, ни общественное мнение не были готовы поддержать настолько радикальный проект. Ранним утром 8 июля гомрулеры проиграли голосование 311 против 341 голоса [7, р. 116]. Однако Парнелл определенно мог считать результат голосования 8 июля моральной победой, поскольку с этого момента проблема гомруля и ирландский вопрос не покидали стен Вестминстера.

Библиографический список

1. Katharine O'Shea's letter to Gladstone from 5 July 1885. (National Library of Ireland MS 15, 735).
2. The Times. 25 August 1885.
3. The Times. 29 September 1885.
4. A proposed constitution for Ireland (prepared at Parnell's direction – 30 October 1885) / O'Day A. Irish Home Rule 1867-1921. Manchester, 1998.
5. Hoppen K. T. Elections, Politics and Society in Ireland 1832-1885. Oxford, 1984.
6. Hansard, HC deb. Vol 304, cols. 1036-85. (08 April 1886).
7. O'Day A. Irish Home Rule 1867-1921. Manchester, 1998.

Д.С. Парфирьев

Московский государственный университет

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ЕДИНСТВО: УКРАИНСКИЕ ПОЛИТИКИ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После вступления Австро-Венгрии в Первую мировую войну, 1 августа 1914 года, во Львове был создан Главный украинский совет (ГУС) – межпартийный орган для координации политической акции австрийских украинцев в условиях войны. В него вошли представители трех украинских партий – национально-демократической (УНДП), радикальной (УРП) и социал-демократической (УСДП). Во главе ГУС встал лидер УНДП, популярный галицийский политик Кость Левицкий. 3 августа Совет издал манифест к украинскому народу, в котором, выступая от лица этого народа, выразил безоговорочную поддержку Австро-Венгрии как защитнице украинцев [1, с. 1].

В преддверии занятия Львова российскими войсками большинство членов ГУС переехали в Вену, но некоторые остались или задержались. Из-за этого в столице Совет не смог собраться в полном составе, и его функции быстро «перехватили» два влиятельных украинских лидера, галичанин Кость Левицкий и представитель Буковины Николай Василько. Политики выгодно дополняли друг друга: первый имел большой авторитет у населения и украинских элит Галиции, второй – обширные связи в австрийских правящих кругах. «Тандем» монополизировал все контакты с австрийскими властями: с первых дней войны Левицкий и Василько активно встречались с австрийскими официальными лицами, однако соратникам об этих встречах сообщали далеко не все. Украинскую политику в Австрии они проводили самостоятельно, всячески препятствуя любым попыткам нарушить сложившуюся монополию [2, арк. 3; 3, с. 198–199]. Жестче всего на такое положение дел реагировала группа оппозиционно настроенных украинских депутатов австрийского парламента (рейхсрата) от УНДП. Они обвиняли лидера своей партии и политика из Буковины в скрытности, лжи и стремлении вытеснить с политической арены несогласных [2, арк. 3]. Фигура Василько вызывала у «оппозиционеров» особое отторжение: в нем видели ставленника правительства и причину всех проблем украинской политики. Противники деятельности «тандема» считали, что буковинского лидера надо отстранить от руководства украинской политической акцией, а ведение внешней политики и рассмотрение текущих вопросов – поручить специальной парламентской комиссии [4, арк. 59–59об; 5, с. 320–321].

В октябре 1914 года заседания ГУС возобновились в Вене. Социал-демократы, радикалы и представители Союза освобождения Украины (СОУ) – организации украинских эмигрантов из России, – выступали за превращение Совета в орган, представляющий интересы всех украинцев. Оппозиционное крыло УНДП предлагало пополнить ГУС за счет галицийско-украинских депутатов рейхсрата и сосредоточиться на защите интересов украинцев Галиции, но не Буковины. Буковинцы, в свою очередь, хотели создания единой организации для Галиции и Буковины, но без представителей СОУ. Вопрос реорганизации ГУС был предметом долгих переговоров представителей разных политических сил. Как позднее писал Левицкий, главный камень преткновения лежал «не во взглядах на суть, но в личных посягательствах» [6, с. 70–72].

В декабре 1914 года Украинский парламентский клуб превратился в базу оппозиционных курсу Левицкого–Василько сил, ядро которых составили несогласные с их политикой депутаты-представители УНДП [5, с. 322]. В руках Левицкого и его сторонников остались крупнейшие украинские печатные органы – «Дело» и «Свобода», а также высший орган УНДП – Народный комитет [7, с. 11]. Украинский клуб распустил прежний состав «парламентской делегации» и на смену ей учредил «парламентскую комиссию клуба» в составе Левицкого, «оппозиционера» Е. Петрушевича и умеренно настроенных Е. Олесницкого и Ю. Романчука. Вскоре двое последних добровольно вышли из состава комиссии, и их сменили

единомышленники Петрушевича С. Голубович и Л. Цегельский [8, с. 5]. Оказавшись в «парламентской комиссии» лицом к лицу с тремя «оппозиционерами», Левицкий стал уклоняться от созыва ее заседаний и способствовать дискредитации этого органа в подконтрольной ему прессе. Имея большинство в Народном комитете УНДП, сторонники К. Левицкого сопротивлялись реорганизации ГУС и саботировали все идеи Украинского парламентского клуба [2, арк. 13–14]. Градус напряжения между двумя крылами УНДП в ту пору был столь высок, что их представители не разговаривали друг с другом, взаимодействуя при посредничестве членов других партий [7, с. 11]. Сам Левицкий дважды откладывал заседания ГУС, а затем инициировал решение Народного комитета отозвать из Совета всех членов УНДП. Созвав ГУС, он сам сообщил его членам это решение, а затем объявил о роспуске органа, после чего покинул заседание [2, арк. 15–16].

Таким образом, уже в первые месяцы войны в украинском политическом лагере в Австро-Венгрии наметились серьезные разногласия, постепенно переросшие в конфронтацию, причем в центре конфликта оказались противоречия между группами представителей одной и той же, самой влиятельной в Австрии украинской партии, – УНДП.

Библиографический список

1. Український Народ! // Діло. 3 серпня 1914. Ч. 171.
2. Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДАУЛ). Ф. 581. Оп. 1. Спр. 91.
3. Макух І. На народній службі. Дітройт, 1958.
4. ЦДАУЛ. Ф. 382. Оп. 1. Спр. 1.
5. Расевич В. Діяльність українських політичних організацій у Відні під час Першої світової війни // Вісник Львівського університету. Серія: Історична. Вип. 34. 1999. С. 317 – 330.
6. Левицький К. Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів, 1928.
7. Баран С. Від Головної до Загальної Української Ради // Діло. 24 квітня 1938. Ч. 88. С. 9 – 11.
8. З діяльності української репрезентації // Діло. 23 січня 1915. Ч. 211.

Ю.С. Наймарк

Самарський національний дослідницький університет

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗДЕЛА ПАЛЕСТИНЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918-1939)

Развитие данной проблемы происходило в несколько этапов, начало было положено уже в ходе Первой мировой войны как следствие соперничества ведущих держав за господство на Ближнем Востоке. В первые месяцы войны Англия и Франция заявили о своих притязаниях на территорию Палестины:

– Англо-французское тайное соглашение 1916 г. Сайкс-Пико, которое предложило вариант раздела палестинской территории. Данное соглашение не удовлетворяло интересы ни одной из сторон;

– Декларация Бальфура 1917 г.; декларировалось, что Британия «смотрит положительно на основание в Палестине национального дома для еврейского народа» [1].

После войны идеи раздела продолжали развиваться, обретая различные варианты данного процесса. Так, например, в 1919 г. была создана американская специальная комиссия во главе с дипломатами Г. Кингом и И. Крейн-ном. Отчет комиссии Кинга-Крейна не был представлен на рассмотрение Парижской мирной конференции и не имел практических последствий.

В 1922 году Лига Наций вручила Великобритании мандат на Палестину, объясняя это, кроме прочего, необходимостью «установления в стране политических, административных и экономических условий для безопасного образования еврейского национального дома» [4]. В то время страну населяли преимущественно арабы-мусульмане, однако самый крупный город, Иерусалим, был преимущественно еврейским [3, с.148]. А из-за Яффских бунтов в самом начале Мандата, Британия ограничила еврейскую иммиграцию. При этом арабская иммиграция не ограничивалась [7, с. 27].

Оценивая интенсивность развития данной территории, стоит отметить, что и арабская, и еврейская общины Палестины демонстрировали в мандатный период хорошие темпы экономического развития. Но евреи демонстрировали исключительные темпы роста, на фоне которых достижения арабской общины оказываются в разы слабее. Также экономическое развитие двух общин слабо зависело друг от друга. В еврейском сегменте экономики Палестины в межвоенный период наблюдались два больших цикла, связанных в первую очередь с притоком иммигрантов. Первая волна экономического роста отмечена в начале 1920-х гг., а вторая – в начале 1930-х гг. (то есть в период Великой депрессии на Западе в Палестине наблюдалось экономическое оживление). Иммиграция и импорт капитала тесно связаны с развитием экономики региона. Спады экономики еврейской общины связаны как с исчерпанием импортированных ресурсов, так и с арабскими восстаниями (первое серьезное волнение произошло в 1929 г.). В арабском сегменте экономики колебания были более частыми.

1920-е–1930-е гг. стали временем активного развития Палестины в разных отраслях хозяйства и в становлении научно-технических, исследовательских, и образовательных институтов. Отметим, что и британские мандатные власти содействовали созданию научно-технической инфраструктуры Палестины.

К 1936 г. Еврейская и Арабская общины представляли собой практически независимые друг от друга структуры, каждая из которой обладала собственной политической, экономической и социальной организациями. Единственное, что их объединяло – это Британский мандат. Стоит отметить, что с 1936 г. регион находился в условиях арабского восстания, кото-

рое по охвату начинало перерастать в гражданскую войну. Совокупность факторов подтолкнула британское правительство к скорейшему оформлению идеи раздела Западной Палестины между евреями и арабами. Концепция была официально выдвинута в 1937 г. королевской комиссией по Палестине, созданной для расследования арабо-еврейского конфликта 1936 г. Отчет и рекомендации комиссии (ее возглавлял лорд Пиль), опубликованные 7 июля 1937 г., среди прочего гласили, что «первоочередная цель [британского] мандата... способствовать созданию еврейского национального очага» [2, с. 4]. Вместе с тем, комиссия отмечала, что «в нынешних условиях в Палестине невозможно одновременно идти навстречу арабским требованиям самоуправления и гарантировать создание еврейского национального очага» [2, с. 6]. 20-й Сионистский конгресс (август 1937 г., Цюрих) заявил, что план комиссии Пилия неприемлем [8]. А арабы ставили своей целью предотвратить раздел страны, считая, что она по праву принадлежит им, и опасаясь, что еврейское государство, в случае его создания, сможет стать трамплином для экспансий в будущем. Также и комиссия Вудхеда (Комиссия по разделу Палестины), созданная британским правительством в 1938 г. пришла к заключению, что план раздела, предложенный комиссией Пилия, невыполним [2, с.203].

Делая выводы, следует обозначить, что уже к 1936 г. сложились предпосылки раздела Палестинской территории (ограничение периода до 1936 г. вызвано тем, что 1936-1939 гг. особый период, относительно данной проблемы, т.к. Арабское восстание стало серьезной угрозой дальнейшего развития Палестины и планов раздела в том числе). К предпосылкам раздела можно отнести такие факторы как:

1. Военно-политический: формирование органов самоуправления; создание военных подразделений, в том числе и подпольных организаций, например, еврейская «Хагана» или арабская «Черная рука».

2. Экономический: формирование двух секторов экономики, слабо связанных между собой; резкий рост еврейского сектора палестинской экономики, в разы опережающий арабский.

3. Социально-культурный: увеличение численности еврейского населения (к концу 1939 г. доля евреев в населении Палестины увеличилась с 4 до 30 %); социальное расслоение; рост городов, следовательно, и городской культуры, чуждой арабскому укладу жизни; культурные особенности.

Библиографический список

1. Balfour Declaration 1917. The Avalon Project at Yale Law School. Yale University, 1917.
2. British Policy in Palestine, 1937-38: From the Peel to the Woodhead Report, Bulletin of International News, Vol 15, No. 23., Nov. 19, 1938.
3. J. V. W. Shaw. A Survey of Palestine. Vol 1: Prepared in December 1945 and January 1946 for the Information of the Anglo-American Committee of Inquiry. Reprinted 1991 by The Institute for Palestine Studies, Washington, D.C. P. 148.

4. League of Nations: The Mandate for Palestine, July 24, 1922. Modern History Sourcebook. Fordham University, 1922.
5. Metzer J. The Divided Economy of Mandatory Palestine. Table 5.2. P.142.
6. Rivlin P. The Israeli Economy from the Foundation of the State through the 21st Century. Cambridge University Press. New York, 2011. Appendix 2.2.
7. Митчелл Бард. Период британского мандата // Мифы и факты. Путеводитель по арабо-израильскому конфликту. М., 2007.
8. Сионистские конгрессы. URL: <http://www.eleven.co.il/article/13823>.

С.В. Докучаева

Южно-Уральский государственный университет

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 50-Е ГГ. XX ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №16-18-10213)*

Наблюдаемая сегодня трансформация системы международных отношений, которая может рассматриваться как «новая холодная война», делает актуальной необходимость пересмотра существующих моделей одно- или многополярного мира, а также изучения опыта интеграции Советского Союза в систему внутриблоковой и межблоковой коммуникации во второй половине XX в.

Необходимо выявлять исторически апробированные каналы и инструменты воздействия, альтернативные «традиционной дипломатии» и соответствующие современному уровню развития медийной среды. Такой альтернативой может являться культурная дипломатия, рассматриваемая как средство коммуникации между участниками международного процесса.

СССР применял дифференцированный подход в использовании методов культурной дипломатии во взаимодействии с разными объектами влияния (социалистическими странами, капиталистическими и странами третьего мира).

В рамках данной статьи мы рассмотрим модель культурной дипломатии, которая реализовывалась в странах Латинской Америки в период с 1955 по 1960 гг.

Наиболее развитыми странами Латинской Америки в 50-е гг. XX века являлись Аргентина, Уругвай, Чили, Бразилия и Мексика [1, 2].

В экономической сфере страны Латинской Америки достаточно сильно зависели от иностранных компаний и внешнего рынка, сильно было политическое и экономическое влияние США, что определяло капиталистическую направленность развития региона при достаточно динамичном развитии местной промышленности. В политической жизни региона преоблада-

ли демократические тенденции, однако решающая роль СССР в победе над фашизмом привела к росту симпатий к Советскому Союзу, увеличению числа коммунистических партий, активизации левых сил [2]. Параллельно с этим активизировались реакционные течения, предпринимались попытки революций, осуществлялись военные перевороты. В итоге в 50-е гг. во многих странах региона были установлены диктаторские режимы, начало «холодной войны» привело к обострению отношений с СССР, усилению гонений на левые партии и движения [2].

Таким образом, Латинская Америка интересовала СССР как зона геополитического влияния в идеологической борьбе с США.

В свою очередь страны Латинской Америки стали проявлять повышенный интерес к СССР как к альтернативному пути развития экономической, политической и социальной жизни, что было обусловлено внутренними политическими процессами в регионе.

В 1955 г. Отдел стран Америки ВОКС разработал плана приема делегаций из стран Латинской Америки, и сразу же стали вырисовываться особенности модели взаимодействия с данными странами. В первую очередь, контакты носили институциональный характер: Отдел Стран Америки составлял планы приема делегаций и обеспечивал прием и сопровождение делегаций во время их визитов. Также начиная с 1957 г. составлялся план визитов советских деятелей культуры и науки в страны Латинской Америки. Составы делегаций в обоих случаях тщательно продумывались и утверждались, чтобы в них не было случайных людей, не имеющих авторитета и влияния на широкие слои населения в своих странах и городах. Контакты в ведущих странах региона осуществлялись через институты, занимающиеся изучением СССР (Мексикано-Российский Институт, Институт «Аргентина-СССР», Чилийско-советский институт и т.д.). В данных институтах имелся штат сотрудников, как правило небольшой, который занимался установлением культурных связей с представителями СССР, приезжавшими с визитом. В Мексике же, активное взаимодействие шло через посольство СССР [3-6].

В своей деятельности Отдел стран Америки ориентировался на установление связей с творческой и научной интеллигенцией, и данный процесс выглядел как оказание культурной и просветительской помощи творческим слоям населения, представителям научной сферы, а также всем интересующимся гражданам. Помощь оказывалась в виде предоставления литературы, грампластинок, фотоматериалов, кинофильмов, диафильмов и т.д. Наиболее видные и популярные деятели отдельных стран приглашались в СССР, также организовывались гастроли творческих коллективов из СССР и из Латинской Америки (в основном из Аргентины и Мексики).

Однако в данной модели имелись и свои минусы:

– недостаток финансирования, который выражался в кадровом дефиците обществ дружбы на местах, а также нехватке материалов для ознакомления с советской культурой;

- отчасти потребительское отношение со стороны стран Латинской Америки;
- пренебрежительное отношение к мероприятиям, организовываемым флагманами региона, а также предоставление не всегда качественных материалов;
- ориентация на эффективность взаимодействия, что приводило к формализации контактов [3-6].

Библиографический список

1. Клементьева Н.М. Развитие связей между СССР и рядом стран Латинской Америки в области культуры, 1965-1975. М.: ВГБИЛ, 1983. 173 с.
2. Посконина О.И. История Латинской Америки (до XX века). М.: Изд-во Весь Мир, 2005 (ООО тип. ПОЛИМАГ). 247с.
3. ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 8. Д.3.
4. ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп.8. Д. 17.
5. ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп.8. Д. 27.
6. ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 6. Д. 49.

А.В. Корнеева

Московский государственный университет

РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГДР НА ВОЗВЕДЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МИНИСТЕРСТВА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ГДР)

Ранним утром 13 августа 1961 г., в воскресенье, вооруженные силы Восточной Германии начали сооружать проволочные заграждения на границе с Западным Берлином, и через несколько дней посреди города появилась бетонная стена. Эти события являются кульминацией кризиса 1958-1963 гг., последним доводом, ultimaratio, после которого вопрос о единстве Германии отодвинулся на многие годы.

Второй Берлинский кризис был одним из ключевых событий Холодной войны. Ультиматум Н.С. Хрущева от 27 ноября 1958 г. и последовавшая за ним череда нот, совещаний и встреч завела решение германского вопроса в тупик, а все увеличивавшийся поток людей, покидающих республику, привел к появлению первых планов по закрытию границ между секторами в конце июня – начале июля 1961 г. Причины массового исхода крылись во внутреннем кризисе первого германского «государства рабочих и крестьян» и усугублялись информационной кампанией, которая своей пропагандистской риторикой усиливала панику среди населения. Уже в начале июня 1961 г. на страницах прессы впервые появился вопрос о возможности возведения стены на секторной границе. Хотя В. Ульбрихт подобную перспективу отрицал («Ни у кого нет планов строить стену»), среди населения как

Восточной, так и Западной Германии уже всюду курсировали неутешительные слухи: «Люди говорят о мире, но готовятся к войне» [1, с.70].

Операция под кодовым названием «Роза» началась в ночь на 13 августа 1961 г. Военизированные части Народной армии блокировали на- и подземное сообщение, водные пути между Западным и Восточным Берлином, закрыли большую часть пунктов для перехода границы. Что интересно, было ограничено транспортное сообщение даже между Восточным Берлином и ГДР, так как руководство опасалось возможной протестной активности собственного населения [2, с. 50]. О напряженности, царившей в высших восточногерманских кругах, свидетельствует мобилизация армии, а также особое внимание к настроениям рабочих берлинских предприятий, что говорит об опасениях относительно восстания по образцу 17 июня 1953 г.

Первая реакция воскресным утром 13 августа была неожиданно спокойной; жители Восточного Берлина «останавливались возле столбов для афиш и объявлений, читали вывешенное на них решение Народной палаты о заградительных мерах и просто шли своим путем» [3, с.325]. Дело здесь, конечно, не в статьях «Нойес Дойчланд», переполненных эйфорией от успехов, но часть населения была если не довольна, то хотя бы частично согласна с мерами правительства: ведь стены не только заграждают, но еще и защищают, тем более что накануне все так напряженно ждали начала нового военного противостояния.

Были, конечно, и примеры исключительно негативного отношения к действиям правительства: силовые попытки прорыва границы, побег через Тельтов-канал и р. Шпрее, демонстрации. В последних лидирующую роль играли западные берлинцы, во многом выступившие катализатором протестных движений. Наиболее чувствительным последствием закрытия границы стал страх, что действия ГДР лишь усилят раскол Германии, а сложившаяся ситуация будет использована для усиления политических репрессий; часто звучали сравнения с положением за колючей проволокой в концлагере.

Важно, что большая часть населения считала нововведения временными: защитники стены воспринимали это как очередной шаг к заключению мирного договора, а ее противники верили во вмешательство западных держав: «порядок, поддерживаемый колючей проволокой, не сможет долго существовать» [4]. Шок, вызванный возведением стены, не перерос в сопротивление. Большинство жителей восточной части города остались сидеть по домам, советуя друг другу «не высовываться» и радуясь, что они и их близкие успели вовремя вернуться из Западного Берлина. Это касается только сообщений из Берлина, в остальных районах ГДР протестных настроений было и того меньше [5]. Пассивность и молчаливое принятие перемен большинством населения давали руководству ГДР большую свободу и, ввиду не прекращавшейся нелегальной эмиграции в Западный Берлин, способствовали укреплению пограничных сооружений: началось установ-

ление бетонных блоков, расселение приграничных территорий, запрет западноберлинцам переходить восточную границу.

Немалое число людей действительно примирилось с перспективой жить на Востоке, но нужно признать, что подобные настроения не появились за одну августовскую ночь. Должен был существовать некий континуитет подобных взаимоотношений власти и общества, сочетавший в себе вынужденную адаптацию и преследование собственных интересов, внешне лояльное, но внутренне отстраненное поведение. Три годы «войны нервов» не только заставили активных противников режима покинуть страну, но и заставили тех, кто в ней все же остался, превыше всего ценить общественное спокойствие и гарантии мирного существования. Эти достаточно прагматичные и рациональные взгляды позволили в итоге правительству ГДР посредством отгораживания от внешнего мира начать внутреннюю консолидацию общества.

Библиографический список

1. Wollé, Stefan. Der große Plan. Alltag und Herrschaft in der DDR (1949–1961). Berlin, 2013.
2. Sälter, Gerhard. Ultima ratio: der 13. August 1961: der Mauerbau, die Blockkonfrontation und die Gesellschaft der DDR. Berlin, 2011.
3. Major, Patrick. Vor und nach dem 13. August 1961: Reaktionen der DDR-Bevölkerung auf den Bau der Berliner Mauer // Archiv für Sozialgeschichte. 1999. №39. S. 325–354.
4. Information №419/61 über die Durchführung der Aktion «Rose», [ohne Datum]. BStU, MfS, ZAIG 31066, Bl. 322–327
5. Information №. 415/61 über die Durchführung der Aktion «Rose», 13. August 1961. BStU, MfS, ZAIG 31066, Bl. 344–346.

В.Н. Тимофеев

Самарский национальный исследовательский университет

ФАКТОРЫ ВСТУПЛЕНИЯ США В ЛОКАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ

20–21 июля 1954 г. в Женеве были подписаны соглашения, которые должны были обеспечить мир в Индокитае. В ходе переговоров были достигнуты соглашения по прекращению военных действий на территории Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, а также соглашения о выводе французских войск из Индокитая. Также согласно соглашению, была проведена линия, разделившая Вьетнам на две части: Северный (со столицей в Ханое) с народно-демократическим строем во главе которого стоял Хо Ши Мин, и Южный (Со столицей в Сайгоне), который возглавлял премьер Нго Динь Зьем, правительство которого ориентировалось на США. После освобождения

дения вьетнамского народа от французской оккупации, логично было бы утверждать, что следующим шагом должно было стать объединение страны, предполагавшееся осуществить после всеобщих свободных выборов, которые должны были состояться не позднее середины 1956 г. Однако в июле 1955 года, Зьем заявил о том, что Южный Вьетнам не намерен выполнять Женевские соглашения, а также о том, что всеобщих выборов не будет.

В это же время Соединенные Штаты стали способствовать созданию демократии и развитию капитализма в стране. Вмешательство Вашингтона в дела Вьетнама началось уже вскоре после Второй Мировой войны. Правительство США не захотело смириться с победой Августовской революции 1945 года и созданием Демократической Республики Вьетнам, первого социалистического государства в Юго-Восточной Азии. Подписание Женевских соглашений стало важной вехой в истории американского похода на Вьетнам. К тому времени в Америке уже твердо уверовали в «теорию домино», согласно которой Вьетнам являлся стержнем всей ЮВА, с потерей которого могла пойти цепная реакция по всему региону. В таком случае Америка лишилась бы влияния во многих странах, которые она уже давно считала своей сферой влияния [1, с. 67-68].

С января 1955 г. США стали оказывать прямую военную помощь сайгонскому режиму, направлять в Южный Вьетнам военных советников и специалистов, организовывать и оснащать современным вооружением местную армию, строить на территории Южного Вьетнама свои военные базы. Поэтому, когда осенью 1957 года южновьетнамские коммунисты развернули партизанскую войну, постепенно и американские войска начинают непосредственно участвовать в столкновениях с начавшими в стране освободительную борьбу партизанами. Благодаря поддержке Северного Вьетнама партизаны действовали все более успешно. Уже к 1961 году положение правительства Зьема стало критическим – оно полностью утратило контроль над сельскими районами. К концу года силы объединившихся в НФО-ЮВ (более известный как Вьетконг) группировок антизьемовских партизан увеличились до 25 тыс. человек. Это заставило США усилить военную помощь Южному Вьетнаму. В декабре 1961 в страну были переброшены первые регулярные подразделения Вооруженных сил США, а в 1962 – американское военное командование. Военный персонал США начал непосредственно участвовать в боевых операциях против партизан. Постоянно происходило наращивание корпуса советников в стране, которые занимались подготовкой южновьетнамских солдат и участвовали в планировании боевых операций.

Президент Кеннеди принимает решение о все большем увеличении количества американских войск в Южном Вьетнаме. В конце 1962 он уже составлял 11 326 человек, а к 1964 году уже около 25 тыс. Численность же сайгонской армии превысила 350 тыс. чел. Однако полная неспособность

войск Южного Вьетнама противостоять партизанам принудила американское руководство еще более расширить сферу своих военных действий, и был принят курс на начало военных действий против Северного Вьетнама. Для того чтобы оправдать эту политику перед собственным народом сдержанная тактика перешла в откровенную провокацию: Вашингтон объявил, что два американских эсминца подверглись «нападению» в международных водах в Тонкинском заливе (т.н. Инцидент в Тонкинском заливе). Собственно, это и явилось поводом к началу прямого вмешательства США в дела Вьетнама. Принимая решение о вооруженном вмешательстве, Вашингтон рассчитывал, что успешная «локальная» военная операция в Южном Вьетнаме будет достаточным предупреждением национально-освободительным революциям всего «третьего мира» и в то же время подбодрит союзные США азиатские страны и режимы, испытывавшие тревогу в связи с успехами освободительного движения в Азии и Африке.

7 августа 1964 г. большинством голосов была принята Тонкинская резолюция, принятие которой можно считать официальным началом военной кампании США во Вьетнаме. Резолюция давала право президенту Линдону Джонсону при необходимости использовать военную силу в Юго-Восточной Азии. К середине 1964 в Южном Вьетнаме находилось около 25 тыс. американских военнослужащих. Они вторгались в территориальные воды ДРВ, провоцируя вооруженные столкновения. В начале августа 1964 флот и авиация США без объявления войны подвергли бомбардировке и обстрелу ряд военных объектов и населенных пунктов на побережье ДРВ. Эскалация агрессии США против ДРВ продолжалась. 9 июля 1965 американская авиация начала систематическую бомбардировку южных районов ДРВ, расположенных между 17-й и 19-й параллелями, а в конце августа приступила к бомбардировке ирригационных сооружений. Против крошечного, по сравнению с США, государства была брошена вся мощь американской армии. Однако несмотря на это, американским войскам так и не удалось сломить сопротивление партизан, число которых все более росло благодаря прибывавшим по «тропе Хо Ши Мина» пополнениям с Севера [2, с. 67 – 68].

Библиографический список

1. Иванов В. В. Интервенция США и их союзников в странах Индокитая в 1964–1975 гг. / ред. В. Л. Ларин. М.: Наука, 2011.
2. Дэвидсон Ф. Б. Война во Вьетнаме. М.:Изографус, Эксмо, 2002.
3. Американский экспансионизм: новейшее время / ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Наука, 1986.
4. Киссинджер, Генри. Дипломатия / Пер. В. В. Львова М.: Ладомир, 1997.

**ПАРТИЯ «ЧЕРНЫЕ ПАНТЕРЫ»:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ ДВИЖЕНИЯ**

Борьба за права и свободы человека была и остается актуальной проблемой. Особенно остро для Соединенных Штатов Америки стоит вопрос цветного населения.

Основное развитие борьбы против расизма проходило с 50-х годов XX века. Афроамериканцев объединяло желание добиться равных прав с белым человеком. Некоторые из них пошли по пути сепаратизма и национализма, и противопоставляли свой народ белому населению, но большинство боролось не против белых, а за равенство [1, с. 199].

В организованном движении афроамериканцев за свои права наиболее примечательна деятельность партии Черных пантер. Черные пантеры – леворадикальная партия, считающаяся в некоторых странах террористической организацией [3, с. 24].

Основателями партии были Хью Ньютон и Бобби Сил. Партия была основана в Окленде, штат Калифорния, в 1966 году. К 1980 году организации «Черных пантер» обосновались в основном Окленде с пятьюдесятью активными членами. В 1982 году партия была официально закрыта [5, с. 190].

В 1968 году была создана предвыборная коалиция с левой «Партией Мира и Свободы» (Peace and Freedom Party). Взаимодействие двух организаций создало прецедент для создания в будущем новых альянсов «Партии Черных Пантер». Был заложен фундамент совместной работы BPP с организациями белых и другими этническими группами США.

К 1969 руководство «Черных Пантер» уже совершенно четко утверждало «самоопределение афроамериканцев невозможно без широкомасштабной политической и социальной революции, которая охватила бы все американское общество». Выживание партии в этом контексте напрямую зависело от того, сможет ли она найти общий язык с потенциальными союзниками, которые смогли бы поддержать BPP в опасной борьбе с правительством США. С этого момента начинается отход партии от позиций черного национализма в сторону идей социализма и классово-борьбы [2, с. 218].

Партия теперь считает, что социализм и общественная собственность на средства производства смогут обеспечить экономические условия для успешного развития всего американского общества.

«Пантеры» противопоставляли африканскому реакционному традиционализму, свою «революционную культуру», ведущую к изменению политического положения и мировоззрения, чернокожих. В довершение всего

партия заявила, что только африканские партизанские движения, борющиеся против колониализма, могут считаться истинными выразителями африканской культуры.

Политика альянсов продолжилась слиянием ВРР со Студенческим Координационным Комитетом Ненасильственных Действий (Student Nonviolent Coordinating Committee). Лидеры ВРР пытались доминировать в любом союзе. Такие настроения, вызывали негативную реакцию со стороны потенциальных союзников.

В 1970 году началось налаживание контактов между ВРР и студенчеством посредством участия партии в «Революционной Конференции Черных Студентов» [7, с. 156].

Ранее, в 1969 году, необходимость координации и солидарности перед лицом правительства Соединенных Штатов, сподвигла ВРР к организации «Конференции Объединенного Фронта против Фашизма» (United Front against Fascism Conference).

Итог конференции был не впечатляющ: делегаты согласились лишь с тем, что правительство США действительно подвергает репрессиям своих политических оппонентов. Однако это не значит, что страна находится в состоянии фашистской диктатуры. Факт проведения такой встречи доказывает, что уже к 1969 году ВРР полностью отказались от бывшего «черного национализма», перейдя с позиций борьбы между расами к марксистскому толкованию классовой борьбы [4, с. 146].

Тактика по созданию различных альянсов продолжилась в 1970 году учреждением межрасовой «Народно-Революционной Конституционной Конвенцией» (Revolutionary People's Constitutional Convention). В 1968 году партия вышла на контакт с делегатами ООН стран Третьего Мира, заручившись их поддержкой для проведения референдума, который решит дальнейшую судьбу черного населения.

В своих публичных воззваниях, посвященных референдуму и конвенции, ВРР утверждали, что ради утверждения нового политического порядка, необходима новая конституция, которая зафиксирует свободы всех этнических групп, населяющих США.

Раскручивая конституционную кампанию, «Пантеры» натолкнулись на серьезное препятствие: выпущенный из тюрьмы за отсутствием доказательств вины Хью Ньютон внезапно высказался резко против идеи РПСС. Ньютон утверждал, что проект создания национального народного фронта через конвенцию противоречит его видению ситуации. Итогом работы «Народно-Революционной Конституционной Конвенции» стал ее роспуск [6, р. IX].

Таким образом, несмотря на свою довольно активную политическую историю партия «Черные пантеры», пожалуй, так и не смогла достигнуть реализации своих программ и конвенции. Но в то же время Пантеры, как ни парадоксально, изменили черную общину именно через создание новой системы ценностей. За всю свою короткую историю организация партия

«Черные пантеры» была, пожалуй, самой известной и самой противоречивой из черных воинствующих политических организаций 1960-х годов, наследие, которой продолжается, и по сей день.

Библиографический список

1. Уинстон Г. Стратегия борьбы черного населения. М., 1975.
2. Щербаков А. Ю. Терроризм. Война без правил. М., 2013.
3. Alkebulan P. Survival pending revolution // The History of the Black Panther Party., The University of Alabama Press: Tuscaloosa., 2007.
4. Carpinì D. Michael X. Black Panther Party: 1966-1982., University of Pennsylvania., 2000.
5. Seale B. Seize The Time: The Story of the Black Panther Party. S. F. County Jail., 1970.
6. The Black Panthers Speak. Philad.-N.Y., 1970.
7. West C. The Black Panther Party: Service to the People Programs., University of New Mexico., 2008.

Д.С. Яковлев

Самарский национальный исследовательский университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В АФГАНИСТАНЕ ВО ВРЕМЯ ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖОРДЖА БУША МЛ.

Действия США в Афганистане приобрели большое значение в рамках концепции борьбы с терроризмом, объявленной Джорджем Бушем мл. после событий 11 сентября 2001г.

Сотрудничество движения «Талибан», находящегося у власти в Афганистане и «Аль-Каиды» приводит к серьезному обострению отношений между Афганистаном и большей частью мирового сообщества во главе с США.

Стратегия действий в Афганистане выработывалась во время серьезных дискуссий в правительстве и Конгрессе. Государственный Департамент долгое время выступал за дипломатическое урегулирование ситуации.

Решение о возможности военного вторжения в Афганистан и отстранении о власти движения «Талибан» было принято в рамках заседания Совета безопасности ООН резолюцией №1368 от 12 сентября 2001 года.

Складывание так называемой Северной коалиции и начало операции «Несокрушимая свобода» позволили отстранить от власти правительство «Талибана» и вооруженным путем занять северную и центральную часть Афганистана.

После окончания основной военной кампании к концу 2001 года, началась обсуждения послевоенного устройства страны. Под серьезным влиянием «пуштунского фактора» наиболее компромиссной фигурой на роль президента был выбран Хамид Карзай.

Правительство Соединенных Штатов запустило целый ряд гуманитарных инициатив для послевоенного устройства страны и повышения уровня жизни местного населения. Инициативы проводились при полной поддержке правительства страны и при участии заинтересованной части мирового сообщества.

Внутриполитическая борьба в Афганистане и нестабильная обстановка в регионах, не контролируемых напрямую силами НАТО серьезно осложнили проведение социальных и экономических реформ, созданных под контролем американских советников и вынудили изменить вектор отношений двух стран и усилить военное присутствие в регионе.

В 2006 году официально утвердилась концепция госсекретаря К. Райс, согласно которой отношения с «неудавшимися демократиями» следует выстраивать в условиях партнерства с остальными членами НАТО. В 2008 году было объявлено, что Афганистан-главный приоритет НАТО.

Назревающий перелом в ходе военной компании и заметные успехи боевиков движения «Талибан» в целом ряде провинций, в частности в Кундузе, вынуждают командование сил НАТО в стране изменять собственную стратегию и активнее заниматься подготовкой афганской национальной армии.

Политика обеих администраций Джорджа Буша мл. в отношении Афганистана претерпевала серьезные изменения за все время его президентства. От концепции борьбы с терроризмом и попыток создания демократических институтов власти во время первого срока, к осознанию ошибочной стратегии и усиления военных механизмов воздействия на регион.

А.В. Лаферова

*Самарский филиал Московского
городского педагогического университета*

ПРОЕКТ «НЕПТУН»: ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ БЕЛЫХ СКАЛ ДУВРА И БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В настоящее время ученые по всему миру сталкиваются с противоречием, связанным с культурным и историческим наследием: обеспечение сохранности или доступности для населения? Сотрудники Национального фонда Великобритании считают основной идеей фонда – сохранение не ради сохранности, а ради последующих поколений. Здесь Национальный фонд также останавливается перед упомянутым ранее противоречием. Дело в том, что на замкнутом пространстве Британских островов одновременно реализуются и потребности фермерства, и возможность отдыха, и занятия спортом, и экскурсии, и охрана природы, и археологические раскопки, и работа промышленных предприятий – и все это зачастую на одних и тех же

объектах. Поэтому, чтобы гармонично разрешить двуединую задачу, сотрудники Национального фонда стали внимательно прислушиваться к сторонникам различных точек зрения, исследовать варианты, применять знания и опыт для выяснения оптимального пути использования того или иного уголка природы или исторического места.

Институт обращений к общественности стал составной частью деятельности Национального фонда практически с самого начала. В структуре организации действуют около 20 обращений только по национальным и региональным проектам сохранения наследия. Они касаются как отдельных территорий, так и проблем [1, с. 11]. Проект «Нептун» (the Neptune Coastline Campaign) стал, бесспорно, самым значительным обращением за всю историю Национального фонда. Оно было выдвинуто в 1965 году для сбора фондов в целях приобретения и сохранения живописных отрезков побережья Англии, Уэльса и Северной Ирландии, находящихся под угрозой тех или иных нарушений, связанных с развитием. В результате этой инициативы было собрано более 15 миллионов фунтов стерлингов, что позволило защитить 520 из 900 миль побережья, находящегося под угрозой нарушений. Благодаря постоянно действующему проекту, Национальный фонд собирается взять под свое покровительство и оставшуюся часть побережья, надеясь тем самым оградить живописные земли от застройки, промышленного развития, дорог и кемпингов [2].

С момента своего запуска в 1965 году, уже упомянутая компания Национального фонда по защите береговой линии «Нептун» помогла приобрести и защитить более 740 миль (1190,9 километра) береговой линии, которую посещают более миллиона человек в год.

Приобретение районов побережья, которые подвергаются риску важно для береговой кампании. При использовании природных способов борьбы с повышением уровня моря, фонд обеспечивает доступ к богатым и разнообразным побережьям – сейчас и на долгие годы [3].

Белые скалы Дувра являются частью английской береговой линии, с них открывается вид на пролив Дувр и Францию, а в ясный день скалы хорошо видны с французского побережья. Утесы распространяются на восток и запад от древнего и важного английского порта Дувр в графстве Кент.

Скалы имеют большое значение для Великобритании, так как они расположены в сторону континентальной Европы через узкий Английский канал. Эти скалы возвышаются над морем, их просто ослепительная белизна является первой приметой для моряков – их приближения к Англии и из-за этого эти скалы получили название – «Ключи от Англии» – ее красота просто поражает воображение. Скалы обязаны потрясающим видом мелу, входящему в их состав, который подчеркивается полосами черного кремня. Именно Белым скалам Англия обязана римским названием «Альбион» («albus» — «белый» на латыни) [4]. Белая линия скал встречала и провожала путешественников Великобритании.

В прежние времена в этом месте существовала угроза нашествия, против которого скалы образовывали охрану. Пересечение побережья Дувра было основным маршрутом до появления воздушных путешествий. Город Дувр, расположенный на берегу моря возле пролива Па-де-Кале, был основан на месте древнеримского поселения. Он имеет поистине уникальную и богатую историю. Из-за близкого соседства Франции, этот город обладал громадным стратегическим значением – для защиты от нападений всей территории Британии. Замок этого города расположен на вершине Белых скал и тысячу лет назад он являлся форпостом защиты. На холмах, которые расположены на западе и востоке сохранились оборонительные сооружения, от нападений со стороны моря.

В 1999 году Национальный фонд построил в этом районе центр для посетителей. Был спроектирован ресторан, информационный центр по работе Национального фонда, а также бюро, где рассказывается о местной археологии, истории и о местном ландшафте [5, с. 294].

Проект «Нептун» по сохранению береговой линии и Белых скал является отличным примером решения проблемы сохранности и доступности наследия для масс. Национальный фонд Великобритании из года в год доказывает универсальность данного подхода для охраны исторического и культурного наследия страны, но появляется другой вопрос: Сработает ли этот алгоритм в рамках другого государства?

Библиографический список

1. Мнацаканян Р.А., Мурашкина С.И. Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы, 1994
2. The Neptune Coastline Campaign. The International National Trusts Organisation [Electronic resource]. URL: <http://www.internationaltrusts.org/10844>.
3. Neptune Coastline Campaign [Electronic resource]. URL: <http://www.nationaltrust.org.uk/get-involved/donate/current-appeals/neptune-coastline-campaign/>
4. Румбур. Места природы / Белые скалы Дувра, май 2009.
5. Коути Е. Великобритания. Страна замков, дворцов и парков. М., Вече, 2012.

Ю.О. Золотаренко

Самарский национальный исследовательский университет

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФЕРЕНДУМА О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ

Вопрос о расширении полномочий страны в самоуправлении, а затем и о полной независимости был актуален для Шотландии практически с самого ее присоединения к Великобритании в 1707 г. XXI в. явился неким апогеем данной проблемы, так как Шотландская Национальная Партия

начала подготовку, а затем и проведение кампании за референдум о независимости страны, итогом которого и стал шотландский референдум, прошедший 18 сентября 2014 г. Результат, полученный в ходе голосования, был отрицательным, то есть на вопрос «Должна ли Шотландия стать независимой страной?» население ответило «нет» [1]. Однако перевес голосов был довольно незначительным, что также, как и сам факт проведения референдума, оказал ощутимое влияние на Великобританию, ряд Европейских стран, а также на ЕС.

Таким образом, актуальность данной работы, целью которой является выявление международных последствий результатов шотландского референдума о независимости, объясняется влиянием, которое референдум оказал на ЕС, а также на процессы, происходящие в Европе на современном историческом этапе. В частности, шотландский референдум лишь в еще большей степени активизировал развитие идей евроскептицизма и усугубил уже существующее сепаратистское движение в таких странах как Испания, Польша, Италия, Уэльс и т.д. В Испании результатом стал проведенный опрос о независимости в Каталонии, который показал значительный перевес в голосах в пользу суверенитета [2]. Однако правительство Испании поддерживает евроинтеграцию и отказывается признавать результаты юридически значимыми.

Что касается лидеров других европейских стран, то подавляющее большинство также считает необходимым поддерживать и развивать европейскую интеграцию, подчеркивая, что в настоящее время лучших результатов возможно добиться лишь в составе Союза.

Однако наряду с этим, развиваются и идеи евроскептицизма, что доказывают результаты выборов в Европейский Парламент 2014 г. [3]. Причем эти идеи развиваются не только в Великобритании, но и в таких странах как Франция, ФРГ, Испания и т.д. [4].

Наиболее сильное влияние шотландский референдум оказал, безусловно, на саму Великобританию и Уэльс. Для Великобритании главным итогом стало официальное признание со стороны правительства необходимости пересмотра и реформирования внутренней политики, а также принятие действий относительно участия страны в ЕС, которым недоволено более 60% населения [5]. Результатом этого стал прошедший 23 июня 2016 г. референдум о выходе Великобритании из состава ЕС, который подтвердил желание граждан страны прекращения участия в ЕС [6].

Что касается Уэльса, то для этой страны результатом шотландского референдума явилось обострение желание Партии Уэльса продолжать развитие идеи независимости, которая находит отклик у некоторого количества населения. Однако на данный момент все, включая и Партию Уэльса, понимают, что полный суверенитет может стать большой ошибкой [7].

Учитывая все вышеобозначенные реакции со стороны ЕС и ряда стран, можно сделать вывод, что шотландский референдум о независимости имел

довольно сильные международные последствия, которые оказали особенно ощутимое влияние на ЕС и ряд стран Европы. Активное стремление Шотландии к приобретению независимости повлекло за собой активизацию борьбы за суверенитет в Каталонии, Стране Басков, Уэльсе и так далее.

Реакция ЕС на возможный выход Великобритании из состава организации также говорила о многом: стремясь не допустить выхода страны из состава ЕС ввиду возможности создания реального прецедента страны, покинувшей организацию, что, в свою очередь, могло бы поспособствовать стремлению к выходу и других участников ЕС, организация всерьез рассматривала вопрос об изменении своей политики в отношении Великобритании, не исключая возможности некоторых уступок в соответствии с требованиями правительства. Тем не менее, результатом референдума, прошедшего 23 июня 2016 г., как известно, все же стал выход Великобритании из ЕС, что в итоге привело к дальнейшей активизации евроскептицизма, обострению разногласий в самой организации и неприятными экономическими последствиями, и даже к обещанию со стороны лидера французской партии «Национальный Фронт» в случае ее избрания в президенты в 2017 г. проведения референдума о выходе Франции из состава ЕС [8].

Библиографический список

1. Scottish independence referendum – Results. URL: <http://www.bbc.com/news/events/scotland-decides/results>.
2. Каталония проводит опрос о независимости. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/11/141109_catalonia_referendum.
3. Узародов. И., Евроскептицизм после кризиса // Современная Европа. С. 30. URL: <http://www.sov-europe.ru/2015/1/uzarov.pdf>.
4. «Евроскептическое землетрясение» в Европарламенте. URL: <http://ru.euronews.com/2014/05/26/europe-s-night-of-seismic-shocks-for-brussels>.
5. Кэмерон поздравил сторонников сохранения единства Великобритании URL: <http://ria.ru/world/20140919/1024717822.html>.
6. EU Referendum Results. URL: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results.
7. Партия Уэльса намерена добиться проведения референдума о независимости. URL: <http://ria.ru/world/20140923/1025313613.html#ixzz4A8e1gju9>.
8. Марин Ле Пен обещает референдум по вопросу выхода Франции из Евросоюза. URL: <http://ria.ru/world/20160903/1476006761.html>.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Начало XXI века ознаменовалось столкновением мирового сообщества с таким проблемным явлением как политический ислам, а в частности с его экстремистским крылом, представляющим наибольшую опасность и выступающим дестабилизирующим фактором для всемирной политики.

В качестве своей идеологии исламские экстремистские силы используют т.н. «исламский радикализм» (или «исланизм») являющийся искажением ислама как религии, который не следует отождествлять собственно с исламом.

Исламский радикализм — это идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников [1, с. 13]. Это идеология борьбы против авторитаризма и прозападной ориентации элит в защиту традиционных ценностей от экспансии западной культуры, идеология, дающая иллюзорную надежду на решение всех социальных, экономических, политических проблем [2, с. 6].

Попытки объяснения активизации мусульманского радикализма нельзя сводить исключительно к экономическим причинам, хоть нищета и является питательной почвой для терроризма, в ряды шахидов зачастую так же вступают лица, принадлежащие к образованной интеллигенции. Причину же следует искать не в таких областях как «борьба с нищетой», «битва мусульман с христианами» и т.д., но в поднятии самосознания мусульманской «уммы», достоинстве и справедливости. Эти понятия и лежат в основе того явления, что именуется «исламским фундаментализмом». Известный отечественный философ исламовед А.А. Игнатенко отмечает: «То интеллектуальное и политическое движение, которому внешние наблюдатели дали не совсем точное название фундаментализм, разумея под ним возвращение к первоосновам (фундаменту) религии», «сами мусульмане предпочитают называть... салафизмом — от выражения ас-салаф ас-салих (праведные предки), или просто ас-салаф (предки)» [3, с.166].

Родоначальником исламизма был Сайид Кутб (1906–1966). Впоследствии его взгляды воодушевили Маудуди (1903–1979) и Хомейни (1902–1989) на создание собственных концепций. Маудуди и Кутб, идеи которых перекликаются, оказывали влияние прежде всего на суннитский мир, тогда как Хомейни, идеология которого разрабатывалась в иной среде, главным образом действовал в рамках шиитского ислама. Помимо всего прочего

сунитский и шиитский фундаментализм различаются во взглядах на идеальное политическое, социальное устройство (халифат – имамат), социально-целевой базой (сельское – городское население) и способами деятельности (массовой – групповой) [4, с.12].

По словам американского политолога Дэниела Прайса: «Радикальный ислам, предлагает современным людям альтернативную глобальную модель, отвергающую все ценности западной культуры, общества потребления и индивидуализма во имя создания закрытого порядка, основанного на исламе» [5, с.109].

«Салафийя» – выступает против материалистического, безбожного Запада. «Политизацию» и подъем ислама не стоит отождествлять с серьезными изменениями в интерпретации или религиозным расколом. Объяснение следует искать в тех исторических обстоятельствах, которые влияют на социальные реалии не только мусульманского сообщества, но и на весь Третий Мир в целом.

Таким образом исламизм можно считать продолжением национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы в крайней ее форме, которая в XX веке привела к краху колониальной системы. Исламисты верят, что продолжают борьбу против империализма: за освобождением политическим должно последовать освобождение культурное.

Библиографический список

1. Добаев И.П. Исламский радикализм (Сущность, идеология, политическая практика): Дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2003.
2. Левин З.И. Очерки природы исламизма / Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014.
3. Игнатьенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. №2(8). С.166.
4. Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ. Отв. Редактор А.В. Малашенко. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002.
5. Мирский Г. Глобальная угроза, о которой нельзя забывать // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 109-111.

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

Д.А. Евграшин

Самарский национальный исследовательский университет

ДИПЛОМАТИЯ НАВАРРСКОГО ДВОРА ГЕНРИХА БУРБОНА

Одним их важных достижений новейшей историографии Религиозных войн является попытка вписать этот внутрифранцузский конфессиональный конфликт в более широкий контекст общеевропейского противоборства. Сегодня очевидно, что на ход и итоги гражданских войн во Франции непосредственное влияние оказало вмешательство иностранных государств, как католических, так и протестантских.

Главными источниками по данной проблеме являются мемуары Филиппа Дюплесси-Морнэ написанные его супругой [1, Р.142]. Мемуары герцога Сюлли [2, Р. 312], а также обширная корреспонденция Генриха IV, Маргариты Валуа [3, С. 299], сэра Филиппа Сидни [4, Р. 111], Хьюберта Лангэ и Френсиса Волсингема.

Среди направлений гугенотской дипломатии можно выделить четыре основных: Елизаветинская Англия, протестантские княжества в Германии, Нидерланды и Испания. На всех направлениях эмиссары добились видимых успехов.

После кровавых событий Варфоломеевской ночи партия гугенотов была фактически разгромлена. Оставшиеся в живых протестанты были вынуждены бежать в соседние страны, чтобы скрыться от преследований католиков.

Так поступил, например, знаменитый Филипп Дюплесси-Морнэ, бежавший сразу после Варфоломеевской ночи в Англию, через Пфальц. Он обладал огромными, а главное сверхполезными связями в протестантском мире. После побега Генриха Наваррского из Парижа в 1576 году, Морнэ присягнул на верность и стал его правой рукой, выполняя важнейшие поручения короля Наварры в Англии и Голландии [1, Р. 77].

Главной же опорой гугенотов в немецких княжествах стали курфюрсты Пфальца – Филипп III, и его сын Иоганн Казимир. На юге Наварра граничила с грозным соседом – Габсбургской Испанией. Главной задачей дипломатов Бурбона было недопущение оккупации маленького королевства силами Филиппа II.

Итак, какие же цели преследовали агенты короля Наварры во время своих миссий при иностранных дворах?

Во-первых, регулярные просьбы о дипломатическом посредничестве при французском дворе в их пользу. События Варфоломеевской ночи дали новый повод, если не на деле, то хотя бы на словах выступить в поддержку

гугенотов против Французской короны. Немецким князьям и протестантским кантонам Швейцарии такой демарш ничего не стоил и не влек за собой никаких рисков. То же самое можно сказать и о королеве Англии [5, P. 355].

Во-вторых, Просьбы о предоставлении военной и финансовой помощи, с которыми обращались эмиссары Генриха Наваррского, тоже имели лишь ограниченный успех. Добиться отправки регулярных войск, что означало вступление в войну против короля Франции, было почти невозможно. Поэтому помощь ограничивалась содействием в наборе крупных контингентов наемников для вторжения на территорию Франции. Вообще, именно немецкие рейтары и ландскнехты были основной военной силой гугенотов. Проблема была только в одном — для содержания значительного контингента наемников, способных долгое время сражаться с королевскими войсками и Католической Лигой, требовались огромные суммы денег, которых постоянно не хватало королю Наварры [6, с. 233].

Единственной страной, которая могла выдавать ссуды была Англия, которая, как известно сама постоянно терпела экономические трудности, связанные с конфликтом с Испанией. Поэтому Генрих Бурбон всегда доверял переговоры с Елизаветой своему самому надежному человеку — Филиппу Дюплесси Морнэ. Морне был в Англии четырежды: 1573 году, скрываясь от католиков после Варфоломеевской ночи, 1578, 1580 и 1590 году как посланник короля Наварры.

И, в-третьих, среди многих протестантов в конце 16 века, созревали мысли о создании лиги протестантских государств, которая выступила бы против Испании, Габсбургов и Папы Римского [7, с. 273]. Попытки создания такого союза предпринимал несколько сам Генрих Бурбон в 1583 и 1588 году. Попытки эти так ни к чему и не привели, поэтому можно сказать, что этот аспект деятельности эмиссаров Бурбона был провальным.

Каковы же были результаты дипломатических миссий агентов Генриха Бурбона? Сразу после событий Варфоломеевской ночи гугеноты остались без своих лидеров, без финансов и снабжения. Их партия оказалась на краю гибели, но благодаря активнейшей деятельности агентов, послов и эмиссаров, в кратчайшие сроки гугеноты смогли найти средства для найма новой армии, и в конечном итоге добиться выгодного для себя Эдикта в мае 1576 года.

Генрих Бурбон, через своих ближайших соратников герцога Сюлли и Филиппа Дюплесси-Морнэ, смог добиться того, что Елизавета Английская и курфюрст Пфальцкий снабжали короля Наварры деньгами и войсками в самые критические моменты Религиозных войн во Франции, особенно после 1589 года, когда Бурбон стал де юре королем Франции, и в течении 5 лет объединял страну под своей властью.

Библиографический список

1. A Huguenot family in the XVI century: the memoirs of Philippe du Mornay, Soeur du Plessis Marly; Nabu Press; 2011
2. Maximilien de Vithune. Memoirs of the Duke of Sully – Prime Minister to Henry the Great. Vol. I. London, 1856.
3. Маргарита де Валуа (1553-1615). Мемуары. Избранные письма. Документы. СПб. Евразия. 2010, пер. В.В. Шишкина.
4. The Correspondence of Sir Philip Sidney and Hubert Languet. London, 1845.
5. Luc Racaut. Reason of state, religious passions, and the french wars of religion. The Historical Journal / Volume 52 / Issue 04 / December 2009.
6. Шишкин В.В. Кардинал Лотарингский и Религиозные войны во Франции (1559–1574): (По материалам писем, хранящихся в Санкт-Петербурге) // Средние века. 2015. Вып. 76 (1-2). С. 222-248.
7. Шишкин В.В. Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. СПб.: Евразия, 2015.

Л.Е. Буренкова

Самарский научный исследовательский университет

ИССЛЕДОВАНИЯ САМАРСКИХ АВТОРОВ О РОЛИ МОРДВЫ В ЗАСЕЛЕНИИ ПОВОЛЖЬЯ

Численность мордовского этноса России в 1719-1917 гг. выросла со 100 тыс. до 1,1 млн. чел., то есть в 11 раз [1, с. 947]. Во многом, это произошло, благодаря заселению новых земель. Территория современной Самарской области в течение XVII – XIX вв. являлась одним из основных регионов, куда шли мордовские крестьяне, осваивавшие незаселенные пространства вместе с другими народами нашей страны.

По переписи 1897 года Самарская губерния имела самую большую численность мордовского населения из всех губерний Российской Империи [2, с. 35], а, согласно переписи 2002 года, Самарская область является вторым по численности этого населения субъектом Российской Федерации после Республики Мордовия [3, с. 158]. Конечно, учреждения науки, образования, культуры этой республики играют ведущую роль в изучении истории и этнографии мордовского народа [4]. Однако и самарских исследователей также интересуют эти темы, в рамках которых мы выделяем проблему роли мордвы в колонизации Среднего Поволжья и Заволжья.

В XVIII – первой половине XIX в. о заселении Самарского Поволжья, в том числе мордвой, сообщали, прежде всего, те служившие в этом крае чиновники, которые, наряду с управленческой, занимались исследовательской деятельностью. Первые шаги в таких исследованиях были сделаны во время работы Оренбургской экспедиции (комиссии) [5]. Безусловно, самые замечательные труды, упоминавшие и мордовских переселенцев, тог-

да создал П.И. Рычков [6]. Начало становления его как ученого приходится на годы службы в Самаре [7]. В конце XVIII в. традицию подобных объемных статистико-географических исследований здешних мест продолжил Т.Г. Масленицкий [8].

В XIX в. в полку местных чиновников-краеведов, писавших о мордве, прибыло. Об этом, например, говорят корреспонденции, поступившие в Русское географическое общество (РГО) из Самары от сотрудников удельного ведомства А. Каминского и Н.Е. Симакова. Последний считал мордовских крестьян лучшими знатоками сельского хозяйства, находил у них много «удобств и приспособлений для помешений скота и других продуктов», устройство их усадеб полагал очень практичным [9, с. 69-70].

1857 г. о мордовских переселенцах писал Н.А. Воронов, чиновник особых поручений при самарском губернаторе, в своем историко-статистическом очерке, написанном непосредственно по просьбе руководства РГО [10]. Он сообщал: «Мордва исключительно занимаются земледелием, трудолюбивы, отличаются простотою нрава, вообще высоки ростом и крепко сложены. Там, где они живут, в ближайшем сообщении с русскими, они не чуждаются родственных отношений с последними» [11, с. 32]. Правда, у Воронова в данных о территориальном расселении и численности мордвы имеются некоторые фактические ошибки, на которые было указано в литературе [12, с. 33].

В пореформенное время в изучение мордвы активно включились самарские земские деятели. Ярким примером является И.И. Красноперов, который заведовал губернским статистическим бюро в Самаре, издал многотомный «Сборник статистических сведений» о губернии, писал о мордве не только в нем, но и в отдельных своих работах. Он подчеркивал раннее основание мордовских селений и устойчивость в них крестьянских общин [13, с. 69].

Из современных авторов на ранних страницах мордовской колонизации Заволжья останавливалась Л.М. Артамонова. В наказах депутатам Уложенной комиссии 1767-1768 гг. она нашла прямые указания на непростые отношения мордвы с другими группами переселенцев. Одной из основных причин земельных споров стали захваты земель государственных крестьян помещиками [2, с. 225-226]. Кроме наказов, она привлекала в качестве источников ревизские сказки мордовских селений и устные предания об их основании [15].

В работах Ю.Н. Смирнова был частично поддержан вывод о религиозных гонениях как причине ранних переселений в Заволжье. Так, известны случаи, когда новопоселенцы не прокладывали дорог к своему селению во избежание преследования со стороны властей [16, с. 150]. Этот автор отмечает преобладание в крае вольной крестьянской колонизации с большим участием беглых [17].

Среди последних по времени, но первостепенных по значимости можно назвать сводный коллективный труд «Обретение Родины». В нем следу-

ет отметить следующие разделы, имеющие отношение к рассматриваемой тематике. Э.Л. Дубман написал в этой книге две главы о складывании населения Южного Средневолжья в XVI-XVIII столетиях. Ю.Н. Смирнов подробно описал массовое заселение и освоение этого края со второй трети XVIII до начала XIX вв., Л.М. Артамонова – в первой половине XIX в. Т.И. Ведерникова рассмотрела ход этнических процессов во второй половине XIX – начале XX вв. [18].

Вышеупомянутые авторы приняли участие также в создании других сводных работ. В них отразилось расселение мордвы на Самарской Луке и ее окрестностях [19], был дан этнографический очерк этой территории [20], показано влияние мордовского языка на топонимику Самарского края [21].

Исследование вопроса о роли мордвы в заселении и освоении Поволжья продолжается по сей день. Можно с уверенностью ожидать появления новых интересных трудов на эту тему в разных научных центрах, включая Самару.

Библиографический список

1. Smirnov Yu. N. The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3). С. 944-954.
2. Юрченков В.А. Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII – начало XX века // Российская история. 2004. № 5. С. 26-37.
3. Тюганкова Е.В. Социокультурная адаптация мордвы Самарского края (середина XIX – начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2014.
4. Куршева Г.В. Современные модели развития гуманитарной науки // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 7-13.
5. Смирнов Ю.Н. Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 171-175.
6. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.
7. Смирнов Ю.Н. Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова – выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 979-983.
8. Артамонова Л.М. Инженер и географ Т.Г. Масленицкий – организатор школьного дела в 1780-е – 1790-е гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 233-238.
9. Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8-2 (109). С. 65-73.
10. Артамонова Л.М. Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 3-1. С. 176-179.
11. Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.). Санкт-Петербург, 2015.

12. Смирнов Ю.Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2016. № 1 (134). С. 28-39.

13. Красноперов И.М. Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестник. 1897. № 1. С. 60–75.

14. Артамонова Л.М. Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 222-230.

15. Артамонова Л.М. Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750 – 1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471-475.

16. Смирнов Ю.Н. Население лесостепного и степного Заволжья в конце XVIII – начале XIX веков // Самарский земский сборник. 2013. № 1 (22). С. 137-151.

17. Смирнов Ю.Н. Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 191-195.

18. «Обретение Родины»: Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Т. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Самара, 2014.

19. Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. / Под общей редакцией П.С. Кабытова. Самара, 1995.

20. Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А. Этнография Самарской Луки. Самара, 1996.

21. Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара, 1996.

Е.В. Полубоярова

Самарский национальный исследовательский университет

ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ XIX ВЕКА

На сегодняшний день существуют две точки зрения на взаимосвязь искусства и общества: одни считают, что искусство отражает жизнь общества, другие – прямо наоборот, видят зависимость общества от искусства. Тем не менее, в обоих случаях искусство влияет на мировоззрение человека. В данной работе поднимается проблема взаимовлияния литературы и общества друг на друга в момент активной экспансии литературы в действительность, когда публицистика была «учебником жизни» для интеллигенции. С помощью литературы писатели пытались обратить внимание об-

шественности на самые острые вопросы и побудить читателя к их разрешению. Некоторые произведения литературы, постоянно находящиеся под контролем цензуры, все равно доходили до читающей элиты, а иногда и до слабо образованных слоев населения. Часть интеллигенции, не желающая мириться с российской данностью, уезжала за границу, чтобы публиковать там журналы, насквозь пропитанные революционно-демократической тематикой. Этими и многими другими мероприятиями литераторы добились того, что публицистика оказала мощнейшее влияние на сознание интеллигенции XIX века. Но можем ли мы утверждать, что литература повлияла на судьбу человека, изменила его жизнь, заставила свернуть с избранного пути?

Первым в отечественной историографии показал взаимовлияние литературы и общества Ю. М. Лотман, обратившись к проблеме прототипов в комментариях к произведению А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Лотман считает, что существует два пути создания литературного прототипа – это обращение к реально существующему человеку, чей образ становится героем произведения, или же взятый из действительности какой-либо факт, преобразованный и измененный уже фантазией автора. Второй прием вынуждает читателя поверить в существование этого героя, увидеть сходные установки, привычки среди людей своего окружения. Литературное произведение, таким образом, становится реальнее самой реальности, а читатель такой подмены не замечает.

В свою очередь, И. Паперно в монографии «Семиотика поведения» акцентирует внимание на усиливающемся влиянии литературы в середине XIX века. По ее мнению, пришедший на смену романтизму реализм подчинил искусство действительности, из-за чего литература, с одной стороны, стала зеркалом социальной жизни людей, с другой – оказывала прямое воздействие на реальность. Чтобы литература стала максимально приближенной к реальности, авторы брали определенный социальный тип («идеал»), существующий в действительности, и пропускали его через призму собственного воображения. Такой способ создавал мощную, но мифическую модель реальности. Литература писала законы существования будущего человека. Такое ее восприятие объясняется еще и тем фактом, что писателя считали «вождем общества и наделяли особым ареалом святости» [4, с. 16].

М.М. Могильнер в «Мифологии подпольного человека» называет российскую литературу XIX в. уникальной, так как нигде в мире она не занимала такого влиятельного положения [3, с. 19]. Однако этому, с ее точки зрения, есть простое объяснение, а именно – лишение народа возможности участвовать в создании государственных институтов. Поэтому художественная литература вмешивается в политику и закрепляет за собой социально-политические функции. Проявляется это в том, что молодое поколение считает своей обязанностью высказаться в собственных литературных произведениях. Литература, таким образом, не просто отражала реальность, она ее создавала, предписывая жизни свою данность. Те ценностные ориентиры, которые воспевались интеллигенцией, являлись не совсем соответ-

ствующими правде, но имея влияние на общественность, принимались за реалии времени и создавали новую действительность. Однако такая мифологизация объясняется стремлением интеллигенции придать некий смысл своей социальной биографии.

Вопросами взаимовлияния литературы и идеологии занимался А. Л. Зорин в своей работе «Кормя двуглавого орла». Для него идеология, как система метафор, проникает в текст, преобразуясь посредством литературы, в других случаях – идеология зарождается из литературы, а потом переходит в лозунги и программы [1, с. 26]. Но в обоих вариантах литература влияет на идеологию, популяризуя ее и воплощая в образной форме.

Таким образом, можно заключить, что, по мнению многих авторитетных исследователей, литература и действительность оказывают сильнейшее влияние друг на друга, однако пика своего влияния российская литература достигла именно в XIX веке, когда поднимала самые острые социальные, политические, духовные вопросы, когда воспитывала новое поколение для совсем близкого «правильного» мира, когда превращала миф в реальность.

Библиографический список

1. Зорин А.О. Кормя двуглавого орла. М., 2001.
2. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1980.
3. Могильнер М.М. Мифология подпольного человека. М., 1999.
4. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.

К.И. Гречишников

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет*

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВЗГЛЯДОВ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В последнее время в исторических исследованиях заметно стремление к переосмыслению вопроса о нравственном воздействии Н.Г. Чернышевского на общественность и мыслителей второй половины XIX века. Особое внимание при этом уделяется его воззрениям на власть, государство, общину, размышлениям о крестьянском вопросе и, конечно, представлениям о революции. Но основы мировоззрения Чернышевского восходят к философско-этической сфере. Эта проблема – дискуссионная, причем позиции, занимаемые исследователями, полярно противоположны друг другу. Одним из виднейших историков, изучающих этот вопрос, является В.Ф. Антонов. Он пишет, что в основе мировоззрения и политических позиций Чернышевского «лежит оценка роли знаний, законов и количе-

ственного фактора в истории» [1, с. 3-7], т.е. истоки взглядов Чернышевского Антонов относит к материализму.

Совершенно противоположную позицию в этом вопросе занимает В.К. Кантор. Он считает, что основу философии Чернышевского составляет этическая концепция разумного эгоизма [2, с. 6-8]. Исследователь обращает внимание на воспитание и обучение Чернышевского. Действительно, эти ступени духовного развития личности важны для понимания мировоззрения уже зрелого Чернышевского. Родился мальчик в семье протоиерея. Безусловно, отец оказывал на мальчика сильное влияние. Николай Гаврилович обучался в Саратовском духовном уездно-приходском училище, после – в Саратовской духовной семинарии. В 1846 г. Чернышевский начинает обучение на философском факультете Петербургского университета. Он составляет словарь по Ипатьевской летописи. Кантор проводит мысль о том, что тема «новых людей» Чернышевского – тема Нового Завета: «новые люди» – это те люди, которые всерьез приняли основные принципы христианства».

Безусловно, на образ мысли, на взгляды Чернышевского влияли другие мыслители XIX в. Е.Л. Рудницкая пишет о точках соприкосновения взглядов писателя с П.Я. Чаадаевым. Чернышевский публиковал тексты первого «Философического письма» Чаадаева и его «Апологии сумасшедшего» в статье с одноименным названием со своими комментариями. Рудницкая считает схожими воззрения Чаадаева и Чернышевского по вопросам состояния разработки национальной истории, прошлого России [3, с. 37-54]. Однако различия их убеждений проявляются во взглядах на будущее России, на принятие восточными славянами христианства по византийскому образцу и во взглядах на другие вопросы, непосредственно касающихся русского народа и его истории.

Изучив некоторые письма Белинского, можно утверждать, что и к этому мыслителю восходят позиции Чернышевского. Социальные взгляды на неравноправие между людьми, надежды на «светлое будущее», где будет восстановлена справедливость во взаимоотношениях между людьми, прослеживаются у обоих мыслителей. Белинский в письме к Боткину написал фразу, ставшую уже афоризмом: «Социальность, социальность – или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность?» [4, с. 69]. В том же письме выказывается вера в грядущее новое время с новыми людьми и новыми общественными нравами.

Истоки «разумного эгоизма» относят к Гельвецию, Фейербаху, однако эти идеи у Чернышевского легли на мощный православный фундамент. По Чернышевскому, человек становится добрым только исходя из своих потребностей, «когда для получения приятного себе он должен делать приятное другим», злым же он становится в том случае, «когда принужден извлекать приятность себе из нанесения неприятности другим» [5, с. 263-264]. Кантор считает, что «разумный эгоизм» – это иное преподнесение одного из основных догматов христианства «поступай с людьми так, как ты

хочешь, чтобы поступали с тобой». Возможно, Чернышевский пытался таким образом сохранить христианские постулаты, нравственность в наступающее атеистическое время.

На основе изученных материалов можно говорить о том, что основы мировоззрения Чернышевского Н.Г. восходят отнюдь не только к материалистским убеждениям и социально-политическим концепциям европейской философии нового времени, но и к христианским учениям и догматам. Сыграли свою роль воспитание Чернышевского в религиозной семье, обучение юноши в духовных образовательных учреждениях, его работа над проблемами и вопросами христианства в юношестве. Чтение работ старших современников тоже внесло свою лепту: в частности, его мировоззрение соприкасается с позициями Чаадаева и Белинского. Конечно, читал Чернышевский и иностранных мыслителей, особенно он воспринял идею «разумного эгоизма» от Фейербаха, однако понимание этой концепции у Чернышевского соединяется с переосмыслением христианской этики. В результате совокупности всех этих факторов и причин рождается тот зрелый мыслитель, философ, каким знаем мы Чернышевского.

Библиографический список

1. Антонов В.Ф. Историческая концепция Н.Г. Чернышевского // Вопросы истории. М., 2006. №1.
2. Кантор В.К. Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране? // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 2013. №19.
3. Рудницкая Е.Л. Чаадаев и Чернышевский: цивилизационное видение России // Вопросы истории. М., 2003. №8.
4. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. М., 1956. Т. 12.
5. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 т. М., 1950. Т. 7.

П.П. Шинкевич

Омский государственный университет

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 16-11-55008 (а(р))
«Сибирячество как историко-культурный феномен и фактор стабильности
населения Омского Прииртышья (XVIII « начало XXI века)»*

Реализацией программы столыпинских переселений занималось Переселенческое управление, учрежденное еще в 1896 году. В 1907 году оно превращается в своеобразное «министерство колоний», заботящееся о всестороннем развитии окраин. В сферу его ответственности входит не только руководство передвижением переселенцев и землеотводные работы на местах их водворения, но и поземельное устройство старожильского и

инородческого населения, чем ранее занималось Министерство земледелия и государственных имуществ. Сосредоточение функций по землеустройству как переселенцев, так и старожилов в одном ведомстве начинается с 1905 года, когда Переселенческое управление переходит из-под контроля МВД во вновь образованное Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). До 1909 года вопросами устройства переселенцев на месте водворения ведали чиновники ГУЗиЗ, носившие звание «заведующих водворением». Затем в целях объединения деятельности чинов Переселенческого управления эти вопросы были переданы в компетенцию одного лица: «заведующего землеустройством и переселением». На него было возложено общее руководство постановкой всех сторон переселенческого дела во вверенной ему губернии. Заведующие землеустройством и переселением в Сибири входили в состав Общих Присутствий губернских управлений, где имели право решающего голоса при обсуждении переселенческих вопросов. В штате переселенческого управления и его местных структур на 1 января 1911 года состояло 2 328 человек. В это число входили заведующие переселенческими районами и подрайонами, их помощники, работники землеотводных партий, техники, различного рода специалисты (фельдшеры, агротехники) [1, с. 556-558]. Заселение новых земель предварялось проведением широкомасштабных исследований с участием специалистов ботаников, почвоведов, гидрологов, агрономов. Процесс водворения переселенцев сопровождался изучением их экономического положения, к чему привлекались экономисты и статистики [1, с. 558].

В октябре 1907 года поземельно-устроительные отряды были переданы в ведение Переселенческого управления. Землеустроительные работы и выдача наделов старались всячески ускорить, что приводило к отрицательным последствиям, как для старожилов, так и для переселенцев: участки отрезали не дожидаясь рассмотрения жалоб прежних пользователей. Государство в земельных вопросах стало склоняться на сторону переселенцев. Чиновники по землеустройству стали легко отдавать на вырубку участки леса, которые планировалось выделить под распаху переселенцам. До 1905 года все лесные участки старались оберегать [2, с. 94-96].

На переселение крестьян были ассигнованы немалые средства: на обустройство переселенцев на новых местах, медицинское обслуживание, общественные нужды и прокладку дорог. Переселенцы освобождались на длительное время от налогов, получали в собственность участок земли (15 гектар на главу семьи и 45 на остальных ее членов), денежное пособие 200 рублей на семью. Мужчины освобождались от воинской повинности. Эти и другие мероприятия подтолкнули процесс переселения в Сибирь [3, с. 121].

Для организации переселения привлекались заведующие переселенческим делом в районах водворения, которые руководили передвижением по Сибирской железной дороге и по рекам Иртыш, Обь и Енисей. В обязанности заведующих районами передвижения входил контроль за всеми передвижениями переселенцев, они должны были следить за перевозкой как

прямых, так и обратных переселенцев, за работой и состоянием переселенческих пунктов, оказанием продовольственной, медицинской и административной помощи, улаживать все недоразумения. Заведующие районами оказывали переселенцам и ходокам всяческую помощь при посадке и высадке на станцию, объясняли маршрут движения до избранных ими участков. По пути следования были организованы переселенческие пункты, во главе которых стоял заведующий переселенческим пунктом. Он занимался всей работой, кроме больничного дела, которым занимался пунктный врач. Регистрация и розыск отставшей переселенческой клады велись в течении всего года. Инструкции предписывали содержать бараки для переселенцев на пунктах в чистоте, белиль их в период усиленного движения не менее одного раза в месяц. Полы и нары должны были мыться два раза в неделю [3, с. 68-69]. Регистрация переселенцев проводилась на немногих железнодорожных пунктах – Тюмени, Оренбурге и Челябинске. Регистрация охватывала только официальных переселенцев, те, кто попадал в Сибирь помимо переселенческих партий, не включались в данные статистики [4, с. 163].

Таким образом, Главное управление землеустройства и земледелия взяло на себя все основные функции по организации процесса переселения, от организации хождения до расселения и адаптации переселенцев.

Библиографический список

1. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск: Оттиск, 2013.
2. Когут М.Т. Преселенческое движение и поземельное устройство сибирских крестьян в годы столыпинской аграрной политики // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. С. 90–106.
3. Бобылева О.М. Организация перевозки переселенцев к месту водворения в Восточной Сибири 1906–1916 гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. Ч. 1. С. 68–70.
4. Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Областное гос. изд-во, 1951.

Я.М. Цыганова

Самарский национальный исследовательский университет

ОБРАЗ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КНИГАХ ДЛЯ НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ

Во второй половине XIX – начале XX вв. в связи с масштабными изменениями во всей общественной жизни России значительно увеличилось число грамотных и образованных людей, а соответственно, расширилась читательская аудитория. С этим было связано формирование социокультурного феномена популярной литературы, которая пользовалась извест-

ностью у широких слоев населения и в которой отражались обыденные, стереотипные представления о прошлом и настоящем.

Одним из жанров популярной литературы в пореформенную эпоху стали книги для народного чтения, предназначенные для грамотных (или тянущихся к грамоте) крестьян. Н.А. Рубакин, характеризуя особенности этого вида изданий, отмечал их упрощенный стиль и назидательный характер [1, с. 90-91]. По мнению историка литературы А.И. Рейтблата, деятельность по изданию книг для народного чтения стала успешной только со второй половины 1880-х гг. [2, с. 146], и в этот период крестьяне испытывали потребность в книгах по истории и географии России [2, с. 166]. Вследствие этого появились книги, в которых приводились самые основные географические, исторические и прочие сведения о различных регионах страны, в том числе о Поволжье.

В книгах для народного чтения подчеркивалась важность знаний о Волге для всех жителей России: так, один из авторов, А. Батуев, писал, что русскому человеку «стыдно не знать свою великую реку «кормилицу-матушку»!» [3, с. 3].

В числе авторов изданий, предназначенных для грамотных выходцев из простого народа, были известные историки: так, С.М. Соловьев, популярно излагая отечественную историю, отмечал самые значительные ее события, среди которых на Средней Волге он выделял взятие Казани: «вся Волга текла теперь в русских владениях, начали строиться русские городки в этих странах, до тех пор безлюдных» [4, с. 121-122].

В книгах для народного чтения, посвященных непосредственно Волге, повествование велось как маршрут воображаемого путешествия по реке — от верховьев до устья [3, 5, 6, 7]. При этом авторы ограничивались самыми общими сведениями о географии, истории и населении Поволжья, излагая все это ярким, исключительно художественно-повествовательным и описательным стилем. История фактическая в этих изданиях часто дополнялась историей легендарной, в особенности когда речь шла о курганах в Жигулевских горах [6, с. 22-28].

В первую очередь, авторы книг для народного чтения обращали внимание на природную красоту волжских берегов и на то значение, которое Волга имела для населяющих ее людей, так как «кормит людей своей рыбой..., дает работу и прибрежным жителям и многим другим, приходящим на ее пристани для загрузки хлеба» [5, с. 3].

Повествуя о Среднем Поволжье, авторы рассказывали о наиболее значимых событиях из истории края. Так, Казань (прежняя блестящая столица Казанского ханства) навевала воспоминания о покорении города Иваном IV [7, с. 29]. При описании Симбирска вспоминали про его знаменитых уроженцев — Н.М. Карамзина и И.А. Гончарова, характеризуя этот город как «старое дворянское гнездо», напоминавшее об эпохе «недавнего прошлого, о временах блаженной памяти Ильи Ильича Обломова» [3, с.

77]. Описывая Жигулевские горы, авторы сосредотачивали свое внимание, прежде всего, на местах, «отмеченных подвигами волжской вольницы» [7, с. 32]. Волжские разбойники и в особенности Степан Разин в книгах для народного чтения становились одним из центральных исторических сюжетов. Заканчивая историческое описание современной им эпохой, авторы книг для народного чтения писали о Среднем Поволжье как о крае, где проживает множество народов, а «на местах кровавых битв ныне процветает мирная трудовая деятельность населения» [8, с. 10], в чем особенно отличилась развивающаяся стремительными темпами Самара, про которую писали: «Купчиха Самара не красна углами, а красна пирогами» [3, с. 92].

Таким образом, на страницах книг для народного чтения, имевших целью дать выходцам из народа знания о прошлом и настоящем края, создавался яркий художественный образ Волги и Среднего Поволжья. В этом образе сочетались память о кровопролитных боях и восстаниях на этой территории и представления о Волге как «матушке-кормилице» многонационального местного населения.

Библиографический список

1. Рубакин Н.А. Этноды о русской читающей публике // Рубакин Н.А. Избранное в 2-х т. Т. 1. М., 1975.
2. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
3. Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. М., 1915.
4. Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1874.
5. Волга. Составлено по Рагозину, Монастырскому и другим источникам. 3-е изд. СПб., 1899.
6. Нечаев А.П. Волга – великая река. М., 1911.
7. Нечаев А.П. Волгари и их труд. М., 1911.
8. Благовидов Н. Волга-матушка. СПб., 1901.

Ю.В. Арапова

Самарский национальный исследовательский университет

РУКОВОДИТЕЛИ ГОРОДСКИХ ДУМ ПОВОЛЖЬЯ В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Руководители органов городского управления во второй половине XIX – начале XX вв. оставили свой след в истории развития городов Поволжья Самары, Саратова и Симбирска. В ходе их работы на руководящих постах, был накоплен огромный опыт в решении самых разных проблем, которые и в настоящее время сохраняют свою значимость. В статье на основе дневников и воспоминаний исследованы личностные характеристики руководителей городских дум Самары, Саратова и Симбирска. А также предпринята попытка взглянуть на руководителей органов городского самоуправ-

ления с позиции их современников. Интересна информация о внешности, характере, деловых качествах, окружении городских голов и гласных, а также некоторые другие важные и интересные стороны их жизни. В мемуарных источниках как правило изложены не сухие факты, а эмоционально переработанные авторами описания событий, субъективные характеристики.

Сын Самарского городского головы Неклютина Николая Гавриловича, Константин в начале 70-х гг. XX в. проживая в США, написал воспоминания, в которых представил множество фактов семейной истории. О своем отце он пишет с явным уважением и гордостью, не описывая его внешность, он указывает на черты характера, достижения и заслуги: «мой отец один принял на себя ответственность за долги...», «репутация отца к тому времени стала очень высокой — он доказал, что ему можно доверять...», «за свою работу в качестве городского головы отец был представлен к награде орденами Св. Станислава 3-ей и 2-ой степени, а также Св. Анны 3-ей степени» [3, с. 20-27].

Неклютин К.Н. отмечает, что его отец «верил в важность образования, поэтому все его дети были посланы на учебу в лучшие школы, которые мог позволить зажиточный человек» [3, с. 23]. Да и сам Николай Гаврилович хотя и не получил официального образования посвящал все свое свободное время чтению — его кабинет был заставлен книгами. Особенно он интересовался вопросами технического прогресса.

Жизненный путь еще одного самарского городского головы Плотникова Федора Семеновича отражена в историческом очерке «История самарского купечества» [2]. К сожалению и здесь нет характеристик внешности и очень мало информации о личной, внерабочей жизни Плотникова Ф.С., хотя повествование ведется с малых лет градского головы. В повествовании о коммерческих достижениях и заслугах перед городом Плотникова, лишь изредка упоминается его семейная жизнь. В 21 год, познакомившись в Саратове со своей невестой, Марией Ивановной Постниковой, он решил жениться. «Женитьба не увеличивала капитал Федора Семеновича, не улучшала его социального и материального положения, а потому можно считать, что брак его с Марией Ивановной был по любви, а не по расчету» [2, с. 10].

Интересные характеристики Саратовского городского головы Волкова М.Ф. приводит В.И. Вардугин в своей книге «Во благо народного здоровья» [1]. Сравнивая Волкова с Ломоносовым, автор дает понять насколько значим в его глазах личность городского головы. Он пишет, что «препятствий Волкову хватало, а тут еще и его характер: крестьянская закваска не позволяла терпеть несправедливость, чванство, лицемерие, характерные особенно для чиновничьей среды». Остро на язык и принципиального Волкова М.Ф. побаивались, а из-за его равнодушия и характера у него было много конфликтных ситуаций. Дело для врача и городского головы Волкова

М.Ф. было на первом месте. Его пациентом и приятелем был Фролов Н.П., который занимал пост городского головы в 1895– 1901 годах [1, с.190-193].

Однако если родственники в своих воспоминаниях отмечали только положительные черты, то современники не всегда лестно отзывались о руководителях городских дум Поволжья. В своих дневниках И.Я. Славин пишет о саратовском городском голове Н.П. Фролове «Хорошо воспитанный, обходительный, приветливый Фролов мог расположить к себе окружающих, но как адвокат и как общественный деятель он обладал одним минусом, который умалял его личные достоинства и который я назвал бы «обломовщиной». Она, «обломовщина», пронизала всю его деятельность, ярко сквозила в его речи — гладкой, деловой, более или менее связной, но нудной, тяжелой, тягучей, медленной, с бесконечными повторениями, отступлениями. ... Нервный, раздражительный, медлительный, рассеянный, крикливый, он, несмотря на все свои прекрасные свойства и качества как общественного деятеля, много вредил себе и своим сторонникам и защитникам....» [4].

Хотя то же Славин И.Я. вспоминая другого саратовского голову Епифанова А.Н., пишет о нем «Епифанов представлял собой незаурядную фигуру. Это был человек недюжинного ума, серьезный, работоспособный, быстро ориентирующийся в специальных вопросах, хорошо владеющий деловой речью. Он не получил определенного законченного образования, но много читал по разным областям знания и, по-видимому, кое-что хорошо переварил. Епифанов был глубоко и искренно сознательно религиозен» [4].

Таким образом, мы видим, что источники личного происхождения при изучении органов местного самоуправления имеют колоссальное значение, помогают воссоздать образ и социально-психологический тип таких важных фигур, как городские головы.

Библиографический список

1. Вардугин В.И. Во благо народного здоровья. Саратов: ОАО «Приволжск. кн. изд-во», 2005.
2. История самарского купечества. Династии Плотниковых – Шерстневых. XIX – начало XX вв. Исторический очерк. Самара: ООО «Книга», 2012.
3. Неклютин К.Н. От Самары до Сиэтла. Воспоминания / К.Н. Неклютин; [пер. с англ. Т.А. Муравицкой]. Самара: ООО «Самарский дом печати», 2011.
4. Славин И. Я. Минувшее — пережитое. Воспоминания // Волга. 1998. № 8.

ДВЕ ВЕРЫ. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИОГРАФИЯ ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Женщины оставили весьма значительный след в истории революционного движения России XIX века. Особенно активно проявилась деятельность прекрасной и, как показала история, отнюдь не самой слабой половины человечества в народническом движении. Мы находим свидетельства участия женщин в первых сходках, кружках, организациях.

И вот что удивительно: чем стремительнее развивается революционная лихорадка, тем активнее в ней проявляют себя дамы и девицы благородного происхождения. Дворянки численно преобладали и были наиболее влиятельны как в легальном феминистском движении, так и среди участниц возникшего одновременно с ним революционного подпольного движения [1, с.10]. Они без остатка отдавали себя делу, принимали активное участие в подготовке и организации террористических актов, хотя могли выбрать и иную форму участия в революционной деятельности.

Ярким примером преданности революционному делу служат две прекрасные представительницы дворянского сословия, две «веры» русского революционного движения — Вера Николаевна Фигнер и Вера Ивановна Засулич. Обе оставили свои воспоминания, позволяющие подробно воссоздать историю их личностного становления. Вера Фигнер и Вера Засулич происходили из семей провинциальных дворян. Миром девочки-дворянки являлось поместье. Детство обеих протекало, как и у большинства детей из дворянских семей. Воспитывали их в патриархальных семейных традициях, что предполагало и строгое наказание за непослушание.

Как положено в обеспеченных семьях, вопрос воспитания и образования детей был весьма важным. Правда, образование девочек служило только для подготовки матерей, жен и домохозяек привилегированного класса. Или, как в случае Веры Засулич, после обучения в пансионе, ее ожидало будущее гувернантки, чему она всей душой противилась.

В России в последней трети XIX века существовало очень немного учебных заведений для девиц, так называемых институтов, обучение в них было доступно лишь девочкам-дворянкам и немногим мещанкам. Это были учебные заведения закрытого типа, в которых девушек обучали основам светской жизни, и, как признавалась Вера Фигнер, особых знаний в них не давали. Зато между институтками зарождалось чувство товарищества. Так, еще в Московском пансионе Вера Ивановна Засулич вошла в соприкосновение с людьми, близкими к революционному движению, с которыми впоследствии она встречалась у старшей сестры Екатерины Ивановны. Так получилось, что почти все сестры и Фигнер, и Засулич оставили след в истории революционного движения.

Что повлияло на революционерок в избрании этого тернистого пути? Исследователи выделяют ряд мотивов участия женщин в освободительном движении конца XIX – начала XX века, которые можно свести к социальным, политическим и гендерным основам. Женщины не имели возможности поступать в университеты, их профессиональная карьера была ограничена только сферой преподавания и медицины, и то не в полном объеме [2, с.15]. К данному списку, как нам кажется, необходимо добавить и психологические причины, разобраться в которых нам помогут материалы воспоминаний участниц народнического движения.

Мемуары, конечно же, пишутся тогда, когда результат жизненного пути уже известен и определен самим автором и, поэтому он стремится увековечить себя на фоне превосходящего личность объекта [3, с.204]. Для Веры Фигнер и Веры Засулич этим объектом, несомненно, стало революционное движение. Ведь, когда читаешь их воспоминания о раннем детстве, юности, годах учения, то невольно понимаешь, что все это только подготовка к чему-то большему. По-разному, но целеустремленно держали они свой путь к таинственному «порогу». Каждая могла сделать блестящую карьеру, устроить семейную жизнь, тем более, что Фигнер успела побывать замужем. Но даже это не могло удержать от революционного вихря юных красавиц. И они сделали свой выбор. Как писала В.И. Засулич, «есть времена, есть целые века, когда ничто не может быть прекраснее, желаннее тернового венка. Он-то и влек к этому «стану погибающих», вызывал к нему горячую любовь» [4, с.18]. Окончательно и бесповоротно вступив на этот путь, молодые женщины неразрывно связали свои жизни с судьбой русской революции.

Итак, в революционной биографии женщин-участниц народнического движения можно выделить общие ключевые моменты, вокруг которых структурируются их воспоминания. К важным моментам относятся детские годы, годы учения. Переломным моментом в жизни революционерок становилась ситуация выбора дела всей жизни и уход в революционное подполье. Именно этому моменту отведено особое внимание в революционных биографиях. В революционных биографиях трудно выделить какие-то обыденные моменты, поскольку в них выработан механизм перехода от пассивного обладания историческим знанием к активному формированию исторической памяти в статусе живого опыта.

Библиографический список

1. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860-1930. М., 2004.
2. Будницкий О.В. Женщины-террористки России Бескорыстные убийцы. Р.-на-Д., 1996.
3. Нуркова В.В. Зеркало с памятью. Феномен фотографии. М., 2006.
4. Засулич В. Воспоминания. М., 1931.

И.А. ИЛЬИН О ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЯХ 1917 Г. В РОССИИ

Любые потрясения в общественной жизни всегда вызывают определенную волну их оценок. В этом плане Февральские события 1917 г. не исключение. Кардинальные политические изменения, в частности, буржуазно-демократическая революция в Феврале 1917 г. в России, влияют на интеллектуальную интеллигенцию. Пожалуй, это первый слой населения, который сразу ярко и оперативно реагирует на подобное. Выражается это, чаще всего, в работах философов, социологов, правоведов, историков, культурологов и многих других. Смысл в том, что люди данной категории стараются выразить свое мнение на основе произошедших событий. В этом случае интересен отклик Ивана Александровича Ильина на Февральскую революцию 1917 г.

Свою оценку событий Иван Александрович изложил во многих трудах, но наиболее ярко это прослеживается в его работах «Почему «не надо продолжать войну?» (1918), «Демагогия и провокация» (1917) и «Заветы февраля» (1949).

Как пишут некоторые исследователи, что И.А. Ильин сразу не принял буржуазно-демократическую революцию в России, кажется, не совсем уместным и корректным [1, с.86-87]. Поскольку первоначально русский философ был на стороне революции, однако со временем отвернулся от нее.

Любопытно, что уже в 1917 г. И.А. Ильин считал Первую мировую войну однозначно проигранной, хотя сепаратный мирный договор был заключен лишь в марте 1918 г. Однако, здесь опять наблюдается желание правоведа, чтобы русское общество установило новый порядок, более справедливый, который он считает демократическим [5, с.17]. Иван Александрович надеется, что народ, вытерпевший уже многое, осознает необходимость в переменах нового характера, в построении иного государства. Но в последующем, по мнению философа, русское общество не только не поймет цели, которую нужно достигнуть, но и поведется на уловки так называемых «демагогов» и «провокаторов» [3, с.12].

Статья «Заветы Февраля» уже написанная намного позже Февральских событий 1917 г. является не осторожным прогнозом, а вполне систематичным изложением причинно-следственных связей. Наблюдая «сверху» на совершившиеся события, И.А. Ильин пытается всячески показать подлость и несправедливость нынешних ему властей в России [4, с.143].

После свержения старой верхушки власти на ее место назначаются новые люди и кадры, но, по мнению Ивана Александровича, они должны быть не хуже подкованы, однако в данном случае все совсем не так.

Ильин прогнозирует, что в 1917 г. положена тенденция «государственного бессмыслия» в России. Пути назад уже нет. Время, когда можно было что-то вернуть упущено, а значит, ждать чего-то хорошего в политическом плане глупо и бесполезно [6].

Делая вывод, можно сказать, что роль персоны Ивана Александровича Ильина в истории России колоссальна [2]. Его оценки Февральской революции 1917 г. оригинальны. Русский философ видел в ней начало глобальных потрясений в политической и общественной жизни страны. Возможно, прогнозы его довольно очевидны, однако, это не умоляет их значения. Стоит отметить, что оценку событий Февраля 1917 г. И.А. Ильина можно разделить на период самого 1917–1918 г. и уже более поздний, после эмиграции из России 1922 г.

Библиографический список

1. Бижан А.Н. Всеобщее недовольство царским правлением как главная причина победы февральской революции 1917 года в столичном Петрограде // Культура. Духовность. Общество. № 16, 2015. С. 86–97.
2. Величко Е.М. И.А. Ильин — русский философ [Электронный ресурс] // Культурно-просветительский журнал «Дельфис». URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/iailin-russkii-filosof> (дата обращения 17.02.2016).
3. Ильин И.А. Демагогия и провокация. М.: Издание «Народное право», 1917.
4. Ильин И.А. Наши задачи. Т.1. Париж.: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956.
5. Ильин И.А. Почему «не надо продолжать войну?». М.: Издание «Народное право», 1917.
6. Фролова А.А. Современники событий 1917 года о смысле и значении Русской революции в истории Российского общества [Электронный ресурс] // Наследие предков — молодым. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1058-sovremenniki-sobytij-1917-goda-o-smysle-i-znachenii-russkoj-revoljutsii-v-istorii-rossijskogo-obshchestva> (дата обращения 16.02.2016).

Е.В. Алексеенко

Самарский национальный исследовательский университет

«ЗАГРАНИЧНАЯ» ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО В 1920-Е – 1930-Е ГГ. МЕЖДУ САМАРОЙ И МИРОМ

На политической карте мира возникло нового государства, РСФСР, с совершенно иным социальным строем — правительства ряда стран Запада встретили недружелюбно, даже враждебно. Вашингтон официально выразил это актом непризнания Страны Советов. Период непризнания длился 16 лет. Данное решение было продиктовано неверием в политическое и экономическое будущее России: большевизм — прямой вызов американскому образу жизни, а возможность улучшения экономического положения в России казалась маловероятной. Заклеймив большевистский режим в, У. Колби вместе с тем допускал возможность развития торговых отношений с Советами [1, с.389]. Необходимо отметить, что в 1918-1923 гг. экономические связи не упали до нулевой отметки: существовало ряд концес-

сий и контрактов, а также шла непрерывная борьба сторонников и противников признания. С 1923 г. экономические отношения активизировались. Позиция официальных кругов не мешала отдельным предпринимателям иметь деловые контакты с Россией. Несмотря на ненависть к капитализму, большевистское руководство не скрывало восхищения перед техническими достижениями Запада.

В конце 1920-х гг. США были главной страной, где СССР закупал промышленное сырье, оборудование и технологии, рекрутировал специалистов. До конца 1933 г. у СССР и США не было дипломатических отношений [4, с. 5]. Договоры американских фирм с советским правительством были их личным делом, американцы заключали их на свой страх и риск. Оформление всех сделок контролировал Амторг — созданная в 1924 г. формально независимая корпорация American Trading Corporation, которой руководили из Москвы. Она являлась торгово-финансовым представителем СССР и выполняла целый ряд функций, в том числе и пропагандистские и разведывательные. Через нее велись расчеты с американскими фирмами, и с нею они должны были согласовывать все свои действия.

Германское руководство также было заинтересовано в сотрудничестве с СССР. К 1930-м гг. Германия выступала как главная страна промышленного импорта Советского Союза [3, с. 75]. Факт остается фактом, что «сотрудничество коммунистов с капиталистами» все же состоялось, и ряду инофирм удалось внести крупный и даже решающий вклад в создание промышленного потенциала СССР.

Зарубежные командировки и производственная практика считались в СССР самым эффективным способом обучения, так как на иностранных заводах можно было научиться гораздо большему, чем у командированных в СССР специалистов. Сотни человек ежегодно направлялись за рубеж. Советские рабочие получали беспрепятственный доступ к разнообразным техническим данным, могли делать зарисовки и бесплатно снимать копии. И все — без бюрократической волокиты. Это было непривычно для советских людей, у которых на родине проверяли документы на каждом шагу. Как объяснил им один американский инженер, чтобы узнать наши секреты, надо купить патент, а осматривать, записывать, фотографировать можно свободно, для фирмы это лучшая реклама [6, с. 326-342].

Немаловажный аспект международных контактов Советского Союза — это образ советского человека глазами иностранцев. В ежедневной газете «Рабочая Самара» от 2 сентября 1930 г. вышла статья с названием «За порядок, дисциплину, чистоту (Самара — глазами немецкого рабочего)» [2, с. 12]. В ней описывается рабочий день советского человека глазами германских товарищей по труду, где отмечены положительные и отрицательные стороны советского рабочего: советский рабочий, несмотря на ни на, что старается не опоздать на работу «...локтями и плечами прокладывали себе путь в вагон», также немецкие рабочие отметили невнимательное отно-

шение к чистоте на производстве — «уже на пороге инструментального в носы нам ударил едкий запах от близ расположенной уборной.», иностранцы были удивлены небрежным отношением к довольно-таки дорогостоящей в Самаре повседневной обуви, когда можно встать к станку в «деревянных колодках, как носят в Германии». «Русские товарищи очень приветливы и всегда готовы помочь...нас приятно поражает рвение к учебе и чувство долга со стороны наших молодых товарищей. Нам приятно отметить, как усердно они принялись за учение немецкого языка», но в конце дня, во время наплыва пассажиров в общественном транспорте «мои товарищи, которые на производстве всегда готовы помочь другому, становятся совершенно неузнаваемыми при штурме трамвая» [2, с. 12].

Уникальное дело, хранящиеся в архиве, посвящено поездке пятидесяти работников, 40 из которых специализировались по тракторному делу, как по производству, так и по эксплуатации тракторов, и 10 человек, так или иначе связанных с тракторным делом, в командировку в США для ознакомления с производством тракторов и запчастей к ним [5, л. 4]. Все эти командируемые были собраны в одну большую группу со всех уголков России, двое из которых были из Самары. Разделенные на две группы они отправились через пограничный город Сембеж (Псковская область), через Прибалтику, Германию, Бельгию, Францию. Из Гавр (Французский порт) на пароходе по Атлантическому океану мимо Англии двинулись в сторону Северных Соединенных Штатов Америки в город Нью-Йорк. Весь путь их следования был предметом внимания правительств тех стран, через которые они проезжали, а также и в самой Америки. Самое увлекательное в этой поездке — это рижское происшествие. Латвийский консул разрешил остановиться группам всего на 24 часа, но несмотря на это американский консул продержал первую группу 2 месяца, а вторую — 9 месяцев. Консул объяснял это тем, что Вашингтон не дает разрешение на въезд в США, но на самом деле такая длительная задержка нужна была для того, чтобы произвести проезжающим испытание в виде карантина. После этого испытания консул дал присягу по всем правилам, с лютеранской примесью — с поднятием руки во имя верности в Бога и просил дать клятву, что при въезде в страну не будет вестись агитация против существующего строя, не будет извращаться нравственность и будут отсутствовать соблазны на предложение женщинам временного сожительства. Сразу же по прибытии в Америку командированные поступили на завод “Форд”, в источнике очень подробно описываются впечатления от гигантского завода, который в день выпускает примерно 2000 тракторов. Ознакомление с производством осуществлялось в течении 68 рабочих дней. Помимо самого рабочего процесса, командируемые познакомились с культурной жизнью американского трудящегося [5, л. 4].

Кандидаты на поездку в США отбирались очень тщательно. Под грифом секретно заведующий Орготдела ГК ВКП (б) сообщается о выборе кандидатур для поездки.

По архивным данным можно проследить степень и хронологические рамки взаимодействия СССР и США. В 1920-е гг. в капиталистическую страну на обучение советские граждане отправлялись часто. Такие командировки имеют место быть в 1925, 1926, 1927 гг. Далее роль США в технической помощи идет на спад. На смену американским инженерам, приходят европейские. Налаживается сотрудничество в сфере производственных связей с Германией и Швейцарией.

Таким образом, следует отметить, что в 1920-е гг. через производственные контакты в мир провинциального советского города приходит «зарубежный мир», наполняя повседневность советского рабочего связями с капиталистическим миром. Революция породила ментальную оппозицию, раскрывая присущие разным обществам модели мира, не свойственную предшествующей дореволюционной эпохе: советский мир – капиталистический мир.

Библиографический список

1. Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско – американских отношениях. Пер. с англ. Е. В. Нетесовой. М., 2002.
2. Макс. За порядок, дисциплину, чистоту // Рабочая Самара. Самара, 1930. № 18 (173).
3. Осокина Е.А. Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.
4. Россия и США. Экономические отношения 1917 -1933. Сборник документов. Под редакцией Г.Н. Севастьянова и Е.А. Тюрина. М., 1997.
5. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 58.
6. Шпотов Б. М. Использование опыта США в реконструкции советской нефтяной промышленности в 1920–1930-е гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. № 1.

М.Г. Сотников

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КРАСНООКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА Г. СТАЛИНГРАДА В 1943-1944 УЧЕБНОМ ГОДУ

17 июля 1942 г. началась Сталинградская битва, в связи с военными действиями учебный 1942-1943 год в городе был сорван и начался в трудных обстоятельствах. Как сообщается в докладе о состоянии и мерах улучшения учебно-воспитательной работы в школах «учебный год начался с февраля 1943 г. вместо сентября 1942 г.» [1, л. 4]. Учащиеся (около 3 тысяч) разместились в нескольких различных домах и подвалах [1, л. 4].

Все же первые существенные шаги по восстановлению военно-физической подготовки учащихся в системе народного образования в г. Сталинграде пришлось на 1943-1944 учебный год.

Положение в районах города было не одинаковым. Часть районов относительно неплохо справлялись с военно-физической подготовкой учащихся, ряд районов наладить работу на местах на должном уровне за 1943-1944 учебный год так и не смог. Однако город в вопросе военно-физического воспитания учащихся столкнулся с рядом общих проблем.

Эти проблемы можно проследить на примере Краснооктябрьского района города.

При всех школах района имелись спортплощадки, и особенно хорошо была оборудована школа № 35, где имелись полоса препятствий, подвесная лестница и штурмовая линия [2, л. 62].

Шефствующей организацией школы (Спецстройтрестом № 1) была организована спортплощадка. Трест выделил для военрука школы квартиру. Трестами № 1 и 4 для военруков были выданы постели и постельные принадлежности.

Военруками в школе работали инвалиды Великой Отечественной войны товарищи Лобас и Польшков. Однако квалифицированными кадрами их можно было назвать едва ли, так как оба имели образование всего 4 класса. Более того военрук Лобас, как сообщалось, «украинец, на русском языке говорит плохо» [2, л. 62].

Состояние военно-физической подготовки в средней школе № 35 Краснооктябрьского района требовало значительного улучшения. Как сообщалось в справке о состоянии подготовки в этой школе «в первом полугодии раздельного обучения не было» [2, л. 12]. Причиной тому была слабая квалификация имеющихся кадров.

Лучше дела обстояли с секционной работой и материально-технической базой. Сообщалось, что в начале второго полугодия будет организована хоккейная секция, для чего было закуплено 30 пар коньков (без ботинок, мячей и клюшек). В тоже время планировалось, что будет организована и шахматная секция [2, л. 11]. Лыж в школе не было, но был оборудован при школе спортгородок и полоса препятствий [2, л. 7].

Согласно проверке районного комитета ВЛКСМ школа была полностью обеспечена преподавательским составом и материальной частью [3, л. 9]. Выделена комната под военный кабинет, где будут вывешены уже приготовленные наглядные пособия для лучшего усвоения военных дисциплин. «В школе начали работать кружки телефонистов, связистов организовались ДЮО (дружина юного пожарника) и кружок санитарного дела» [3, л. 9].

По сообщению заведующей районного отделения народного образования (РайОНО) Краснооктябрьского района товарища Комовой об успеваемости учащихся школ района по военно-физкультурной начальной и допризывной подготовке за 1943-1944 учебный год, всего обучалось в школах района 1457 детей. 950 человек прошли курс подготовки на отметки «хорошо» и «отлично», что более половины от общего числа. Такие цифры свиде-

тельствуют в целом о высоком уровне военно-физической подготовки в районе. Однако более 10% учащихся (19 человек) получили «неудовлетворительные» отметки. [2, л. 61]. Причин этому товарищ Комова не дает.

В районе работали 4 школы, из них три начальных и одна средняя. Следует отметить, что партийные и советские организации большую помощь оказывали школам и их работникам в течение года, предоставляя квартиры, топливо, промтовары, внеплановые продукты питания [2, л. 62].

Краснооктябрьский район столкнулся с общими проблемами города: отсутствие раздельного обучения, слабая квалификация имеющихся кадров, слабая работа спортивного общества «Смена».

В тоже время району удалось решить ряд проблем связанных с материально-технической базой, укомплектованностью школ необходимыми кадрами, налаженной шефской работой. Решение этих проблем можно поставить в заслугу РайОНО Краснооктябрьского района, которое внимательно следило в течение года за положением дел в военно-физической подготовке учащихся.

Эти проблемы предстояло попытаться решить Краснооктябрьскому РайОНО уже в следующем учебном году.

В целом положение дел в восстановлении военно-физической подготовки учащихся в системе народного образования в Краснооктябрьском районе г. Сталинграда в течение 1943-1944 учебного года обстояло лучше, чем в большинстве районов города.

Библиографический список

1. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ-ВО). Ф. 71. Оп. 4. Д. 61.
2. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 87.
3. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 113.

А.А Боженко

Самарский государственный институт культуры

«ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ»:

БИТЛЗ КАК ЗЕРКАЛО СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Культуру XX века нельзя представить без музыки Битлз. Ливерпульская четверка за 7 лет своего существования добилась успеха, которого не удалось достигнуть ни одной группе ни до ни после. Битлз слушала не только англоязычная аудитория, но и весь мир. Чего не скажешь об СССР. Разумеется, для Советского Союза, его официоза, музыка Битлз (до середины 1970-х годов) была мятежной и ненормальной.

Нельзя переоценить их значимость для слушателей [1]. Поклонники доставали пластинки, переписывали их, на слух записывая композиции, старались выучить язык, чтобы понять, о чем поют исполнители. Изначально пресса критически относилась к квартету. Газетные заголовки и ста-

ты пестрили обилием ложной информации. Однако, несмотря на железный занавес, музыка игралась, пресса писала, а в итоге после того, как в страну начинает проникать все западное, спрос на запрет и вовсе пропал. Различные журналы и газеты стали проливать положительный свет на образы исполнителей, что показывает на отношение людей к квартету [4, с. 20].

Невероятная слава группы, их головокружительный успех послужил поводом для рождения множества мифов. Всем нам известные музыканты стали героями веселой и интересной книги. Ее авторы, которые уже имели ряд произведений, Юлий Буркин и Константин Фадеев, тщательно изучив все, что связано с феноменом группы, буквально собрали из осколков фантастическую историю квартета [2, с. 483]. Писатели превратили ее в роман с самой жизнью – показали, как тесно и органично могут быть переплетены судьбы наших российских современников с песнями Битлз. Хотя Россия XXI века и Ливерпуль середины XX, казалось бы, не встретятся никогда. Людям нужен был этот роман, ведь участников легендарной ливерпульской четверки они видели не просто идолами с обложек виниловых пластинок, а настоящими живыми людьми. Детали и некоторые события выдуманы авторами (бывшими, кстати, авторами одной из команд КВН), именно поэтому книга больше написана в духе советского времени, об этом свидетельствуют различные смешные моменты или шутки, которыми не злоупотребляют герои. Вспомнить хотя бы эпизод, когда парни блистали своими «светскими» манерами, пытаясь открыть бутылку [2, с. 30].

Авторы книги, описывая историю группы, были поставлены в весьма сложную ситуацию: показывая повседневную жизнь участников, особенности их менталитета, а самое главное, стилистические особенности той речи, на которой они изъяснялись, авторы точно восстановить это не могли, а самое главное, что это было бы сложно для восприятия современной российской (1 издание книги 1997 г.) аудитории. Таким образом, мы можем видеть милых парней из времен «веселого брежневского застоя», близких авторам книги, на повседневность которых была наложена событийная реальность легендарного ливерпульского квартета. На страницах романа разворачивается интереснейший художественный дискурс, сравнимый с «полетом мысли» любимого Д.Ленноном Д. Керуака [3] Поведение героев, их стереотипы мышления, их отношение к возникающим на жизненном пути коллизиям, во многом отвечает стереотипам поведения советской молодежи 1970-х годов: с одной стороны герои сохраняют налет романтики, они стараются быть бескорыстными, верят в любовь, дружбу, они энтузиасты своего дела; с другой стороны, они целеустремленны, нацелены на успех в главном деле своей жизни и им важно непременно получить его материальное выражение, здесь и сейчас.

Советская молодежь, выросшая на Битлз (или росшая вместе с легендарным коллективом), перешла в другую возрастную категорию, получила бесценный (и противоречивый) жизненный опыт конца советского периода и новых, более чуждых советской реальности времен. Однако британский коллектив, распавшийся почти полвека назад, все еще в их сердцах.

Библиографический список

1. Багир-Заде А.Н. «Битлз» – навсегда! Л.: Музыка, 1989.
2. Буркин Ю., Фадеев К., Осколки неба или подлинная история Битлз. СПб.: «Амфора», 2014.
3. Габец А.А. Социокультурные маркеры речевого поведения персонажей в романах Джека Керуака и способы их реализации в художественном дискурсе // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова. 2013. С. 282-286.
4. Дэвис Х. Битлз. Авторизованная биография. М.: Радуга. 1993.

М.С. Ильминская

Самарский национальный исследовательский университет

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ XII-XIV ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История семьи – это область, в которой перекрещиваются интересы разных специалистов (психологов, культурологов, социологов, лингвистов и др.), наблюдается широкий подход к изучению темы. Семья – системообразующая ячейка средневекового общества, позволяющая подробно рассмотреть социальную, культурную сторону жизни данного общества (в городской среде). Семья может лучше всего показать специфику человеческих взаимоотношений в определенный период.

Для ее наиболее успешного изучения считаем нужным обращаться к методологическому инструментарию новых исторических направлений, которые как раз были открытиями медиевистов: подходы исторической антропологии, использование методов исторической компаративистики [1, с.104].

Большой вклад в отечественную науку для открытия данных методологических новшеств именно в рамках изучения средневековой проблематики внесли Арон Яковлевич Гуревич [2, с.11] и Юрий Львович Бессмертный. С 1989 г. стал выпускаться альманах «Одиссей», в котором публиковались и публикуются статьи различных тематик с выраженной культурной направленностью и междисциплинарностью подходов [3, с.98].

Статьи и монографии данных авторов показали, что в заданных рамках новых исторических направлений (историческая антропология, историческая психология, история повседневности, микроистория) новые подходы помогают рассмотреть предмет под иным углом, позволяют задуматься над деталями того или иного исторического исследования [4, с. 123] (например, тема детства в средневековой Франции, к примеру: какие сказки детям читались, как средневековые дети воспитывались, в целом).

Самый большой вклад в открытие, рассмотрение данной проблематики в отечественной медиевистике внес Ю.Л. Бессмертный. Начиная с 1990-х

гг. под влиянием развития исторической антропологии выходит его книга «Жизнь и смерть в Средние века», в которой ученый акцентирует внимание на проблемах французской демографии IX-XVIII вв., автор описывает демографическую ситуацию во Франции в XII-XIV вв., также затрагивает проблему брачного возраста городской семьи [5, с. 17-19]. Также в 1996 г. свет увидел сборник статей «Человек в кругу семьи»: книге наблюдаются новые подходы к изучению семьи как явления, а именно изучение индивидуальности средневекового человека. Интересны статьи по истории частной семейной жизни в разных государствах: Италии, Германии, Франции, для формирования целостной картины такого социального, культурного феномена как семья [6, с. 264].

Также яркими примерами использования междисциплинарного подхода могут послужить работы Ястребицкой А.Л., направленные на изучение положения женщины в средневековом обществе (на стыке социальной истории, истории психологии и гендерной истории) [7, с. 283]. Также историк Рябова Т.Б. рассматривает роль женщины в западноевропейском Средневековье в своей монографии, освещает роль женщины в семье, поднимает проблему материнства и воспитания детей в средневековой семье, связывает поведение женщины в семейном пространстве с ее природой [8, с. 107].

Интересен опыт Дубровского И.В., медиевист умело совмещает инструментарий социологии: проблему семьи, брака как явления, он рассматривает в рамках социальной истории. В своей статье он отождествляет понятия дома и семьи, уделяя большое внимание структурам повседневности. Он считает определенными чертами дома (семьи) то, что домохозяйство заключает в своих стенах такие важные моменты человеческой физиологии, как питание и сон, т.е. его интересует прежде всего хозяйственная, бытовая составляющая семейной жизни, это поможет нам раскрыть важные функции супругов в кругу семьи [9, с. 33-34].

Таким образом, в сложившейся ситуации современной науки отечественные медиевисты начали применять междисциплинарные подходы для углубления изучаемых тем. Умелое использование нового методологического инструментария позволило раскрыть проблематику с новых сторон. Кроме того, переноса принципы междисциплинарных исследований, разработанные в работах представителей школы «Анналов», на изучение феномена городской культуры, оказывается возможным выявление единых оснований появления ключевых процессов, структур, образующих пространство города.

Библиографический список

1. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000.
2. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: «Индрик», 1993.
3. Бессмертный Ю.Л. К изучению матримониального поведения во Франции XII-XIII вв. // Одиссей, 1989. С. 98-114.
4. Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2010.

5. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991.
6. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996.
7. Ястребицкая А.Л. Женщина и общество // Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть III. Средневековый человек и его мир. М., 1994. С. 283-315.
8. Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.
9. Дубровский И.В. Средние века: структуры повседневности // Всемирная история: Средневековые цивилизации Запада и Востока. Т. 2. М.: Наука, 2012. С. 33-54.

А.Ю. Мельников

Самарский национальный исследовательский университет

ФЕНОМЕН НЕОФАШИЗМА В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПУБЛИКАЦИИ 1970-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГГ.

Изучение феномена неонацизма в контексте анализа текущей социально-политической ситуации в капиталистических странах Западной Европы и США, а также в свете рассмотрения судеб фашистских движений и политических организаций после окончания Второй мировой войны всегда занимало заметное место среди исследований представителей советских общественных наук. Неонацизм рассматривался в своих исторических, социологических, политологических и т.д. аспектах, став предметом изучения в многочисленных статьях, авторских и коллективных монографиях, причем нередко профессиональные историки (А.А. Галкин, А.С. Бланк) обращались к политико-социологическому изучению неонацистского феномена. Особый период в изучении советскими историками неонацизма приходится на 1970-е – первую половину 1980-х гг., т.е. на период брежневского «застоя» и последние «предперестроечные» годы.

В исторических, социологических, политологических, социально-философских исследованиях советских авторов определение социальной природы и политических функций неонацизма связывалось с дефиницией фашизма, основывающейся на известном «димитровском» определении: «фашизм у власти есть <...> открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [1, с. 11]. Известный советский исследователь истории фашистских режимов и движений А.А. Галкин в своей работе «Социология неонацизма» (1971 г.) отмечал, что «роль крайне правых в государственно-монополистической системе власти полностью соответствует роли, которую играл в свое время фашизм» [2, с. 134], причем между понятиями «ультраправого», «праворадикального» и «неонацистского» движений автором ставился знак равенства [2, с. 123]. Подобная же ха-

рактеристика феномена неофашизма присутствует в коллективной монографии «История фашизма в Западной Европе» (1978 г.) [3, с. 501 – 502].

При сравнении «классического» фашизма довоенного периода и неофашизма послевоенной эпохи советские историки и социологи основной акцент делали на чертах их сходства. Так, А.С. Бланк писал в одной из своих работ, сравнивая «старый и новый фашизм»: «И тот и другой глубоко реакционны. Их цели – удушение демократии вообще, рабочего и коммунистического движения в особенности. Их жизнедеятельность поддерживается военно-промышленным комплексом, реакционной военщиной <....> Основные черты их идеологии крайне близки <...> Нет существенного различия и в методах: террор, обман, провокации, демагогия, игра на неосведомленности» [4, с. 155]. А Б.Н. Бессонов в своей обобщающей работе «Фашизм: идеология, политика» (1985 г.) утверждал, что «когда сегодня речь идет о фашизме, в сущности, нет большого смысла употреблять перед словом фашизм частицу “нео”, ибо она отнюдь не привносит какое-то новое содержание в это понятие» [5, с. 237]. Специфику «нового фашизма» советские авторы усматривали лишь во второстепенных его чертах, включающих в себя ряд идеологических и политико-тактических модификаций (идеи «единой европейской нации» в неофашистских программах, более широкое использование электоральных методов большинством неофашистских организаций, отказ преобладающей части ультраправых движений от широкого и открытого применения террора в политических целях и т.д.).

Обращаясь к рассмотрению структуры неофашистского политического лагеря, исследователи 1970 – первой половины 1980-х гг. выделяли два основных направления в нем: первое из них представляло собой лишь несколько трансформированный вариант фашизма «классического» периода 1930–1940-х гг., максимально воспринявший его идеи и политическую линию; второе течение характеризуется более заметной идеологической и тактической эволюцией, нацеленной на сокрытие старого содержания под новой формой. Неофашистские организации и движения, принадлежащие ко второму направлению, «отвергают, если не полностью, то частично, действия традиционного фашизма, уличают его в грубейших ошибках, обвиняют в измене идеалам» [2, с. 128]. При этом, по оценкам советских историков и политологов, именно данное, «преобразовавшееся» течение неофашизма обладало наибольшим политическим весом и потенциалом роста.

Особое внимание историками СССР уделялось итальянскому неофашизму и германскому неонацизму, что очевидно связано с существованием в первой половине XX столетия в Италии и Германии режимов «классического фашизма». В качестве основной неофашистской организации Италии обозначалось Итальянское социальное движение, а центральной неонацистской партии ФРГ – Национал-демократическая партия Германии [3]. Данная исследовательская ситуация откладывала отпечаток и на проработку специальных, более частных сюжетов, связанных с теми или иными аспектами из истории неофашистских движений. К примеру, М.Н. Филатов, рассматривая в своей работе «Нацистские мифы вчера и сегодня» (1979 г.)

культурно-политическое измерение неофашизма, ограничивается рамками Западной Германии, анализируя причисляемые к неонацистскому спектру произведения художественной литературы и искусства [6].

Таким образом, для советской исторической науки периода 1970-х гг. и последнего «предперестроечного» пятилетия характерно объяснение неофашизма как «продолжения» фашизма 30–40-х гг. XX века, единого с последним по своей сущности и социально-политическим функциям (как орудия наиболее реакционной части монополистического капитала) и вбирающего в себя два основных течения, различающихся по степени идеолого-политических модификаций. В центре внимания историков СССР находились неофашистские движения Италии и ФРГ, т.е. тех стран, в которых в довоенную эпоху существовали наиболее консолидированные и оформившиеся фашистские режимы. Последующее развитие исторической науки в «перестроечный» и «постперестроечный» период изменило как акценты научных исследований, так и общие концептуальные взгляды на феномен неофашизма и правого радикализма в целом, очертив историографическую ситуацию, сохранившуюся, в основном, вплоть до наших дней.

Библиографический список

1. Димитров Г.М. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад и заключительное слово. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
2. Галкин А.А. Социология неофашизма. М.: Наука, 1971.
3. Рыкин В.С., Иваницкий О.Ю. Неофашистские движения в Европе после второй мировой войны // История фашизма в Западной Европе. М.: Наука, 1978.
4. Бланк А.С. Старый и новый фашизм: Политико-социологический очерк. М.: Политиздат, 1982.
5. Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика. М.: Высш. шк., 1985.
6. Филатов М.Н. Нацистские мифы вчера и сегодня: Критика-литературно-политических спекуляций нацизма и неонацизма. Алма-Ата: Казахстан, 1979.

С.О. Бесчаснова

Тольяттинский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА «СССР-ИТАЛИЯ» В Г. ТОЛЬЯТТИ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА «СССР-ИТАЛИЯ» В ПЕРИОД 60-80 ГОДОВ XX ВЕКА

Тольяттинское отделение Общества «СССР-Италия» – это общественная организация, созданная в 1964 году в г. Тольятти, целью которой являлось содействие дальнейшему развитию дружбы, взаимопонимания, доверия и культурного сотрудничества между СССР и Италией путем ознакомления советских людей с историей, трудом, бытом Италии и итальянцев с историей СССР [1, л. 10]. В своем развитии организация прошла несколько этапов, которые имеют свои особенности и специфику.

Период с 1964 по 1980 г. можно охарактеризовать как период становления организации. В это время формируется общество, складываются основные направления культурно-массовой деятельности [2, л.5], а также происходит формирование первичных отделений Общества «СССР-Италия» [1, л.20]. В этот период организация провела большой комплекс мероприятий, в котором были задействованы различные группы населения [3, л. 5-30]. Целями всех мероприятий были: пропаганда успехов трудящихся СССР в области достижений экономического и культурного строительства, ознакомление итальянских специалистов, работающих на ВАЗе с бытом, образом жизни и культурой советского человека, воспитание молодого поколения в духе интернационализма [4, л.19]. Благодаря анализу архивных материалов было выявлено 4 вида культурно-массовых мероприятий проводимых Обществом «СССР-Италия» в г. Тольятти: встречи и беседы, наглядные агитации (фотовыставки, показ фильмов, оформление тематических стендов), экскурсии, лекционная работа [7, л.31]. В центре внимания активистов организации были такие темы как: «Советско-итальянское сотрудничество», «Италия в системе международных отношений», «Культура и искусство итальянского народа», а также «Социально-экономическое и государственное устройство Италии». В этот период происходит популяризация итальянского языка среди жителей г. Тольятти, а также налаживаются делегационные обмены. Было проведено 780 спортивных мероприятий с участием иностранцев, около 230 мероприятий для пребывающих в Тольятти иностранных женщин и детей. Всего в мероприятиях, проведенных Обществом «СССР-Италия», приняло участие около 60 тысяч жителей города [5, л. 10].

Период с 1980 по 1983 гг. ознаменовался новыми явлениями и тенденциями в работе организации. В этот период происходит увеличение числа активистов и усложнение структуры самой организации и ее работы, о чем свидетельствует практика избирания актива, а также четкое распределение обязанностей между членами Общества и первичными отделениями [5, л. 26]. Период характеризуется изменениями в управлении Обществом: появляются новые должности, отделы и комитеты [5, л. 48]. Анализ материалов этого периода дает представление о социальном составе этой организации:

- средний возраст активистов – 30-40 лет, не имеющие отношения к политическим партиям
- русской национальности, имеющие высшее образование
- не посещавшие зарубежные страны, в большинстве владеющие иностранными языками [6, л. 17]

На рубеже 1981-1982 годов особое внимание начинает уделяться обучению актива и персонала организации [5, л.1]. В культурно-массовых мероприятиях не наблюдалось смены характера деятельности, однако, особое внимание уделялось таким направлениям как: широкая пропаганда произведений В.И. Ленина и литература о нем, мероприятия военно-патриотического характера, широкая пропаганда литературы об успехах советского спорта в связи с грядущей Московской Олимпиадой [5, л. 15]. В связи с нестабильной международной обстановкой, на лекциях начинают затраги-

ваться новые темы: «Советско-американские отношения», «Ближний Восток», «Международное положение и внешнеполитическая деятельность КПСС» [5, л. 24].

Отделение Общества осуществляло активные контакты с отделением общества «Италия – СССР» в 13 городах Италии, с 10 итальянскими организациями и направляло в их адрес различные информационные материалы об СССР. Отделение стало практиковать специализацию первичных организаций по разработке тем для лекций. Проводится широкая работа по адаптации иностранных туристов к жизни в г. Тольятти. Дети иностранных специалистов начинают учиться в советских школах. Первая школа – ДФИ №1. Организовываются различные спортивные площадки и места отдыха для иностранных делегаций. Происходят регулярные поездки за рубеж советских специалистов в такие страны как ГДР, ЧССР, Индия, Италия. Каждый год Тольяттинское отделение Общества «СССР-Италия» проводило более 500 мероприятий различного характера [5, л. 34].

Таким образом, можно сделать вывод, что Тольяттинское отделение Общества «СССР-Италия» в рассматриваемый период переживало определенный «расцвет». Об этом свидетельствуют различные контакты с международными организациями, активный делегационный обмен, а также популяризация итальянской культуры и итальянского языка в г. Тольятти. Культурное взаимодействие, происходившее посредством этой организации, способствовало активизации различных сфер жизни г. Тольятти, а именно, туризма, образовательной сферы, сферы досуга и т.д. Общество «СССР-Италия» в г. Тольятти открывало возможности советскому человеку получать информацию о международной ситуации, о жизни европейского мира, что влияло на его мировоззрение. Оно способствовало дальнейшему развитию дружбы, взаимопонимания, доверия и культурного сотрудничества между СССР и Италией. Общество «СССР-Италия» открывала возможности жителям г. Тольятти для образовательного и политического совершенствования. Организация способствовала интернациональному воспитанию молодежи, а также открывала возможности для раскрытия творческого и интеллектуального потенциала молодого поколения г. Тольятти. Общество «СССР-Италия» создало оптимальный климат для сближения советского и итальянского народов. Деятельность Общества «СССР-Италия» позволило участвовать городу Тольятти в укреплении отношений России и Италии на современном этапе.

Библиографический список

1. Тольяттинский государственный архив (ТГА). Ф. Р-219. Оп.1. Д.59.
2. ТГА. Ф. Р-219. Оп.1. Д.6.
3. ТГА. Ф. Р-219. Оп.1. Д.36.
4. ТГА. Ф. Р-219. Оп.1. Д.88.
5. ТГА. Ф. Р-219. Оп.1. Д.151.
6. ТГА. Ф. Р-219. Оп.1. Д.178.
7. ТГА. Ф. Р-219. Оп.1. Д.26.

НЕМЦЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КРАТКОМ ОБЗОРЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В. – НАЧАЛО XX В.)

В данной статье совершена попытка краткого обзора дореволюционной историографии в контексте изучения Немцев Среднего Поволжья.

Историографическая традиция данного периода не является обширной. Этот период связан с появлением сведений о колонистах, когда в периодической печати были опубликованы первые статьи о переселившихся немцах [1, с. 402-404; с. 420-422]. Историография же представляет собой собирательный характер, то есть она включает в себя обозрения по истории колоний, статьи по сельскому хозяйству, аналитические заметки по статистическим данным губернских сборников. Авторы публикаций, – в основном, чиновники государственных ведомств, которые занимались управлением колоний, сбором статистических сведений, финансирование. На основе официальных документов – царские указы, законодательные акты, отчеты контор опекунов иностранных колоний они писали о социально-экономическом положении колонистов, об их бытовой составляющей и состоянии хозяйства [2].

В 1869 году в свет вышла книга «Наши колонии» А. Клауса. Этот фундаментальный труд являет собой основу в отечественной историографической традиции о жизнедеятельности немецких колоний, также он производит анализ успехов и неудач. Он сумел, достаточно подробно, обрисовать общую картину колонизации немцев в Поволжье [3].

На рубеже XIX – XX вв. возрос интерес к изучению проблемы российских немцев. Скорее всего, причина этого скрывается в экономических факторах, так как после либеральных реформ 2 пол XIX в. немецкий капитал проникает во все сферы российской имперской экономики. Это стало причиной резкого противодействия со стороны российских буржуа.

Множество споров спровоцировала книга А.А. Велицына «Немцы в России» [4], причем большинство с негативным характером. Книга была написана с целью «изучения врага» для дальнейшего противостояния. Автором поднимается вопросы о целесообразности иностранной колонизации российских территорий, при том, что в стране процветает малоземелье отечественных крестьян. После того, как А.А. Велицын посетил более двух с половиной сотен немецких поселений, он был убежден в том, что немецкая колонизация русских земель является «систематическим захватом». В труде представлены статистические сведения такие как: количество школьных учреждений, в том числе дал частичную характеристику немецкого образования, состав духовенства и многое другое.

Самарский земский деятель И.М. Красноперов [5, с.53-68] пишет о том, что немцы, проживавшие в колониях Николаевского уезда Самарской губернии, использовали капиталистические формы земледелия.

Одним из крупных исследователей поволжских немцев до 1917 г. в отечественной исторической науке является Я. Дитц [6]. Автором были отражены многие аспекты экономической и культурной жизни немецкого населения Поволжья.

Яркими представителями религиозных трактатов о духовных представлениях немцев – колонистов были Е. Бенескриптов и С.Д. Бондарь.

Ефграф Афанасьевич Бенескриптов, будучи протоиреем и магистром Петербургской духовной академии, где был бакалавром немецкого языка, а затем обличительного богословия, создал труд, в котором провел религиозно-исторический анализ различных школ в протестантизме [7].

В своей монографии С.Д. Бондарь «Секта меннонитов в России», описал историю переселения такого уникального сообщества, как меннониты, на территорию Российской Империи, создание их колоний на Юге Украины и в Поволжье. Также привел неоспоримые факты того, что меннониты были прекрасными хозяевами, у которых следовало бы поучиться русским и славянам [8].

Являясь бароном, прусским чиновником и экономистом, Август фон Гакстаузен [9] при поддержке русского государства посетил Центральную Россию, Украину, Поволжье и Кавказ с целью исследования крестьянской общины.

Монография И. И. Сергеева «Мирное завоевание России немцами» [10] представляет собой несколько отдельных докладов, которые были и прочитаны на чрезвычайном Общем Собрании членов «Общества 1914 года». Он убежден, что немцы стремятся к мировому владычеству. Своим трудом И. И. Сергеев выражает всеобщую неприязнь к немцам, как отрицательно-му явлению XIX – начала XX вв. Одним из первых он поставил вопрос о ликвидации немецкого заселения в России и в частности немецкого землевладения. Приводит неоспоримые факты того, что немцы – колонисты занимают более привилегированное положение в России, по сравнению с русскими крестьянами. Также автор выводит логическую схему, по которой видно, что немецкая колонизация России была одной из ключевых задач германской внешней политики по завоеванию Империи.

Однако в 1917 году в Москве малым тиражом выходит книга Карла Эдуардовича Линдемана [11], где он привел ряд доказательств в защиту колонистов от всякого рода несправедливых обвинений, по его мнению.

Обобщая историографический анализ дореволюционных работ, можно утверждать, что в данный период предпринималась попытка изучить историю российских немцев. Также, авторы этого периода собирали и обобщали накопленный фактический материал.

Библиографический список

1. А.Ф. Леопольдов. Путевые заметки от Саратова до Самары // Самарские губернские ведомости. 1852. 28 июня. № 26. С. 402-404; Там же. 1852. 5 июля. № 27. С. 420-422.
2. Самарские губернские ведомости. 1852. № 26. С. 402-404; №27. С. 420-422.
3. Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. Вып. 1.
4. Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893.
5. Красноперов И. Немецкие колонии Николаевского уезда. 1883.; Его же. Менонитское хозяйство в Самарском уезде. // Русская мысль. 1883. С. 53-68.
6. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов / под ред. И.Р. Плева. М.: Готика, 1997.
7. Бенескриппов Е. О западных верованиях и сектах протестантских. СПб, 1861.
8. Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России. Петроград, 1916.
9. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870.
10. Сергеев И.И. Мирное завоевание России немцами. Петроград, 1917.
11. Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселен-собственников. М., 1917.

С.С. Батрашев

Самарский национальный исследовательский университет

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ ХИП-ХОП КУЛЬТУРЫ

Хип-хоп – это культурное направление, которое зародилось в среде рабочего класса в США [1, с. 147]. Изначально, распространение этой культуры произошло преимущественно среди чернокожего населения и иммигрантов из Латинской Америки. Это было довольно логично, поскольку в хип-хоп культуре проявлялся протест против государственной власти, а так же подвластным им органам: полиция, армия. Расовая проблема продолжала оставаться весьма острой, предвзятое отношение полиции, и ущемление в правах во всех правоохранительных органов вызывали острое недовольство афроамериканцев [2, с. 20].

Иммигранты из Латинской Америки, также страдающие от ущемления прав, являлись, кроме того, важным элементом в широкой системе криминального круга, который, к тому моменту, составляли преимущественно чернокожие [2, с. 23]. Впоследствии, когда хип-хоп направление сформировалось и закрепилось как культура, главными ее принципами стали мир, отсутствие дискриминации и равноправие. Протест проявлялся уже не в поддержке и развитии криминального круга, как это было ранее, а в со-

здании новой культуры и идеологии. Важно также понимать, что хип-хоп вобрал в себя черты всех мировых религий, так как зарождение его происходило в многонациональном и межконфессиональном обществе. Это довольно известное понятие плавильного котла, относящееся к населению Соединенных Штатов Америки, по сути, и объясняет то разнообразие признаков, которые впитало в себя такое новое культурное направление [3, с. 142].

Выделим основные принципы хип-хопа. Резко негативное отношение к расовой дискриминации и любой другой и протест против превышения своих полномочий полицией. Требование равноправия во всех сферах общественных отношений. Мирное решение любых конфликтов. Решение вопросов с помощью вызова на соревнование (батл), что позволяет решить все конфликты и недопонимания мирным путем, не применяя различных видов насилия [4, с. 235]. Победителя определяет толпа зевак, прохожих зрителей и т.д. Важно понимать, что хип-хоп зародился на улицах, и соответственно он решает именно те проблемы, которые существовали в то время на улицах.

В 1965 году произошло событие известно как «беспорядки в Уоттсе», в пригороде Лос-Анджелеса [5, с. 170]. В результате шестидневных беспорядков тридцать четыре человека погибло, 1032 человека получили ранения, 3438 были арестованы. Причиной возникновения беспорядков послужил инцидент между офицером дорожной службы и чернокожим гражданином. Это не единственный бунт, возникший на почве расовой дискриминации, суда можно отнести бунт в Детройте в 1967 году, беспорядки в Нью-Йорке в 1863 году, а так же бунт в Лос-Анджелесе в 1992 году [6, с. 2]. Это, несомненно, влияло на радикализм новой культуры, хотя хип-хоп всегда выражал просто состояние радости и проявление себя в какой либо деятельности, будь то танец или сочинение стихов.

Все виды проявлений хип-хоп культуры, которые мы разобрали ранее, мы можем встретить в различных религиях мира. В исламе активно используются песнопения, которые называются нашидами. Нашимд — мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов [7, с. 44]. Похожий пример можно привести из буддизма или индуизма, где в религии активно используют мантры. Мамнтра — «стих», «заклинание», священный текст, слово или слог, как правило, требующий точного воспроизведения звуков, его составляющих. Очень часто подобный жанр используется в католичестве и православии, где молитвы не читаются, а поются, так называемые молебные пения.

Что касается танца, то он так же часто встречается не только в самых крупных и распространенных мировых религиях, но и в менее популярных. Танец вводит человека в своеобразный транс, в этом состоянии человек ближе к потусторонним мирам, это и объясняет то, что танец как религиозный ритуал так распространен среди религий. В исламе ритуальные танцы, например, такие как Зикр. Зикр — исламская духовная практика,

закрывающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога, во время произнесения зикра исполнитель может совершать особые ритмизированные движения. В Чечне этот ритуальный танец также используется перед сражением. Музыка и танцы являются формой религиозной буддистской практики, совершаются для преобразования себя в божество (Идама) и для демонстрации этого аспекта другим. Однако цам — это любой ритуальный танец, один из многих, исполняемый практикующими в качестве жертвоприношения идаму-божеству с целью устранения препятствий и обретения благ.

Ну и, конечно же, хип-хоп впитал в себя традиционные африканские обряды и ритуалы. Что говорит не только о возвращении к своим корням среди чернокожего населения, но и создании совершенно новой реальности, которая продолжает распространяться. Традиционные танцы африканских шаманов, танцы вуду и т.д. Изначально африканские танцы, по сути, были мощнейшими шаманскими ритуалами, которые использовались буквально в каждой жизненной ситуации, а также способствовали единению с землей и сообществом. Так же танцы популярны среди афроамериканских баптистов, пятидесятников, и традиционных протестантов.

Отрицать влияние религий на появление хип-хоп культуры невозможно. Хип-хоп это продукт, созданный в условиях слияния разных обычаев и ритуалов мировых религий, к которым принадлежали основатели данного направления. Все эти элементы мы можем встретить в движениях, музыке, рисунках и во многом другом. И самое главное хип-хоп не стал провокатором появления споров и разногласий в системе различных культур, а наоборот стал предметом решения большинства проблем (уличных конфликтов), заставляя людей совершенствоваться и развиваться в каком либо из направления хип-хоп искусства, смешивая форм различных культур нашей планеты. Более того, на сегодняшний день, Хип-Хоп является социальной лестницей для многих людей.

Библиографический список

1. Луков В.А. Хип-хоп культура // Знание. Понимание. Умение. Москва, 2005. № 1.
2. Соломатина В.М. Проблема черного населения в США 1863-1993 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Москва, 1995. № 1.
3. Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США / / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Москва, 2002. № 1.
4. Садыкова Д.А. Хип-хоп в пространстве современной культуры // Омский научный вестник. Омск, 2013. № 5.
5. Хорн Дж. На сей раз огонь восстание в Уотсе 1960-е годы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Москва, 1998. № 1.
6. Darden J.T. Detroit: race riots, racial conflicts, and efforts to bridge the racial divide // Michigan State University Press, 2013.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА КУЙБЫШЕВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

В годы Великой Отечественной войны Куйбышев стал запасной столицей страны. Сюда были эвакуированы основные дипмиссии и большое количество производств. От этих процессов не ускользнула и культурная элита страны. В Куйбышеве в годы войны свое убежище нашли труппа Большого театра, Симфонический оркестр всесоюзного радио, Дмитрий Шостакович, Самуил Самосуд, Давид Ойстрах и многие другие музыканты, композиторы и исполнители. В сложных условиях эвакуации они трудились и творили на благо родины. Культурная элита и ее творчество стали одной из внутренних опор для духовного единства советского общества, которое не смотря ни на что смогло победить страшного противника в лице нацистской Германии.

К сегодняшнему дню отечественная историография культуры России и ее регионов в 1941-1945 гг. прошла сложный и неоднозначный путь. Учитывая современную ситуацию в науке, а именно методологический кризис, о котором все чаще говорят в исторической литературе, а также критический пересмотр оценок феномена Великой Отечественной войны, обобщение опыта исследования отечественными учеными культуры СССР в годы войны становится актуальной научной задачей. Это также обусловлено тем фактом, что советская и современная российская историческая литература, посвященная культуре страны в годы войны очень обширна и неоднородна, при этом историографическому анализу она практически не подвергалась. Та же самая ситуация наблюдается и в историографии музыкальной жизни города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны.

Если говорить об историографии проблемы нашего исследования, то наиболее подробно она разобрана в работах Елены Ленаровны Храмковой [1, с.5] и диссертации Ольги Владимировны Тузовой [2, с. 5]. Самарские историки изучили опыт отечественных ученых в области разработки культурно-исторической проблематики периода Великой Отечественной войны, выявили стереотипы, а также нетрадиционные подходы к данной проблеме.

Если говорить о периодизации, то историографию культуры СССР в годы войны, и музыкальной жизни города Куйбышева в частности проще всего поделить на два периода – советский и постсоветский. Но останавливаться на этом было неправильно, поскольку литература по проблеме крайне обширна и неоднородна. В нее входят как сугубо исторические, так и музыковедческие, краеведческие и культурологические работы

В последнее время историки склоняются к выделению трех этапов. Первый – 40-50-е гг. – период накопления и систематизации фактического материала по отдельным сюжетам музыкальной культуры регионов страны. Второй – 60-е гг. – первая половина 80-х гг. – время появления серьезных обобщающих трудов; в этот же период и возникает дискуссия по поводу подходов к изучению культурной и, в частности, музыкальной жизни СССР в годы войны. Стоит отметить, что именно 80-е гг. стали начальным этапом историографии музыкальной культуры Среднего Поволжья. Третий период – «современный» – вторая половина 80-х гг. – настоящее время [2, с. 6].

Последний этап историографии проблемы еще более сложен и противоречив: с одной стороны в части работ давление марксистско-ленинской идеологии сначала ослабло (конец 80-х гг.), а затем и вовсе исчезло, появились новые источники методы и подходы; с другой же стороны – некоторые авторы продолжили работать в прежнем русле. В любом случае, 90-е годы особо активизировались местные историки – это время – пик публикаций краеведческих работ. А вот вместе с новым тысячелетием начинает появляться все больше узкоспециализированных исторических исследований. В связи с этим в «современном» периоде историографии музыкальной жизни города Куйбышев можно смело выделить два подпериода – конец 80-х гг. – 90-е гг., и начало «2000-х» – настоящее время.

Если говорить о сюжетах, то во всех обещающих исследованиях «советских» историографических периодов система музыкальной культуры военного времени рассматривалась фрагментарно, внимание уделялось самым ярким и «героическим» сюжетам (творчество Д.Д. Шостаковича, эвакуация в Куйбышев Большого Театра, деятельность фронтовых бригад артистов). Конкретно-исторических исследований, посвященных именно музыкальной культуре Куйбышева в годы войны, или хотя бы отдельным ее аспектам, с 1940-х по 1980-е не появлялось. Возможно, именно такая неоднозначная ситуация в историографии музыкальной жизни нашего города привела к активизации самарских музыковедов, краеведов и историков в 1990-х – нач. 2000-х. [3, с. 292]. В их работах был пролит свет на мероприятия властей направленные на реорганизацию сферы культуры на военный лад; творческое взаимодействие местных и эвакуированных в город артистов; общественную деятельность музыкальных мэтров в Куйбышеве; влияние эвакуационно-реэвакуационных процессов на развитие культуры нашего города в 1941 -1942 годах; спад культурной жизни города в связи с реэвакуацией Большого театра и др) [4, с.77] . Современный историографический этап так же отличается использованием новых методологических подходов. Происходит сращивание истории, краеведения и музыковедения (проникновение междисциплинарных методов изучение темы).

Если сравнивать советскую и постсоветскую историографию музыкальной жизни нашего города, то последняя, безусловно, является более инте-

ресной, насыщенной небольшими, но емкими краеведческими и музыковедческими работами, а так же диссертационными исследованиями местных историков. Не смотря на это, изучение музыкальной жизни города Куйбышев в годы Великой Отечественной войны остается актуальной научной задачей, так как все еще остается множество неизученных или слабоизученных вопросов. Например, быт эвакуированных в Куйбышев артистов и налаживание работы учреждений культуры после реэвакуации Большого театра остаются малоизученными; одновременно с этим фигура Д.Д. Шостаковича, практически полностью вытеснила из публикаций остальных деятелей музыкальной культуры Куйбышева военных лет, либо отодвинула их на второй план. Таким образом, в историографии музыкальной жизни города Куйбышев на сегодня остается еще множество неосвоенных тем и сюжетов, тем более, что интерес к истории города в годы войны не угасает. Особенно в свете всех последних памятных юбилейных дат и присвоения Самаре статуса города трудовой и боевой славы.

Библиографический список

1. Храмкова Е.Л. Культура России периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Историографические очерки. Самара, 2001.
2. Тузова О.В. Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы великой Отечественной войны 1941-1945гг. Дис. ... канд. ист. М., 2005.
3. Храмков Л.В. Храмкова Н.П. Самара и Самарская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Очерк истории. Хроника событий. 2-е изд., испр. Самара, 2008.
4. Цветова Е.М. Возрожденный «Олимп»: Из истории музыкальной жизни Самары – Куйбышева. Самара, 1991.

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXII Всероссийская конференция молодых историков
(Самара, 9–10 декабря 2016 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 15.03.2017.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 14,75. Гарнитура «Newton».

Тираж 100 экз. Заказ № 0045

Изд-во Самарской гуманитарной академии,
443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в цифровой типографии ООО «Прайм»
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.